
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Шабига Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры ТИМО РУДН — *главный редактор серии*

Дегтерев Денис Андреевич — кандидат экономических наук, зав. кафедрой ТИМО РУДН — *заместитель главного редактора*

Курылев Константин Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры ТИМО РУДН — *ответственный секретарь*

Члены редколлегии

Бажанов Евгений Петрович — доктор исторических наук, ректор Дипломатической академии МИД России

Карпович Олег Геннадьевич — доктор политических наук, доктор юридических наук, руководитель Центра сравнительно-правовых исследований Института США и Канады РАН

Ларионова Марина Владимировна — доктор политических наук, директор Института международных организаций и международного сотрудничества (ИМОМС), профессор кафедры международных экономических организаций и европейской интеграции НИУ ВШЭ

Мосяков Дмитрий Валентинович — доктор исторических наук, заведующий отделом стран Юго-Восточной Азии, заместитель директора Института востоковедения РАН

Портяков Владимир Яковлевич — доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН

Протопопов Анатолий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор-консультант кафедры ТИМО РУДН

Сапронова Марина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России

Хейфец Виктор Лазаревич — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге

Фитуни Леонид Леонидович — доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований

Адилханулы Нурлан Адилханович — заведующий кафедрой региональных исследований Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылайхана, Казахстан

Аглян Ваагн Робертович — заведующий кафедрой факультета международных отношений Ереванского государственного университета, Армения

Акинер Ширин — профессор Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Великобритания

Джованнетти Джорджия — профессор Университета Флоренции, Италия

Ван Гуанчжэнь — профессор Школы истории и культуры Шаньдунского университета, Китай

Гутьеррес Дель Сид Ана Тереза — профессор международных отношений Столичного автономного университета, Мексика

Кёхлер Ханс — профессор философии Университета Инсбрука, Австрия

Моргунова (Петрунько) Оксана — Центр по изучению России, Центральной и Восточной Европы Университета Глазго, Великобритания

Такахаси Мотоки — профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, Япония

EDITORIAL BOARD

Series INTERNATIONAL RELATIONS

Shabaga Andrey Vladimirovich — Doctor, Professor of the Department of theory and history of international relations — *Editor-in-Chief of the series*

Degterev Denis Andreevich — Phd, Head of the Department of theory and history of international relations — *Deputy Editor*

Kurylev Konstantin Petrovich — Phd, Associate professor of the Department of theory and history of international relations — *Executive Secretary*

Members of the Editorial Board

Bazhanov Eugene Petrovich — Doctor, Rector of the Diplomatic Academy, MFA of Russia

Karpovich Oleg Gennadevich — Doctor, Head of the Center for Comparative Legal Studies of the Institute for the USA and Canada, Russian Academy of Sciences

Larionova Marina Vladimirovna — Doctor, director of the Institute of International Organizations and International Cooperation, Professor of the Department of International Economic Organizations and European Integration of National Research University Higher School of Economics

Mosyakov Dmitry Valentinovich — Doctor, Head of Department of Southeast Asia, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Portyakov Vladimir Yakovlevich — Doctor, Deputy Director of the Institute for Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

Protopopov Anatoly Sergeevich — Doctor, Professor of the Department of theory and history of international relations of Peoples' Friendship University of Russia

Sapronova Marina Anatolievna — Doctor, Professor of the Department of Oriental Studies of MGIMO — University, MFA of Russia

Heifetz Victor Lazarevich — Doctor, Professor of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

Fituni Leonid Leonidovich — Doctor, Deputy Director of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Global and International Studies

Adilhanuly Nurlan Adilkanovich — Head of the Department for Regional Studies of the Kazakh University of International Relations and World Languages named Abylaikhan, Kazakhstan

Aglyan Vahagn Robertovich — Head of the Department of International Relations of Yerevan State University, Armenia

Akiner Shirin — Professor of School of Oriental and African Studies (SOAS), University of London, UK

Giovannetti Giorgia — Professor of University of Florence, Italy

Wang Guangzhen — professor of the School of History and Culture in Shandong University, China

Gutierrez Del Cid Ana Teresa — Professor of International Relations at Metropolitan autonomous university, Mexico

Kochler Hans — Professor of Philosophy at the University of Innsbruck, Austria

Morgunova (Petrunko) Oksana — Centre for Russian, Central and East European Studies, University of Glasgow, UK

Takahashi Motoki — Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Japan

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Сентябрь 2016, том 16, № 3

Серия издается с 2001 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ: QUO VADIS?

- Хойзер Б.** Военные учения и риски взаимного недопонимания: кризис в отношениях между Востоком и Западом в начале 1980-х гг. 391
- Караганов С.А.** Новая идеологическая борьба? 405
- Худайкулова А.В.** Теории безопасности третьего мира 412
- Громогласова Е.С.** Современный военно-силовой контртерроризм: международно-политический и правовой аспекты 426
- Трунов Ф.О.** Всеобъемлющий подход к постконфликтному восстановлению: опыт ФРГ в Афганистане 437
- Тафотье Д.Ж.Р., Идахоса С.О.** Конфликты в Африке и великие державы: опосредованные войны, зоны влияния или провоцирование нестабильности 451

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

- Ваким Дж., Кузнецов А.А.** Геополитическое измерение сирийского конфликта 461
- Косов А.П.** США и «арабская весна»: оценки российского экспертного сообщества 473
- Курылев К.П., Нгоян А.Л., Паласиос Э.К., Скудина О.В.** Неурегулированные конфликты на постсоветском пространстве в анализе западных экспертно-аналитических центров 482

Пейч И. Западные Балканы в контексте теории комплексов региональной безопасности	494
ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ	
Базылева С.П., Черненко Е.Ф. Сотрудничество Узбекистана и России как стабилизирующий фактор на евразийском пространстве	505
ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ	
Максимова А.В. Смена приоритетов в стратегиях ведущих доноров международной помощи в 2014—2016 гг.: цели устойчивого развития и фактор безопасности ...	521
Хачатурян Д.А. Франко-армянские привилегированные отношения: опыт прикладного анализа	538
НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ	
Исследование международных конфликтов в России: истоки, современное состояние и тенденции. Интервью с профессором В.А. Кременюком (ИСК РАН)	549
Конфликты в XXI веке. Интервью с профессором Йоханом Галтунгом (Норвегия)	563
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ	
Сапронова М.А. Роль Абдель Азиза Бутефлики в урегулировании внутриаляжирского конфликта	567
РЕЦЕНЗИИ	
Джангириян В.Г., Станис Д.В., Смолик Н.Г. Рецензия на монографию: Курьлев К.П. Внешняя политика Украины в контексте формирования региональной системы безопасности в Европе	578
НАШИ АВТОРЫ	584
ОТ РЕДАКЦИИ	588

VESTNIK RUDN

PERIODICAL

RUDN University

First published 1993

Series

INTERNATIONAL RELATIONS

September 2016, Vol. 16, Number 3

Series founded in 2001

RUDN University

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER:

INTERNATIONAL CONFLICTS: QUO VADIS?

Heuser B. Military Exercises and the Dangers of Misunderstandings: the East-West Crisis of the Early 1980s	391
Karaganov S.A. New Ideological Struggle?	405
Khudaykulova A.V. Security Theories of Third World	412
Gromoglasova E.S. The Use of Force in Modern Counter-Terrorism: International Legal and Political Aspects	426
Trunov Ph.O. A Comprehensive Approach to Post-Conflict Reconstruction: German Experience in Afghanistan	437
Tafotie D.J.R., Idahosa S.O. Conflicts in Africa and Major Powers: Proxy Wars, Zones of Influence or Provocative Instability	451

PEACE AND SECURITY

Wakim J., Kuznetsov A.A. Geopolitical Dimensions of the Syrian Conflict	461
Kosov A.P. The USA and “The Arab Spring”: Evaluations of the Russian Expert Community	473
Kurylev K.P., Ngoyan A.L., Palacios E.P., Skudina O.V. Unsettled Conflicts in the Post-Soviet Space in the Analysis of the Western Research Centers	482

Pejic J. Western Balkans in the Light of Regional Security Complex Theory	494
BILATERAL RELATIONS	
Bazileva S.P., Chernenko E.F. Evolution of Relations Between Russia and Uzbekistan	505
APPLIED ANALISYS	
Maximova A.V. Changing Priorities in Strategic Documents of Donor Countries in 2014—2016: Security, Sustainable Development Agenda and Other Factors	521
Khachatryan D.A. French-Armenian Privileged Relationships: an Attempt to Use Applied Analysis	538
SCIENTIFIC SCHOOLS	
Peace Studies in Russia: Origins, Current Status and Trends. Interview with Professor <i>Victor A. Kremenyuk</i> , Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Science	549
Conflicts in the XXI Centure. Interview with Professor <i>Johan Galtung</i> (Norway)	563
POLITICAL PORTRAITS	
Sapronova M.A. Abdelaziz Bouteflika’s Role in the Settlement of the Internal Algerian Conflict	567
REVIEWS	
Jhangiryan V.G., Stanis D.V., Smolik N.G. Review of the Book by K.P. Kurilev. Ukraine’s Foreign Policy in the Context of a Regional Security System in Europe	578
OUR AUTHORS	584
EDITORIAL	588

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ

Международные конфликты: Quo Vadis?

ВОЕННЫЕ УЧЕНИЯ И РИСКИ ВЗАИМНОГО НЕДОПОНИМАНИЯ: КРИЗИС В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ В НАЧАЛЕ 1980-Х ГГ.

Б. Хойзер

Университет Рединга, Рединг, Великобритания

Данная статья посвящена анализу рисков взаимного недопонимания в контексте проведения странами-членами НАТО и ОВД крупномасштабных военных и командно-штабных учений в 1983 г. Проблема взаимного недопонимания рассматривается в контексте классической «дилеммы безопасности», сформулированной Дж. Герцем еще в 1951 г. и адаптированной к вопросам проведения военных учений Д. Адамски.

Несмотря на все имеющиеся знания, аналитику, разведку и другие формы коммуникации между Западным и Восточным блоком, между ними зачастую возникала проблема взаимного недопонимания. Особенно ярко это проявилось в ходе проведения командно-штабных учений стран НАТО «Искусный лучник 83», которые поставили мир на грань ядерной войны. При том, что западные страны рассматривали учения как демонстрацию своей мощи для сдерживания возможного нападения со стороны ОВД, страны Восточного блока воспринимали эти учения как мероприятия, непосредственно угрожающие их военной безопасности.

По мнению автора, именно военные учения, проводимые обеими сторонами, были наиболее значимым фактором и самой главной причиной резкого ухудшения отношений между Западом и Востоком в начале 1980-х гг., последовавшего за периодом разрядки международной напряженности в 1970-е гг.

Статья основана на большом эмпирическом материале, архивных данных, личных беседах автора с участниками описываемых событий.

Ключевые слова: СССР, ОВД, НАТО, США, холодная война, «дилемма безопасности», военные учения, командно-штабные учения, недопонимание, угроза ядерной войны.

Возможно, никогда за послевоенные десятилетия ситуация в мире не была такой взрывоопасной и поэтому более трудной и неблагоприятной, как в первой половине 1980-х годов.

Михаил Сергеевич Горбачев, февраль 1986 г.
[The Soviet “War Scare” 1990]

Формирование международных отношений в качестве научной дисциплины и предмета исследований относится к периоду между Первой и Второй мировыми войнами. Сам термин «иностранные дела» (Foreign Affairs) стал широко

использоваться еще с XVIII столетия, однако «международные дела» (International Affairs) и «международные отношения» (International Relations) получили широкое распространение уже после общеевропейской катастрофы Первой мировой войны. Термин «международные отношения» окончательно входит в научный оборот с 1941 г. и становится общеупотребимым уже в середине 1950-х гг. Изучение международных отношений представляет собой, в первую очередь, «исследование катаклизмов» [Watt 1983], именно так заявил Дональд Кэмерон Уатт во время торжественной лекции при вступлении в должность профессора международных отношений им. Стивенсона в Лондонской школе экономики в 1983 г. — времени, о котором пойдет речь в данной статье.

Таким образом, становление предмета исследований стало развиваться лишь после второй крупнейшей катастрофы XX в. — Второй мировой войны, когда началась холодная война, нередко перераставшая в горячую и кровопролитную, чему препятствовали исследователи по обе стороны «железного занавеса». Это привело к лавинообразному росту соответствующих университетских кафедр, что в первую очередь (хотя и не только) было характерно для англоязычных государств мира¹. С тех пор научные библиотеки пополнились литературой, затрагивающей широкий круг вопросов, касающихся холодной войны (в особенности, взаимоотношений между странами Запада и Советским Союзом), а также истоков Первой и Второй мировых войн.

«ДИЛЕММА БЕЗОПАСНОСТИ» В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Одна из ключевых идей была сформулирована еще в 1951 г. Джоном Герцем — немецким исследователем, эмигрировавшим из нацистской Германии и впоследствии преподававшим в одном из американских университетов. В 1950 г. он ввел в научный оборот такое понятие, как «дилемма безопасности» (security dilemma):

«То удручающее положение, в котором оказался биполярный мир, отягощенный еще и атомным оружием, — это не что иное, как наглядное свидетельство существования дилеммы, с которой человечество было вынуждено бороться с самого рассвета собственной истории. На какое бы анархическое общество мы ни обратили свой взгляд, везде возникала так называемая дилемма безопасности человека, общественных групп и их лидеров. У индивидов и общественных групп, живущих в условиях анархической среды, должна возникать и возникает настоятельная потребность в обеспечении собственной безопасности — в защите от нападения, порабощения, доминирования или уничтожения со стороны других групп и индивидов. Для защиты от такого рода нападений они стремятся приобрести как можно больше силы, что позволит уберечь их от воздействия силы других. Это, в свою очередь, усиливает ощущение уязвимости у других,

---

¹ Google n-gram viewers (Диаграммы Google).

побуждая их готовиться к наихудшему. Поскольку никто не может чувствовать себя в полной безопасности в таком мире конкурирующих групп, силовая конкуренция усиливается, что ведет к порочному кругу безопасности и накопления силы» [Herz 1950].

Вышеуказанная концепция также актуальна для ситуаций, описанных в данной статье.

В годы холодной войны, как представляется, значительная часть дипломатических и разведывательных структур как государств — членов Организации Варшавского договора (ОВД), так и стран Североатлантического альянса (НАТО) осуществляла мониторинг, анализ и оценку информации о деятельности своих оппонентов. Согласно нашей приблизительной оценке, никогда ранее столь значимое количество ресурсов не направлялось на понимание действий противоположной стороны, причем было сформировано сразу несколько групп аналитиков (от сверхсекретных разведчиков до наиболее публичных журналистов), которые между собой практически не контактировали (даже в пределах одной страны).

В обоих лагерях были тайные агенты, но поскольку западный лагерь представлял собой сравнительно более открытое общество, то, несмотря на меры предосторожности (особенно в оборонном секторе Западной Германии и в смежных сферах), в НАТО присутствие иностранной разведки было шире. Данная тематика и по сей день остается достаточно сложной для научного исследования, однако пласт информации, которая теперь стала публичной, все же позволяет нам привести примеры того, что происходило.

Так, в 1974 г. канцлер ФРГ Вилли Брандт был вынужден уйти в отставку после того, как стало известно, что один из его ближайших помощников, Гюнтер Гийом, на самом деле был агентом ГДР. Приведем еще один пример: один из сотрудников штаб-квартиры НАТО, германский гражданин Райнер Рупп (псевдоним «Топаз») сумел в течение 1980-х гг. передать целый ряд сверхсекретных документов НАТО разведывательной службе ГДР (а впоследствии, возможно, через Восточный Берлин и в Москву) [Fischer 1999; Schaefer *et al.* 2014].

К началу 1980-х гг. мир или, по крайней мере, Запад приходит к консенсусу как среди академических, так и среди правительственных кругов в отношении того, что меры по обеспечению безопасности и предотвращению военных угроз, принятые по результатам Хельсинкского процесса (т.е. Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе), являются ключевыми во избежание неправильной оценки намерений оппонента и предотвращения случайных инцидентов, потенциально способных привести к войне с государствами ОВД. Как это ни парадоксально, но, зная о существовании ряда тайных агентов Восточного блока, по крайней мере, в некоторых странах НАТО, было принято решение не выдвигать их в целях демонстрации Востоку, что Запад не вынашивает агрессивных намерений и в первую очередь проводит только оборонительные мероприятия [War plans and alliances in the Cold War 2006].

КОНТРОЛИРУЕМОЕ И НЕКОНТРОЛИРУЕМОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ

Логика данного решения была проста: сверхсекретные документы НАТО, полученные тайными агентами разведывательных служб стран ОВД, будут вызывать у государств Восточного блока больше доверия, нежели официальные декларации стран Запада. Данную мысль иными словами выразил в частном разговоре со мной бывший высокопоставленный гражданский служащий Великобритании, ранее работавший в сфере обороны и разведывательной деятельности: «Мы предполагали, что они [политические лидеры СССР и ОВД] располагают актуальной разведывательной информацией о наших действиях». Таким образом, на Западе предполагалось, что подобная стратегия позволит избежать недопонимания намерений западных стран, а также убедит Москву в абсолютной невозможности нападения на территорию государств ОВД и в отсутствии риска начала третьей мировой войны.

Однако возникли две проблемы. Во-первых, службы контрразведки западных стран не располагали полной и достоверной информацией обо всех агентах ОВД, работающих на Западе. Во-вторых, западные спецслужбы не знали обо всей конфиденциальной информации, поступавшей на Восток, а также о ее интерпретации со стороны агентов и аналитиков Восточного Берлина или Москвы. Возможно, на Восток попадали лишь фрагменты документов без соответствующего контекста. Или документы интерпретировались таким образом, о котором западные аналитики даже не подозревали, несмотря на все их обширные познания о советском (и восточногерманском) менталитете [Scott 2011].

ВОЕННЫЕ УЧЕНИЯ

Серьезная угроза взаимного недопонимания была связана, в первую очередь, с двумя факторами: во-первых, с интерпретацией причин развертывания нового (и, прежде всего, ядерного) оружия; и, во-вторых, с оценкой значения военных учений. Более того, существовала взаимосвязь двух вышеуказанных факторов: проведение военных учений сопровождалось внедрением новых систем вооружений.

Проведение военных учений нацелено на решение широкого спектра задач: предотвращение потенциального нападения посредством демонстрации собственной мощи и убеждения противника, что победа не является предрешенным фактом; убеждение союзников в том же самом; обучения навыкам использования новых систем вооружения, и отработку тактических сценариев; повышение готовности к реагированию на непредвиденные обстоятельства и многие другие задачи. По этим причинам и НАТО, и ОВД, а также отдельные государства — члены данных блоков (индивидуально или совместно с соседними странами) в течение всего периода холодной войны неоднократно организовывали проведение военных учений самого разного уровня — от тактических мероприятий с участием нескольких отдельных войсковых подразделений до крупномасштабных учений, участие в которых принимали десятки тысяч военнослужащих.

В 1980-х гг. наиболее крупными из них со стороны НАТО были ежегодные учения под названием «Осенняя кузница» (Autumn Forge), представлявшие целую серию отдельных военных маневров — от крупномасштабных полевых учений (самым крупным из которых было ежегодное «Возвращение войск в Германию», Return of Forces to Germany — REFORGER) до тактических маневров небольших военных подразделений и небольших командно-штабных игр. В свою очередь, со стороны ОВД проведение крупных военных учений не проходило на регулярной основе. Можно выделить учения «Союз-81» (март—апрель 1981 г.) и «Союз-83» (конец мая — начало июня 1983 г.).

Важное политическое значение имели командно-штабные учения, которые не предполагали участия большого количества военнослужащих, но при их проведении могли привлекаться высокопоставленный гражданский персонал и государственные служащие, вплоть до лиц, замещающих государственные должности. Например, в рамках серии военных учений «Осенняя кузница» на ежегодной основе проводились также небольшие командно-штабные учения под названием «Опытный лучник» (Able Archer). В их рамках отрабатывались механизмы проведения консультаций и действий при применении ядерного оружия в ходе эскалации конфликта, когда нападение со стороны ОВД не могло быть отражено при помощи конвенциональных вооружений. Еще более значимыми с точки зрения политического взаимодействия в рамках Североатлантического альянса были проводившиеся раз в 2 года «Зимние учения» (Winter Training Exercise или Wintex), участие в которых принимали региональные правительства стран — членов НАТО, отдельные члены национальных правительств, а также Северо-Атлантического совета².

Несмотря на привлечение к проведению подобных учений большого количества участников и на повсеместное наложение на информацию о данных мероприятиях грифа «совершенно секретно», предполагалось, что сценарий учений (*всегда* предполагавший нападение со стороны ОВД; *всегда* предусматривавший нанесение ответного ядерного удара с последующим заключением перемирия и при этом *никогда* не предполагавший пересечение вооруженными силами НАТО границ государств ОВД) будет непременно передан по разведывательным каналам представителям Советского Союза. Западные аналитики были абсолютно убеждены в том, что их намерения не могут быть неверно истолкованы Москвой, поскольку они предполагали только сдерживание и сигнализировали о том, что Запад будет защищать себя и, в случае необходимости, готов применить ядерное оружие, нежели капитулировать.

---

² Спустя 30 лет с момента описываемых событий с британских документов, посвященных данным учениям (например, WINTEX [19]83), снят гриф «секретно», и они доступны для ознакомления в Национальном архиве Великобритании. Для примера см.: CAB 130/1249 — <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C13497076>.

ПОСЛЕДНИЙ ПИК ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Тем не менее, высшее военное руководство ОВД было действительно обеспокоено намерениями Запада, и данная обеспокоенность была связана с рядом факторов. Во-первых, значительную международную напряженность вызывала модернизация ядерного арсенала НАТО, который после ожесточенных дебатов в предыдущие годы был размещен в Европе в конце 1983 г. Как ни странно, но размещение «евроракет»³ рассматривалось руководством НАТО как ответная мера на развертывание с 1980 г. советских ракет СС-20 («Пионер»). Таким образом, предпринималась попытка убедить СССР дать согласие на отказ от размещения СС-20 взамен на прекращение со стороны НАТО программы развертывания «евроракет». Другим потенциальным вариантом было сохранение обоих ракетных комплексов — и СС-20, и «евроракет» — для достижения стратегического ядерного паритета (эта дилемма, озвученная 13 декабря 1979 г. на саммите НАТО и включавшая в себя оба варианта, получила название «Двойного решения НАТО»)⁴. Также представляется интересным, что в период между 1979 и 1983 гг. руководство Североатлантического альянса, приняв решение о развертывании 572 комплексов «евроракет» (по одной боеголовке на каждый комплекс), в то же время согласовало план по утилизации 1400 ядерных боеголовок иного типа, что привело к общему сокращению количества ядерных сил НАТО на европейском театре военных действий (ТВД) (т.е. количества ядерных боеголовок, которые потенциально могли быть запущены с территории Европы).

История последнего пика холодной войны, охватывающая период с декабря 1979 г. до прихода к власти Михаила Сергеевича Горбачева в 1985 г., достаточно хорошо изучена, поэтому не требуется повторение основных деталей, этапов и событий того времени [The Crisis of Détente in Europe 2008]. Эпоха разрядки международной напряженности, характеризовавшаяся заключением Договора об ограничении стратегических вооружений-II (ОСВ-II), подошла к концу, и ярким свидетельством ее завершения стал отказ от ратификации вышеуказанного соглашения Сенатом США. Запад был серьезно обеспокоен советским вторжением в Афганистан, которое рассматривалось рядом западных аналитиков и обозревателей в качестве первого шага в региональной экспансии СССР, что по времени совпало с Исламской революцией в Иране, итоги которой были неясны. Будет ли СССР активно вмешиваться в ситуацию в регионе и сумеет ли он добиться больших успехов, чем США? Планирует ли Советский Союз утвердить свое влияние над богатыми нефтью государствами Ближнего Востока?

В январе 1981 г. новым президентом США стал Рональд Рейган. Его манера поведения заставляла советское руководство чувствовать себя достаточно не-

³ Крылатые ракеты и баллистические ракеты «Першинг-2».

⁴ См.: итоговое коммюнике НАТО от 11 декабря 1979 г. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27042.htm?selectedLocale=en и 13 ноября 1980 г. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23047.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 18.09.2016).

комфортно — он называл Советский союз «злой силой» и уже в своем первом обращении к Конгрессу объявил о наращивании американского военного потенциала, что привело к дальнейшему обострению отношений между Западом и Востоком [Fischer 1997]. В самом деле, советское (и восточногерманское) военное командование всерьез рассматривало угрозу применения странами НАТО недавно размещенных «евроракет» для нанесения внезапного удара по территории государств ОВД, возможно под прикрытием военных учений (как мы увидим дальше). Первоначально «Двойное решение НАТО» 1979 г. было в первую очередь нацелено на инициирование переговоров с Советским Союзом об отказе от развертывания комплекса «евроракет» в обмен на демонтаж советских баллистических комплексов СС-20.

Отношения между Востоком и Западом продолжали ухудшаться, и обе стороны возлагали вину за это друг на друга. Рейган объявил СССР «империей зла», а советские представители заявляли о «безумии» и «преступлениях» Рейгана и его соратников. В свою очередь, резко активизировалось пацифистское движение, которое получило развитие в ряде стран Западной Европы еще в 1950-е гг. и после периода временного затишья с середины 1960-х до середины 1970-х гг., вызванного международной разрядкой, вновь набрало прежнюю силу. Пацифисты присоединились к громкому хору обвинений, звучавших с советской стороны и порицавших идею развертывания «евроракет», что было вызвано, несомненно, искренним опасением, что нарастающий международный антагонизм вполне может привести к началу новой мировой войны, а с другой стороны — активной финансовой поддержкой со стороны Восточного блока. В целом, для пацифистов было характерно удивительное безразличие к вопросу о размещении советских ракет на территории Восточной Европы [Ploetz 2004].

В 1983 г. переговоры об уничтожении ракет средней дальности и об отказе от размещения «евроракет» и СС-20 окончательно зашли в тупик, и с декабря того же года началось активное развертывание «евроракет». Только начиная с марта следующего, 1984 г., британские разведывательные службы стали активно предупреждать собственное правительство об опасности подобной политики, а британское руководство в свою очередь подняло данный вопрос во время консультаций с администрацией США. Лондон и Вашингтон постепенно отказались от того, чтобы воспринимать все протесты советских лидеров и СМИ как пропаганду. Британское и американское правительство стали всерьез рассматривать возможность того, что советское политическое руководство и, главным образом, военное руководство, действительно опасаются внезапного нападения со стороны государств Североатлантического альянса [Oberdorfer 1991; Prados 2005; The Soviet “War Scare” 1990; Vincent 1999]. Все предшествующие признаки обеспокоенности Советского Союза они расценивали исключительно как проявление традиционного идеологического пропагандистского соперничества между коммунистическим блоком и западными либеральными демократиями для привлечения мирового общественного мнения на собственную сторону.

Согласно более поздним оценкам разведывательных служб США, в рассматриваемый период мир подошел вплотную к ядерной войне, а апогеем угрозы стала ситуация, когда целый ряд представителей высшего командного звена советских вооруженных сил в ноябре 1983 г. всерьез задумывались над тем, не являются ли командно-штабные учения НАТО «Искусный лучник» (представлявшие собой, как и в предыдущие годы, всего лишь малую часть более крупных военных маневров «Осенний кузнец») не чем иным, как искусным прикрытием для нанесения внезапного ядерного удара по территории государств ОВД⁵ [Voß 2014/2015]. Доказательством реальности угрозы стал тот факт, что во время учений НАТО часть военного комплекса ОВД была переведена в состояние повышенной боевой готовности, однако дальнейшую эскалацию конфликта, вызванного взаимным недопониманием, все же удалось предотвратить [DiCicco 2011]. Хотя война и не разразилась, нельзя отрицать того шокирующего факта — и это является главным тезисом настоящей статьи — что **проблема взаимного недопонимания сформировала целый комплекс ошибочных суждений, которые вполне могли привести к войне, несмотря на все имеющиеся знания, аналитику, разведку и другие формы коммуникации.**

Трудно описать в полной мере, насколько данный вывод стал неожиданным для британских и американских специалистов в сфере безопасности. Еще в 1949 г. правительства государств — членов НАТО пришли к соглашению, что единственными целями в стратегии альянса могут быть только защита от нападения Советского Союза и его союзников посредством сдерживания и защита НАТО в случае, если такое нападение все-таки произойдет⁶. Пожалуй, феномен пацифистского движения в западных странах как нельзя ярче свидетельствовал о том факте, что сама по себе идея нападения Североатлантического альянса на государства ОВД абсолютно несовместима не только с западными ценностями, но и со страхом западных стран перед угрозой ядерной войны [Sabin 1986].

Представляется, что советские эксперты по США и странам Запада, а также ведущие дипломаты СССР осознавали это, однако высшее военное командование вряд ли прислушивалось к их мнению [Heuser 2008]. Более того, учения «Искусный лучник», в отличие от «Зимних учений», были не более чем командно-штабной игрой, не предполагавшей принятия или даже обсуждения тех или иных стратегических решений. Речь шла сугубо о штабных учениях, в рамках которых участники ближе знакомились с операционными процедурами НАТО, касавшимися процесса проведения консультаций и приведения в боевую готовность ядерного оружия с последующим его гипотетическим запуском. Именно поэтому военная разведка ГДР, будучи хорошо информированной, отмечала, что в рам-

⁵ См. сборник материалов, посвященных военным учениям «Искусный лучник» 1983 г. URL: <http://www2.gwu.edu/~nsarchiv/nukevault/ablearcher> (дата обращения: 18.09.2016).

⁶ Стратегическая концепция обороны Североатлантической зоны. НАТО, 1949 г. URL: <http://www.nato.int/docu/stratdoc/eng/a491019a.pdf> (дата обращения: 18.09.2016).

ках учений предполагается запуск «евроракет», при этом общая тональность отчета об учениях показывала, что восточногерманские наблюдатели не заметили чего-то необычного или угрожающего⁷. Максимум — впервые в ходе учений «Искусный лучник» отмечалась отработка новейших механизмов информационного взаимодействия [Schaefer *et al.* 2014]. В самом деле, с учетом того, что развертывание «евроракет» началось уже *после* проведения учений «Искусный лучник» в ноябре 1983 г., не было никаких поводов опасаться, что в ходе учений может быть проведен боевой запуск данных ракет.

РОЛЬ ВОЕННЫХ И КОМАНДНО-ШТАБНЫХ УЧЕНИЙ

Командно-штабные учения «Искусный лучник» были далеко не единственным поводом взаимного недопонимания, несмотря на уверенность сторон в том, что они располагают полной и детальной информацией друг о друге.

23 марта 1983 г. президент Рональд Рейган опубликовал проект Стратегической оборонной инициативы (СОИ) (или «звездных войн»), который произвел на «ястребов» в руководстве СССР впечатление программы, нацеленной на более простое и оперативное нанесение внезапного удара по территории СССР. С 30 мая по 9 июня 1983 г. проводились совместные учения сил ОВД под названием «СОЮЗ-83», легенда и сценарий которых предусматривали оккупацию территорий Дании, ФРГ, Нидерландов, Бельгии и Франции ориентировочно на 35—40-й день войны. Летом 1983 г. в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Дальнем Востоке был проведен целый ряд военно-морских учений под руководством США, в том числе «Флитекс-83» и «Глобальный щит-83», нацеленных на демонстрацию американской военной мощи и явным образом вызывавших обеспокоенность со стороны советских лидеров. Данный факт делает более понятными причины инцидента с корейским авиалайнером, выполнявшим рейс KAL 007 по маршруту Нью-Йорк — Сеул, зашедшим в советское воздушное пространство и сбитым ВВС СССР [Hersh 1986].

8 сентября 1983 г. госсекретарь США Дж. Шульц встретился в Мадриде со своим советским коллегой, министром иностранных дел СССР А.А. Громыко, причем встреча прошла в более чем напряженной и недружественной обстановке, а оба участника неоднократно угрожали свернуть переговоры. А.А. Громыко, занимавший пост министра иностранных дел СССР с 1957 г. и за свою карьеру переживший не один период взлета и резкого ухудшения отношений между Востоком и Западом, в разговоре со своим американским коллегой подчеркнул, что ситуация в мире развивается по непредсказуемому сценарию и обе стороны фактически «находятся на краю опаснейшей пропасти». А.А. Громыко предупре-

---

⁷ Федеральный военный архив во Фрайбурге (Германия) (ВАМА), DVW 1/32672/b Aufklärungsmeldungen der NVA (Vertrauliche Verschlusssachen VVS).

дил о возможности ядерной войны и подчеркнул необходимость тесной совместной работы по предотвращению надвигающейся катастрофы [Oberdorfer 1991: 61].

Однако то, что обсуждалось за закрытыми дверями на конфиденциальных, секретных и совершенно секретных встречах, достаточно скоро стало просачиваться в публичное пространство. В 1983 г. радио «Свободная Европа» / радио «Свобода» провело среди советских туристов на Западе социологический опрос, в ходе которого им был задан следующий вопрос: «В последнее время, как на Востоке, так и на Западе публикуется очень большое количество информационных материалов, посвященных угрозе ядерной войны. Считаете ли вы, что сейчас опасность начала ядерной войны выше, чем несколько лет назад?» В итоге ответы 1928 респондентов выглядели следующим образом:

сейчас угроза выше — 56 %;

серьезной угрозы не существует — 20 %;

не знаю — 24 %.

В период с сентября по декабрь 1983 г. доля тех, кто серьезно опасался начала ядерной войны, выросла до 66 % (522 респондента) [Tague 1984: 7]. А в сентябре 1983 г. ведущие ученые и исследователи США и СССР приняли участие в ТВ-шоу со спутниковой трансляцией, в ходе которого они выразили обеспокоенность сложившейся ситуацией и рассказали широкой общественности на обоих континентах об угрозе и ужасных последствиях ядерной войны⁸.

Можно сделать вывод, что военные учения «Осенний кузнец» и отдельные их элементы рассматривались советскими разведывательными службами, а также политическим и военным руководством в качестве повода для тревоги и вопроса, требующего первостепенного внимания. Еще более важным представляется тот факт, что, как это было упомянуто ранее, советское командование, опасаясь нападения со стороны НАТО, было готово привести вооруженные силы ОВД в состояние боевой готовности, что в перспективе — в первую очередь из-за взаимного недопонимания — вполне могло привести к эскалации напряженности и к началу третьей мировой войны⁹.

***

Данная статья не преследует цели доказать, что именно военные учения, проводимые обеими сторонами, были *наиболее* значимым фактором и *самой* главной причиной резкого ухудшения отношений между Западом и Востоком в начале 1980-х гг., последовавшего за периодом разрядки международной напряженности в 1970-е гг. Тем не менее, автор хотел бы привлечь внимание к ис-

⁸ Космический корабль: 'Мир после ядерной войны, 1983'. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cVU0dpoDOb8> (дата обращения: 24.09.2016).

⁹ Интервью с очевидцами описываемых событий с советской стороны см. в документальном фильме 'The Brink of Apocalypse' (Discovery Channel/Channel 4, 2007/2008).

ключительной значимости вопроса о проведении военных учений (в контексте напряженных отношений между двумя блоками), а также продемонстрировать, каким образом тактические маневры и учения могли сами по себе привести к серьезному взаимному недопониманию. К сожалению, именно такая ситуация сложилась в начале 1980-х гг., хотя обе стороны — и НАТО, и ОВД — стремились играть по четким международным правилам, установленным на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) и предполагавшим заблаговременное оповещение оппонента о факте проведения военных учений и их масштабе (в случае, если в мероприятиях принимали участие более 9 тыс. человек).

Исследователь Д. Адамский в своей работе очень убедительно продемонстрировал, каким образом военные учения НАТО, изначально нацеленные на сдерживание оппонента, в силу целого ряда причин приводили к противоположному результату и стали расцениваться странами ОВД в качестве угрожающих их безопасности мероприятий. Таким образом, Д. Адамский фактически применил классическую «дилемму безопасности» к конкретному контексту военных учений, говоря о поворотной точке, которую зачастую бывает достаточно сложно выявить, но наличие которой необходимо учитывать при планировании учений [Adamsky 2013].

Настоящее исследование мы начали с утверждения, что политики и официальные лица западных стран предполагали, что Советский Союз и ОВД располагают полной и «поступающей в режиме реального времени» информацией о проводимых НАТО учениях. Данный тезис может быть подкреплён целым рядом документов. Тем не менее, весь массив разведывательной информации, по многочисленным каналам поступавшей на Восток, был абсолютно неверно истолкован и интерпретирован ведущими представителями советского военного командования и руководства ОВД. Как бы то ни было, командно-штабные учения НАТО «Искусный лучник 83» фактически поставили мир на грань ядерной войны. Из этого драматического факта можно сделать печальный вывод о том, что не следует переоценивать наши возможности по абсолютно точному донесению информации друг до друга без каких бы то ни было искажений. Рассмотренные в настоящей статье события должны служить своего рода предупреждением, что любые сдерживающие меры, включая проведение военных учений, не должны становиться источником недопонимания и угрожающих международной безопасности инцидентов.

Перевел О.К. Петрович-Белкин

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Adamsky D. The 1983 Nuclear Crisis — Lessons for Deterrence Theory and Practice // *Journal of Strategic Studies*. 2013. 36 (01). P. 4—41.

The Crisis of Détente in Europe: From Helsinki to Gorbachev, 1975—1985. Ed. by L. Nuti. London: Routledge, 2008.

DiCicco J. Fear, Loathing, and Cracks in Reagan's Mirror Images: Able Archer 83 and an American First Step toward Rapprochement in the Cold War // *Foreign Policy Analysis*. 2011. 7. P. 253—274.

Fischer B. The 1980s Soviet War Scare: New Evidence from East German Archives // *Intelligence and National Security*. 1999. 14 (03). P. 186—197.

Schaefer B., Jones N., Fischer B. Forecasting Nuclear War: Stasi/KGB Intelligence Cooperation under Project RYaN. The Nuclear Proliferation International History Project, Wilson Center. November, 2014. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/forecasting-nuclear-war> (дата обращения: 15.08.2016).

Fischer B. The Reagan Reversal of Foreign Policy and the End of the Cold War. Columbia: University of Missouri Press, 1997.

Hersh S. The Target is Destroyed': What Really Happened to Flight 007 and What America Knew About It. N.Y.: Random House, 1986.

Herz J. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // *World Politics*. 1950. 2 (02). P. 157.

Heuser B. The Soviet response to the Euromissile crisis, 1982—83 // *The Crisis of Détente in Europe: From Helsinki to Gorbachev, 1975—1985*. Ed. by L. Nuti. London: Routledge, 2008. P. 137—149.

Oberdorfer D. The Turn: from the Cold War to a New Era — the US and the Soviet Union, 1983—1990. N.Y.: Poseidon Press, 1991.

Ploetz M. Ferngelenkte Friedensbewegung? DDR und UdSSR im Kampf gegen den NATO-Doppelbeschluss. Münster: LIT-Verlag, 2004.

Prados J. The War Scare of 1983 // *The Cold War: A Military History*. Ed. by Cowley R. N.Y.: Random House, 2005. P. 438—454.

Sabin P. The Third World War Scare in Britain: A Critical Analysis. Basingstoke: Macmillan, 1986.

Scott L. Intelligence and the Risk of Nuclear War: Able Archer-83 Revisited // *Intelligence and National Security*. 2011. 26 (06). P. 759—777.

The Soviet "War Scare". The President's Foreign Intelligence Advisory Board. 15 February 1990. George H.W. Bush Presidential Library. URL: <http://nsarchive.gwu.edu/nukevault/ebb533-The-Able-Archer-War-Scare-Declassified-PFIAB-Report-Released> (дата обращения: 15.08.2016).

Tague E. Soviet War Propaganda Generates Fear among the Population'. Radio Free Europe/Radio Liberty Research Paper 61/84. 6 February 1984.

Vincent P. War Scare: Russia and America on the Nuclear Brink. Westport: Ct.: Praeger, 1999.

Voß K. Die Enden der Parabel Die Nuklearwaffenübung «Able Archer» im Krisenjahr 1983' // *Special Issue of Mittelweg*. 2014/2015. 36. P. 73—92.

Watt D.C. What about the People? Abstraction and Reality in History and the Social Sciences: an Inaugural Lecture. London: London School of Economics, 1983.

War plans and alliances in the Cold War: threat perceptions in the East and West. Ed. by V. Mastny, S. Holtzmark, A. Wenger. London: Routledge, 2006.

Дата поступления статьи: 15.08.2016

Для цитирования: Хойзер Б. Военные учения и риски взаимного недопонимания: кризис в отношениях между Востоком и Западом в начале 1980-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 391—404.

MILITARY EXERCISES AND THE DANGERS OF MISUNDERSTANDINGS: THE EAST-WEST CRISIS OF THE EARLY 1980S

B. Heuser

Reading University, Reading, United Kingdom

This article analyzes the risks of mutual misunderstanding caused by NATO and the Warsaw Treaty Organization (WTO) large-scale military command-and-staff exercises in 1983. The problem of mutual misunderstanding is analyzed in the context of the classic «Security Dilemma» elaborated in 1951 by J. Gertz and adapted to military exercise issues by D. Adamski.

In spite of all the available knowledge, analysis, intelligence and other forms of communication between the West and the East, a problem of mutual misunderstanding appeared between two blocs. This was highlighted during the command and staff exercises of the NATO countries «Able Archer 83» when the world was put on the brink of nuclear war. Given that the Western countries have considered exercises as a deterrence of possible attack by the WTO, the Eastern Bloc countries considered such activities directly threatening their military security.

According to the author, these were military exercise carried out by both sides, which represented the most important factor of the sharp deterioration in relations between the West and the East in the early 1980s following the period of détente in the 1970s.

The article is based on a large empirical data, archives data, personal interviews by the author of the participants of these events.

Key words: USSR, WTO, NATO, US, Cold War, Security Dilemma, Military Exercises, Command Post Exercises, Misunderstandings, nuclear war threat.

REFERENCES

Adamski, D. (2013). The 1983 Nuclear Crisis — Lessons for Deterrence Theory and Practice. *Journal of Strategic Studies*, 36 (01), pp. 4—41.

The Crisis of Détente in Europe: From Helsinki to Gorbachev, 1975—1985 (2008). Ed. by Nuti L. London: Routledge.

DiCicco, J. (2011). Fear, Loathing, and Cracks in Reagan's Mirror Images: Able Archer 83 and an American First Step toward Rapprochement in the Cold War. *Foreign Policy Analysis*, 7, pp. 253—274.

Fischer, B. (1999). The 1980s Soviet War Scare: New Evidence from East German Archives. *Intelligence and National Security*, 14 (03), pp.186—197.

Schaefer, B., Jones, N., Fischer, B. (2014). *Forecasting Nuclear War: Stasi/KGB Intelligence Cooperation under Project RYaN*. The Nuclear Proliferation International History Project, Wilson Center. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/forecasting-nuclear-war> (accessed: 15.08.2016).

Fischer, B. (1997). *The Reagan Reversal of Foreign Policy and the End of the Cold War*. Columbia: University of Missouri Press, 1997.

Hersh, S. (1986). *The Target is Destroyed': What Really Happened to Flight 007 and What America Knew About It*. N.Y.: Random House, 1986.

Herz, J. (1950). Idealist Internationalism and the Security Dilemma. *World Politics*. 2 (02), pp. 157.

Heuser, B. (2008). *The Soviet response to the Euromissile crisis, 1982—83* in *The Crisis of Détente in Europe: From Helsinki to Gorbachev, 1975—1985*. Ed. by Nuti L. London: Routledge, pp. 137—149.

Oberdorfer, D. (1991). *The Turn: from the Cold War to a New Era — the US and the Soviet Union, 1983—1990*. N.Y.: Poseidon Press.

Ploetz, M. (2004). *Ferngelenkte Friedensbewegung? DDR und UdSSR im Kampf gegen den NATO-Doppelbeschluss*. Münster: LIT-Verlag.

Prados, J. (2005). *The War Scare of 1983 in The Cold War: A Military History*. Ed. by Cowley R. N.Y.: Random House, pp. 438—454.

Sabin, P. (1986). *The Third World War Scare in Britain: A Critical Analysis*. Basingstoke: Macmillan.

Scott, L. (2011). Intelligence and the Risk of Nuclear War: Able Archer-83 Revisited. *Intelligence and National Security*. 26 (06), pp. 759—777.

The Soviet “War Scare” (1990). The President’s Foreign Intelligence Advisory Board. 15 February 1990. George H.W. Bush Presidential Library. URL: <http://nsarchive.gwu.edu/nukevault/ebb533-The-Able-Archer-War-Scare-Declassified-PFIAB-Report-Released> (accessed: 15.08.2016).

Tague, E. (1984). *Soviet War Propaganda Generates Fear among the Population*. Radio Free Europe/Radio Liberty Research Paper 61/84. 6 February 1984.

Vincent, P. (1999). *War Scare: Russia and America on the Nuclear Brink*. Westport: Ct.: Praeger.

Voß, K. (2014/2015). Die Enden der Parabel Die Nuklearwaffenübung «Able Archer» im Krisenjahr 1983’. Special Issue of *Mittelweg*. 36, pp. 73—92.

Watt, D.C. (1983). *What about the People? Abstraction and Reality in History and the Social Sciences: an Inaugural Lecture*. London: London School of Economics.

War plans and alliances in the Cold War: threat perceptions in the East and West (2006). Ed. by Mastny V., Holtsmark S., Wenger A. London: Routledge.

Received: 15.08.2016

For citations: Heuser, B. (2016). Military Exercises and the Dangers of Misunderstandings: the East-West Crisis of the early 1980s. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (3), pp. 391—404.

NEW IDEOLOGICAL STRUGGLE?

S. Karaganov

National Research University — Higher School of Economics, Moscow, Russia

Instead of predicted end of ideology and ideological competition due to presumed 15—20 years ago final victory of Western liberalism and democracy the world is sliding into the new ideological struggle.

There are many reasons for it: appeal of the West is declining, the democratization and re-nationalization of international politics push to the fore new leaders and most of them profess traditional and nationalist values. New post-European values did not get hold in Russian society seeking old values it has been cut off during the 70 years of the Communist experiment and also due to the fact that the West pursued a neo-Weimar policy of geopolitical expansion, which provoked defensive reaction to everything coming from the West. The intensity of the new ideological struggle is exacerbated by the moral and ideological vacuum created by modernization, which pushes aside many traditional religious and moral values.

Author concludes that mutual resentment between Russia and Europe is quite strong right now, but it's better to build good-neighborly relations while understanding that we are different. And it's needed to try hard to avoid a new systemic military-political confrontation that is desired by many forces.

Key words: ideological struggle, international relations, Russia, Europe, traditional values, communism.

The collapse of the Soviet Union and communism in Europe created an illusion that the era of ideologies and ideological struggle was over and the world was moving towards a single system of values and ideas based on liberalism, democracy and capitalism. Europe and America fascinated the world with their freedom, affluence and winning political system [Fukuyama 1992].

The perception about the final victory of Western values was backed up by America's massive military supremacy but most importantly by Western countries' affluence everyone aspired to have, including Soviet and Russian people. This desire was sustained by a widely spread and cultivated but antihistorian view that wealth and prosperity were a result of democracy, not vice versa. Indeed, in the most countries relatively affluence was reached under conditions of very authoritarian rule by modern standards. But almost that success was based on the system of rule of law not political democracy.

Western ideology prevailed in international relations as well.

But new realities came into view in the 2000s.

The success of a new (actually very old) model of capitalism, which leaned in politics on authoritarian and non-liberal leader's democracy regimes of varying degrees, became obvious.

The economic model based on the Washington Consensus lost its appeal after the crisis of 2008—2009, while the Chinese-style model profited. It also turned out that most of the new successful countries had not followed the Washington Consensus recipes.

Flushed with victory, the West started to impose its political positions and values even with the use of military force (in Afghanistan, Iraq, and Libya) and lost. Its support for the Arab Spring further destabilized the Middle East and made the image of democracy less attractive, if not dangerous.

Europe and, to a lesser extent, the United States began to move away from the values they had always offered to the world, at least the Christian world, and started imposing values that were unacceptable for the majority of countries — multiculturalism, excessive tolerance, and unusual sexual and family relations.

The ages long drift from Christianity and Christian values in Europe accelerated dramatically over the past twenty-five years and was codified when the European Union did not mention its Christian roots in the draft EU Constitution that was never adopted and in the Lisbon Treaty, which replaced it. It only left pragmatism, consumerism, democracy, human rights, and law. Essentially, these values are quite attractive but may provoke a degradation of both humans and their values if detached from person's customary devotion to some higher purpose. When the Soviet Union was criticized for godless and amoral communism, it was offending but essentially true, and many people in our country knew it. The communist practice rejected traditional moral values. Now ironically it could be the other way round: Can one trust those who espouse godless democracy and liberalism? Dostoevsky's well-known question put in the assertion of Ivan Karamazov, "If there is no God, everything is permitted"¹ still sounds relevant.

The approach towards international relations, proposed by the Europeans quite sincerely for the most part and more double-heartedly by the Americans, which rejected the use of force and spheres of influence, and appealed to the supremacy of international law, began to falter, too. It first failed when Germany and eventually the EU unlawfully recognized Croatia's and Slovenia's secession from Yugoslavia, triggering a civil war in that country, followed by barbaric bombings by NATO of its remains in 1999. Then there were acts of aggression against Iraq and Libya. Besides, most emerging powers had no intention to follow the EU's example and give up their sovereignty.

There is yet another core value in Western Europe that becomes inadequate in a new, harsher and less predictable world — non-violence and pacifism. The Europeans, who had overstrained themselves in two horrible world wars, not only eagerly and successfully cultivated this value among themselves, but they also tried to offer it to the rest of the world. But the world chose another path to follow and, worse still, began to intrude into the European world through mass migration of people belonging to other cultures, which started quite a few years ago [Clochard 2013; O'Brian 2016]. Europe will have to adapt and pursue a harsher and more right-wing policy, and give up some of its democratic freedoms for the sake of order and security. This process is extremely painful and predictably provokes a defensive ideological reaction.

What makes the issue of values even more acute for Western elites is that they have largely drifted away from majorities in their societies where traditional values

---

¹ Dostoevsky, F. (1999). *The Brothers Karamazov*. Transl. by C. Garnett. New York: Signet.

are still quite strong. These values also prevail in other countries which are gaining greater independence and freedom to act. The overall impression is that elites in the old West are losing their unconditional dominance in the economy, politics, military power, and ideology, and turning into an almost marginalizing minority [Lukin 2016].

The Russian alternative even if yet weak and not totally compelling appears to be particularly challenging against this Western background.

The biggest part of the Soviet elite and people, tired of scantiness and lack of freedom during the era of real socialism, were yearning to be in Europe while being quite unaware of what democracy and capitalism were really like. Private ownership was promptly introduced without protection by law. This led to the emergence of oligarchic capitalism and large private holdings, morally illegitimate and not protected and legitimized by law. That became the main cause of systemic corruption and moral degradation of many. Democracy was introduced from above, slowing down reforms and precipitating the near disintegration of the country by the end of 1990s.

And yet, even unsuccessful economic and political reforms gave the majority of Russian people what they generally associated with “Europe” — abundance of goods in shops and personal freedom and freedom to travel.

But things did not go any further. Deep-rooted values and habits of Russian society came into play: almost unconditional striving for independence and security, consolidated by Vladimir Putin as “patriotism”², and the aspiration for justice with disrespect for formal rules and laws; as well as the feeling of belonging to a great-power embraced after reforms and military successes of the 18th—19th centuries. Add to this the drive for centralization of power, induced by centuries of fierce struggle for survival. This fear was amplified immensely by the 1990s which became a time of losses for everyone but the new bourgeoisie and a small part of the intelligentsia. Most groups of Russia’s population and elites, including the meritocratic ones — scientists, engineers, teachers, military officers — lost everything.

And yet, further movement towards European democracy and some of its values was still possible if it had not been for two major circumstances.

First, the West saw itself as a victor and started to pursue what could be called a “Weimar policy in velvet gloves”, pushing Russia off the political, security and economic stage. The enlargement of the Schengen Area even reduced visa-free travel opportunities for Russians. The interests and objections of the temporarily enfeebled great power were ignored.

NATO’s expansion was a symbol of that policy. But eventually it became clear that the European Union’s enlargement did not benefit Russia either as it was not accompanied, as had been promised and expected, by efforts to create a common and equal human and economic space from Lisbon to Vladivostok. Western geopolitical expansion reduced possible gains for Russian people from relations with Europe and weakened pro-European feelings in the political class. The logic that eventually became

---

² The speech of the President Vladimir Putin at the Meeting with the core group of the Leaders Club on 3 Feb 2016. URL <http://kremlin.ru/events/president/news/51263> (accessed: 06.06.2016).

dominant was that the West was using Russia's weakness to take away its centuries-old gains and make it even weaker.

Defense reflex prevailed.

The second circumstance was even more unexpected. Russians were eager to join the Europe of nation states, Christianity and traditional values, from which they had been separated for seventy years, the Europe of Churchill and De Gaulle, Adenauer, knights, and great leaders and great ideas. Russian people were arduously regaining religious values and faith that had been eradicated and virtually banned for decades. But Europe had changed. Most importantly, since the 1980s—1990s it had taken one more giant leap from old to new values and started to impose them stubbornly.

The majority of Russian society and elite and a considerable part of European elites simply diverged in their cultural development [Karaganov 2015] and until recently did not even want to discuss their differences. And began to trade recriminations when these differences came to the surface.

In addition, unsuccessful reforms in Russia required an external enemy. From the start of the multi-dimensional crisis of the European project in the early 2010s, European elites, too, began to look for an enemy in a bid to consolidate member countries and their societies and turn their energy within to save the project.

Judging from the intensity of anti-Russian propaganda, truly unprecedented since the 1950s, it seems that some European elites need an enemy even more than Russia does. Before long, propaganda went further and nearly demonized Putin. At first, Russia's ruling elite did not retaliate geopolitically and responded with counter-propaganda against Western values being imposed, but then used its muscles.

What makes the Russian challenge so strong for European elites is probably that Russia, currently seeking its new-old identity and desiring to regain its own self, might be offering an attractive model of behavior and set of values to the rest of the world [Lukin 2016].

In international relations, this means all-round support for state sovereignty, cultural identity and political pluralism, which objectively comes into conflict with the policy of Western universalism and single ideology that has been imposed over the last couple of decades.

Russia puts emphasis on such notions as national dignity and moral courage. To many Europeans these values seem obsolete, as they are perceived as part of their dangerous past — from the wars they unleashed and lost. But Russia won them at an enormous cost and is ready to protect its sovereignty and values even by force, if needed. In “the Putin world” it would be unthinkable for most men not to defend women as was the case in Cologne during migrants' assaults in winter of 2015. But Europeans are apparently afraid of this new harsh world, which is largely represented by today's Russia.

Russia's second ideological message to the world, which is at odds with many of Russian realities but which becomes increasingly obvious, is that consumption is not a goal in itself. Human and national dignity and commitment to fulfilling some higher than one's own purposes are more important. Internal development, not external suc-

cess matters. Hence the broad support for religions and especially Orthodoxy, and readiness to defend Christians in other countries, like in the Middle East.

The third message is readiness to follow traditional foreign-policy principles, including protection of national interests by force, especially if it is seen as morally justified.

This set of messages and values provides Russia with potentially strong “soft power” even though the country is relatively poor and unfree [Sergunin, Karabeshkin 2015].

The current ideological clash may become even fiercer. It involves the West, which has won at first but is now beginning to lose, and Russia, which has taken on the burden of being the symbol of non-Western policy and which appeals to the majority of people, including perhaps those in the West. This fight is going on not only between countries, but inside them as well. Russia also has a minority that shares new European values.

The intensity of this confrontation is implicitly but strongly amplified by the mounting feeling that the current model of development based on growing consumption, inequality and declining morals is pernicious for the planet. A moral vacuum is expanding. The purpose of the fight is to fill this vacuum or prevent others from doing that.

The conspicuous “non-Western” Russian policy and ideology may be temporary, necessitated by the need to stop the West’s geopolitical expansion and its attempt to export “democratism” in such an aggressive manner. (Remarkably, a like policy was practiced by the Soviet Union which exported its model to the controlled and subsidized socialist camp, countries of “socialist orientation” and other states through communist parties, NGOs of the past).

Russia does not seem to be making plans for purposeful export of its ideology. But it is happening *de facto*. Meanwhile, messianism is strong in some Western countries and they feel defeated after their victory and want to take revenge.

Russia’s alternative I have outlined is not final. It clearly comes out of the past, out of modernity, and the Westphalian or Vienna interstate systems. Yet it appeals to the majority, while the European and Western post-modernity, although looking more humane and progressive, is losing. This is possibly because its model leads nowhere or because the majority of countries are not prepared to accept it.

Following Russia’s forceful actions against Western expansion in Ukraine, German Chancellor Angela Merkel was said to have accused the Russian leader of living in an unreal world. It seems, however, that it was the German chancellor who was living in such a world and has now received a harsh wakeup call. It would probably be better for everyone to live in a world of post-modernist, humane, non-violent and tolerant unreality, but it seems it has failed to materialize.

History does not go along linear paths but makes turns and spirals. At any rate, it will keep going if no thermonuclear catastrophe occurs. Values evolve and change and there are many more turns ahead.

As regards relations between Russia and Europe, this means that we have unfortunately but predictably missed each other. We have missed the chance to create a common space from Vladivostok to Lisbon. Mutual resentment is quite strong right now, but

we'd better keep it at bay and build good-neighborly relations while understanding that we are different. And we should certainly try hard to avoid a new systemic military-political confrontation that is desired by many forces possessed by demons of the past or by old geopolitical fears of the emergence of a truly united and peaceful Greater Eurasia. This is the geopolitical, geoeconomic and geoideological grouping Russia with China and other countries of Eurasian continent has started to form³. Greater Eurasia will, of course, be open to the Western tip of the continent — Europe. But this new structure will not be based on any universalist system, but to respect of cultural, ideological and political pluralism.

Our societies may change again a decade from now, with Europeans becoming more nationalist and realistic, and Russians more tolerant. And if we try to learn more about each other in a respectful way, we may get a chance for a new rapprochement.

REFERENCES

- Clochard, O. (2013). *Atlas of Migration in Europe: a critical geography of migration policies*. New Internationalist.
- Fukuyama, F. (1992). *The End of History and the Last Man*. New York: Macmillan.
- Karaganov, S. (2015). Europe: A Defeat at the Hands of Victory. *Russia in Global Affairs*, 1.
- Lukin, A. (2016). The Emerging International Ideocracy and Russia's Quest for Normal Politics. *Strategic Analysis*, 40 (4).
- Lukin, A.V. (2014). Kuda vedet progress [Where Progress is]. *Rossia v globalnoi politike*, 5.
- O'Brian, P. (2016). *The Muslim Question in Europe: Political Controversies and Public Philosophies*. Temple University Press.
- Sergunin, A., Karabeshkin, L. (2015). Understanding Russia's Soft Power Strategy. *Political Studies Association*, 35 (3—4), pp. 347—363.

Received: 17.08.2016

For citations: Karaganov, S. (2016). New Ideological Struggle? *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (3), pp. 405—411.

НОВАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА?

С. Караганов

Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики, Москва, Россия

Вместо предсказываемого 15—25 лет тому назад конца идеологий и их соревнования, окончательной победы западного либерализма и демократии мир скользит к новой идеологической борьбе.

³ Press statements following Russian-Chinese talks on 25 June 2016. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/52273> (accessed: 30.08.2016).

Среди причин — падение привлекательности Запада. Демократия и ренационализация международных отношений выводит на передний план новых лидеров. А они, как правило, придерживаются традиционных и националистических ценностей.

Новые европейские ценности не прижились в России не только потому что россияне стремились к традициям, от которых они были отрезаны семьюдесятью годами коммунистического эксперимента, но и потому что западная идейная экспансия сопровождалась нео-Веймарской геополитикой, вызвавшей жесткое отторжение. Интенсивность новой идеологической борьбы подстегивается тем, что модернизация теснит старые ценности, образуется вакуум, за заполнение которого разворачивается соревнование.

Автор приходит к выводу, что взаимное недовольство России и Европы достаточно сильно в настоящее время, однако необходимо стремиться к добрососедским отношениям, принимая во внимание тот факт, что мы разные. Но прежде следует приложить немало усилий, чтобы избежать новой системной военно-политической конфронтации, в которой заинтересованы многие силы.

Ключевые слова: идеологическая борьба, международные отношения, Россия, Европа, традиционные ценности, коммунизм.

Дата поступления статьи: 17.08.2016

Для цитирования: *Караганов С.А.* Новая идеологическая борьба? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 405—411.

ТЕОРИИ БЕЗОПАСНОСТИ ТРЕТЬЕГО МИРА

А.В. Худайкулова

МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

Статья посвящена анализу исследований в области безопасности в государствах третьего мира. Показана эволюция понятийного аппарата как в сфере исследований безопасности, так и в понимании третьего мира, представлен анализ проблематики безопасности в так называемых постколониальных странах в годы холодной войны и постбиполярный период, определена текущая повестка дня в области безопасности для развивающегося мира. Особое внимание уделяется анализу концепций безопасности конца XX в. — «безопасности личности», «секьюритизации», «гуманитарной интервенции», представляющих особую озабоченность для государств третьего мира.

Представлен альтернативный формат третьего мира в категории миров постмодерна, модерна и премодерна, также используется понятие «невестфальских государств». Выделены базовые характеристики стран третьего мира в социально-экономической и политической сферах. Автор особо отмечает, что безопасность стран третьего мира коренным образом отличается от безопасности развитых западных государств, так как большинство угроз в незападных странах исходит не из внешней среды, а изнутри. Соответственно, западные теории безопасности не концентрируются исключительно на военных вопросах, а наравне с ними исследуют широкий спектр проблем гражданского характера — экономических, политических, социальных, экологических, а также проблематику развития, преодоления бедности и экономической отсталости.

Ключевые слова: безопасность, третий мир, постколониальные государства, теория международных отношений, реализм, безопасность личности, вмешательство, гуманитарная интервенция, ответственность по защите, смена режима.

В современной международной системе отчетливо прослеживается тренд «возвышения всего остального человечества» (*the rise of the rest*) — экономический рост целого ряда незападных государств от Бразилии до Индонезии, от Южной Африки до Турции [Zakaria 2009]. Экономический потенциал стимулирует подъем новых акторов и придает многим государствам третьего мира весомый статус в системе координат, в том числе определяющих поле международной безопасности. Л. Фосетт охарактеризовала данную тенденцию как «*восстание периферии*» [Fawcett 2005]. При этом академические подходы к анализу новой проблематики международной безопасности со стороны традиционных западных теорий и теорий незападного третьего мира по-прежнему носят сугубо индивидуальный непересекающийся характер. Однако сегодня предпринимаются попытки преодоления западноцентричного подхода к безопасности в теории международных отношений.

Категории «безопасность» и «третий мир» характеризуются комплексным содержанием, собирательным смыслом и достаточно быстрыми темпами эволюции контента.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙ В ПОСТБИПОЛЯРНОМ МИРЕ

Господствующее понимание безопасности прочно ассоциируется с традицией политического реализма в международных отношениях. Исследования безопасности (security studies) исходили из уже заданной школой реализма картины мира, в которой единственным международным актором являлось государство, а главными международными процессами — конфликты и войны. Мировая политика априори рассматривалась как арена борьбы между государствами за власть и могущество, где государства в условиях анархии вынуждены действовать по принципу «помоги себе сам». В этом контексте государства полагаются исключительно на военную мощь, чтобы гарантировать продвижение собственных интересов и противодействовать исходящим от других государств угрозам. Во времена холодной войны опорной выступала концепция национальной безопасности, сводившая понимание безопасности к отсутствию военной угрозы извне и защите государства от внешнего нападения.

Традиционное понимание безопасности содержит следующий набор постулатов: угрозы безопасности возникают преимущественно в межгосударственных отношениях; невоенные угрозы исключены из традиционного понимания безопасности; глобальный баланс сил принимается как законный и эффективный инструмент достижения международного порядка [Acharya 1997]. То есть, по сути, основные угрозы безопасности государства возникают извне, они носят исключительно военный характер и требуют от государства ответных мер.

Международная безопасность в трактовке западной теории обычно представляется в виде сложной мозаики элементов и вопросов, где каждая единица анализа (государство) преследует свои узкие эгоистические интересы, строя исходя из этого иерархию угроз и заключая по мере необходимости союзы и альянсы. Исследования в области безопасности были главным образом сфокусированы на анализе взаимоотношений между великими державами в международной системе. Впрочем, сама история международных отношений воспринимается, прежде всего, как история соперничества великих держав и как восхождение и падение могущественных государств [Кулагин 2012; Barkawi, Laffey 2006].

Вслед за распадом биполярной системы международных отношений в структуре международной безопасности произошли качественные сдвиги как с точки зрения расстановки и веса ключевых сил, так и в вопросах формирования новой повестки дня. Значительные подвижки коснулись и самого понятия «безопасность» — от традиционного, в духе реализма, где в центр внимания ставится государство, к новому измерению и пониманию безопасности в контексте постмодернизма, где ключевым сюжетом выступает «безопасность человека» (human security).

Понимание третьего мира с 1960-х гг. также претерпело определенные изменения. В соответствии с самым упрощенным западным подходом к третьему миру относятся наименее развитые страны Азии, Африки, Океании и Латинской Америки, которые могут быть объединены в единую группу с присутствующими им одинаковыми характеристиками — бедность, высокая рождаемость,

экономическая зависимость от развитых стран [Mazrui 1977]. Однако четко определить круг стран третьего мира достаточно проблематично: второй мир (коммунистический Восток) исчез вследствие дезинтеграции социалистического блока, новые индустриально развитые страны, характеризующиеся как экономические локомотивы, либо уже покинули, либо в самое ближайшее время покинут орбиту третьего мира, разрыв по оси Север-Юг значительно сузился, состояние внутреннего колониализма размывло границы между первым миром западного сообщества и третьим миром. Таким образом, в результате распада второго мира Запад вобрал в себя части второго и третьего миров. Не вошедшую часть бывшего третьего мира сегодня принято довольно условно обозначать как Юг, а остальную часть более развитого мира как Север. Где-то на стыке между ними, занимая сегодня особое место, группируются страны БРИКС.

Альтернативный взгляд на определение формата третьего мира принадлежит британскому дипломату Р. Куперу¹, использующему категории миров постмодерна, модерна и премодерна. Так, мир постмодерна наилучшим образом прослеживается на примере Европейского союза, где принцип национального суверенитета, политика баланса сил и *Realpolitik* утратили актуальный характер. Мир модерна по-прежнему придерживается традиционной межгосударственной системы, строится на принципах территориальной целостности и суверенитета и концентрируется вокруг дилеммы безопасности, гонки вооружений и баланса сил. В орбиту мира модерна попадают государства Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии, Южной Америки и Восточной Европы. Мир премодерна состоит из стран и регионов, которые остаются уязвимыми в вопросах безопасности и в которых все еще отчетливо прослеживаются элементы гоббсовского мира анархии. Это большинство стран Африки, таких как Судан, Сомали, Конго, Либерия, Сьерра-Леоне и др. «Досовременные» государства могут быть также обнаружены в Азии (Афганистан, Таджикистан), Америке (Гаити) и Европе (Албания).

При более детальном анализе емкое собирательное понятие «третий мир» содержит разные категории государств — бывшие колонии; государства, формировавшие в период идеологического противостояния холодной войны по линии Восток-Запад Движение неприсоединения; наименее развитые страны в рамках экономического разрыва Север-Юг. Р. Томас [Thomas 2003] предлагает анализировать термин «третий мир» именно через эти измерения: постколониальный мир, блок неприсоединения и менее развитые государства. В первом случае третий мир определяется по линии постколониального разлома между бывшими европейскими колониальными державами и их колониями. Второе измерение третьего мира включает в себя страны, входящие в группу, составляющую Движение неприсоединения. И наконец, заключительный блок стран третьего мира составляют наименее развитые страны в рамках продолжающейся борьбы между богатым Севером и бедным Югом.

---

¹ Cooper R. Why we still need empires. The Observer, 7 April 2002. URL: <https://www.theguardian.com/observer/worldview/story/0,11581,680117,00.html> (accessed: 10.08.2016).

В целом, странам третьего мира, по мнению ряда зарубежных экспертов, присущ следующий набор базовых характеристик: 1) отсутствие внутренней сплоченности в силу значительных экономических и социальных диспропорций и этнических, религиозных и региональных разногласий; 2) отсутствие безусловной легитимности у населения в отношении государственных границ, государственных учреждений и правящих элит; 3) подверженность внутренним и межгосударственным конфликтам; 4) диспропорциональность и зависимость экономического развития; 5) маргинализация в международной системе; 6) возможности для «проникновения» внешних акторов [Ауооб 1995, 2002]. Данные государства до окончания Второй мировой войны рассматривались как «внесистемные», так как находились на периферии, за пределами международной системы.

Анализ повестки дня безопасности третьего мира демонстрирует отсутствие стройных и всеобъемлющих теорий, а также литературы, освещающих вопросы безопасности третьего мира, за исключением тех, которые основаны на достаточно узких интерпретациях и сюжетах. Так, современные исследования в области развития государств, деградации окружающей среды, проблем голода и массовых эпидемий, грубых нарушений прав человека, региональных войн, внутренних конфликтов и терроризма носят достаточно разрозненный характер и часто не соотносятся друг с другом в рамках единой проблематики гражданской безопасности.

Отдельные попытки обобщить теоретические изыскания по вопросам безопасности третьего мира [Ауооб 1995, 2002; Acharya 1997; Thomas 2003] можно свести в самом общем виде к трем проблемным вопросам: каким образом понятие безопасности в контексте проблематики третьего мира отличается от традиционного прочтения в духе ключевых западных подходов; какова взаимосвязь между безопасностью и вопросами развития государств третьего мира; как воспринимаются в третьем мире концепции, находящиеся в периметре новой повестки дня в области безопасности — «безопасности личности», «гуманитарной интервенции», «ответственности по защите».

КОНФЛИКТЫ И ТРЕТИЙ МИР

Применение традиционных подходов к анализу безопасности в третьем мире в духе парадигмы реализма / неореализма оказалось не совсем релевантным. Ключевые положения концепции безопасности, а именно — ориентация на внешние угрозы, тесная связь с международной системой и доминирование блоковой стратегии — не отражали повестку дня развивающегося мира, который в большей степени был озабочен угрозами безопасности внутреннего характера [Azar and Moon 1988; Ауооб 1995, 2002; Acharya 2011]. Безопасность стран третьего мира коренным образом отличается от безопасности развитых западных государств, так как большинство угроз в незападных странах исходит не из внешней среды, а изнутри [Ауооб 1991]. Некорректная и далеко не полная ситуация в исследованиях безопасности сложилась, по мнению М. Айюба, по причине невнимания исследователей к самому главному изменению послевоенного миропорядка — деколонизации и образованию множества новых слабых, «невестфальских государств», на территории которых не прекращалась борьба за власть, ресурсы, территорию, права различных меньшинств (табл. 1).

Проблемы безопасности в третьем мире

Проблема безопасности	Азия	Африка	Латинская Америка
Региональная безопасность и интересы великих держав	Индия—Пакистан, Китай—Тайвань, Северная Корея — Южная Корея, арабские страны — Израиль, Ирак—Иран	Эфиопия—Эритрея, Эфиопия—Сомали, Конго—Руанда, Танзания—Уганда, Ангола—Мозамбик	Колумбия, Куба, Перу, Аргентина (Фолклендские острова)
Межгосударственные конвенциональные войны	Индия—Пакистан, арабские страны — Израиль, Ирак—Иран	Эфиопия—Эритрея, Эфиопия—Сомали, Конго—Руанда, Танзания—Уганда	—
Оружие массового уничтожения (ядерное, биологическое, химическое)	Северная Корея, Индия, Пакистан, Израиль, Иран, Ирак, Ливия	ЮАР	Аргентина, Бразилия, Куба
Трансграничный терроризм	Филиппины, Малайзия, Индия, Шри-Ланка, Израиль	—	Перу, Венесуэла, Колумбия
Повстанцы, гражданские войны, нестабильность режима	Филиппины, Индонезия, Бирма, Индия, Бангладеш, Шри-Ланка, Ирак	Алжир, Судан, Сомали, Руанда, Бурунди, Конго, Сьерра-Леоне, Гвинея, Либерия, Ангола, Мозамбик	Колумбия, Перу, Мексика, Никарагуа, Гондурас, Гватемала, Сальвадор
Нелегальный наркотрафик и торговля алмазами	Афганистан, Пакистан, Бирма, Таиланд	Сьерра-Леоне, Конго	Колумбия, Эквадор, Боливия, Мексика

Источник: [Thomas 2003: 222]

В годы холодной войны изучение вопросов безопасности не коррелировало вплотную с проблематикой стран третьего мира. Более того, эти вопросы были фактически исключены из мейнстрима исследований, которые после окончания Второй мировой войны носили в большей степени евроцентристский характер. Очевидно, что международные отношения в целом как академическая дисциплина также рассматриваются преимущественно с позиций евроцентризма [Vuzan, Little 2000].

Несмотря на то что в послевоенный период большинство конфликтов носило локальный характер и происходило на периферии мировой системы (Африка, Ближний Восток, Юго-Восточная и Южная Азия, внутренние конфликты в Центральной и Латинской Америке), со стороны академического сообщества внимание к вопросам региональной стабильности / нестабильности уделялось ровно в той мере, в какой данные сюжеты могли повлиять на взаимоотношения супердержав. При этом 98 % всех вооруженных конфликтов в период с 1945 по 1998 гг. имели место в странах «глобального Юга» [Holsti 1996].

Большая часть исследований в области безопасности проводилась в плоскости конкуренции супердержав за власть и влияние в стратегически важных для них регионах третьего мира. Соответственно, безопасность этих государств

и регионов анализировалась в основном через призму блоковых интересов [Кременюк 2003; MacFarlane 1985; Nacht 1981]. Тем не менее были сделаны отдельные попытки проанализировать сюжеты взаимодействия стран третьего мира с международной системой [Braveboy-Wagner 1986; Krasner 1985; Mortimer 1984; Rothstein 1977], в частности, через изучение институционального уровня и режимов развивающихся государств [Al-Mashat 1985; Security Policies of Developing Countries 1982].

После окончания холодной войны наступил крайне сложный и болезненный период транзита к новому состоянию международной безопасности, что, в частности, проявилось в активизации исследовательских и экспертных усилий в вопросах безопасности. Факт окончания холодной войны не оказал в равной степени влияния на стабильность периферийных стран. В некоторых регионах, например, в странах Африки к югу от Сахары после окончания биполярного периода в значительной мере увеличились внутренние беспорядки, в то время как в Юго-Восточной Азии наступил период стабильности и регионального порядка.

Конфликты нового поколения приобрели еще более сложный характер, так как напрямую были увязаны с внутренними проблемами государств — развитием, экономической отсталостью, идентичностью, идеологией, ценностными установками, ресурсами. При всем разнообразии новых показателей безопасности на периферии мировой системы прослеживается единый тренд — угрозы безопасности государств третьего мира переходят на общесистемный уровень, локальный / региональный конфликтный потенциал приобретает глобальный масштаб. Можно с уверенностью предположить, что и в ближайшем будущем угрозы международной стабильности будут проистекать из внутренних конфликтов этнической, религиозной или политической природы в нестабильных странах, в которые будут втягиваться другие государства и блоки. Интересы вмешивающихся третьих стран варьируются — от поддержки повстанцев против центрального правительства (Ливия, Сирия) до помощи центральному правительству в подавлении вооруженной оппозиции (Ирак, Афганистан, Бахрейн).

Динамика трансформации мировой системы потребовала и нового теоретического осмысления, попытки которого были предприняты в постколониальных теориях безопасности, поместивших вопросы безопасности государств третьего мира в более широкий формат международной проблематики. На фоне двойственных тенденций в сфере безопасности в странах третьего мира наблюдается заметный рост интереса к данной проблематике. Мозговые центры активно взялись за составление каталогов и баз данных военных конфликтов, потоков беженцев, миротворческих усилий в Африке, Азии, Латинской Америке и на Ближнем Востоке². Особый фокус внимания был направлен на анализ проблематики внутренней безопасности на фоне непрекращающихся межэтнических конфликтов, мятежей и гражданских войн.

---

² См. SIPRI Arms Transfers Database. URL: <http://www.sipri.org/databases/armstransfers>; Armed Conflict and Interventions. URL: <http://www.systemicpeace.org/inscrdata.html> (accessed: 10.08.2016).

ПОВЕСТКА ДНЯ ДЛЯ ТРЕТЬЕГО МИРА

Повестка дня в области безопасности в контексте незападных теорий международных отношений выглядит несколько иначе. В отличие от традиционного подхода, незападные теории безопасности не концентрируются исключительно на военных вопросах, а наравне с ними исследуют широкий спектр проблем гражданского характера — экономических, политических, социальных, экологических, а также проблематику развития, преодоления бедности и экономической отсталости. По мнению А. Ачарья, «с самого начала нехватка ресурсов, перенаселенность, слаборазвитость и деградация окружающей среды были главной причиной небезопасности в третьем мире» [Acharya 1997]. То есть в рамках исследований безопасности в государствах третьего мира вводится новый сюжет анализа — взаимосвязь между безопасностью и развитием (*security-development nexus*). Так, например, К. Томас в монографии «В поисках безопасности» объясняет отсутствие безопасности в странах третьего мира относительной слабостью, недостатком автономии, уязвимостью и недостаточной маневренностью третьего мира на экономическом, политическом и военном уровнях [Thomas 1987: 4].

Данный фактор объясняется турбулентными процессами национально-государственного строительства в развивающихся постколониальных государствах. Будучи в недавнем прошлом колониями, эти страны, которые носят условное название «невестфальские» или «квази-государства», получили сложное наследство. По мнению западных экспертов, большинство государств третьего мира по многим параметрам не соответствуют критериям государств Вестфальской системы. К. Холсти в 1996 г. предложил теорию «слабого государства» (*weak state*), которая позднее была трансформирована в теорию «неудавшегося государства» (*failed state*) и «не-государства» (*non-state*). Теория К. Холсти доказывает, что главной причиной насилия и войн в странах третьего мира являются слабость или распад государства [Holsti 1996].

В первом приближении повестка дня в сфере безопасности третьего мира близка западной концепции «секьюритизации» (от английского термина «*securitization*»), выдвинутой Копенгагенской школой [Buzan 1991]. Ее смысл состоит в придании той или иной проблеме мирового взаимодействия статуса проблемы безопасности, с включением ее в пространство международной безопасности и принятием в дальнейшем особых действий и приоритетных решений. Однако «секьюритизация» по замыслу ее создателей означает, что западные демократии, провозглашая какую-либо проблему угрозой безопасности, получают моральное оправдание для пренебрежения суверенитетом слабых постколониальных государств во имя безопасности их же граждан и могут в этих целях использовать военную силу. То есть, по сути, функция обеспечения безопасности возлагается на более сильные и развитые западные государства, которые стараются навязать незападному миру свою модель и стратегию безопасности.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ТРЕТЬЕМ МИРЕ

Современные трактовки концепции международной безопасности отличаются разным определением объекта безопасности. В соответствии с первой, государство по-прежнему остается основным объектом безопасности, что демонстрируется на примере множества концепций — *общей безопасности* (Common Security), *интегрированной безопасности* (Integrated Security) и *оборонительной безопасности* (Defensive Security). Особый фокус внимания стоит обратить на концепцию кооперативной безопасности (Cooperative Security), в соответствии с которой ни одно государство или группа государств не в состоянии в современных условиях в одиночку справиться с текущими глобальными вызовами. Таким образом, концепция активно продвигает идею выстраивания атмосферы доверия между государствами (даже с различной идеологией) с вовлечением негосударственных акторов и крайне осторожного использования военных мер в общем арсенале средств поддержания мира.

Второй подход опирается на абсолютно другую ценностную базу, ставя в центр внимания не государство, а индивида и общество. По сути, концепция «национального суверенитета» в его традиционном измерении теряет свою приоритетность, уступая место концепции «глобального суверенитета», в соответствии с которой уважение прав и достоинства человека должны превалять над международным правом.

Наиболее иллюстративной в этом плане стала концепция «безопасности личности», предложенная программой ООН по развитию в 1994 г. и продвигаемая в основном правительствами «средних» и «малых» держав (в особенности, Канадой, Японией, Норвегией). Два десятилетия спустя после своего появления можно констатировать, что интерес к концепции возрос, данная проблематика стала центральной темой многих программных документов и докладов ООН, при том что она до сих критикуется многими государствами (например, Китаем, Индией, Францией и др.) за отсутствие единого подхода к ее прочтению, интерпретации и прикладному применению. Содержательная нагрузка безопасности личности настолько многогранна, что государства сами для себя определяют ее смысл. Так, например, Япония, делает большой упор на вопросы развития, в то время как ЕС уделяет особое внимание проблематике прав человека [Никитин 2006; Худайкулова 2010].

Концепция «безопасности личности», продвигаемая западным сообществом в качестве универсальной, глобальной и неделимой, для многих государств третьего мира оказалась неприемлемой, так как ее положения воспринимаются как навязывание западных ценностей и формальный предлог для инициирования вмешательств. Из двух измерений концепции — узкого, предложенного Канадой, в духе «свободы от страха» (Freedom from Fear) и широкого, предложенного Японией как «свобода от нужды» (Freedom from Want), государства Юга готовы принять лишь одну составляющую — «свободу от нужды». Очевидно, что страны третьего мира не готовы в комплексе согласиться со всеми

положениями концепции целиком по причине сопротивления ее первой составляющей — «свободе от страха», которая адресуется нестабильным и несостоявшимся государствам и самым тесным образом увязывается с идеей защиты прав человека.

ОТ «БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ» К «ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ» И «ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ЗАЩИТЕ»

Реализация концепции «безопасности личности» связана с крайне противоречивыми и спорными практиками в мировой политике, которые вызывают острые разногласия — военными операциями по гуманитарным соображениям. Начиная с 2000-х гг. помимо «гуманитарных интервенций» (Босния и Герцеговина 1991—1995 гг., Косово 1999 г.) западное сообщество практикует военные «вмешательства возмездия» (Афганистан 2001—2002 гг.) и «превентивные вмешательства» (Ирак 2003 г.). Помимо этого, крайнюю озабоченность в рядах постколониальных государств вызывает внешнеполитическая доктрина США, получившая название «стратегии смены режимов», суть которой состоит в определении «*неблагонадежных*» государств (States of Concern), в отношении которых возможно добиваться отстранения действующих правительств, в том числе при помощи вооруженной силы.

На концептуальном уровне западное сообщество предлагает новый принцип «ответственности по защите» (Responsibility to Protect, или R2P). В его основе лежит идея о том, что суверенитет — это не привилегия, а скорее обязанность, и соответственно каждое государство должно защищать свой собственный народ от четырех видов массовых жестоких преступлений, а именно: геноцида, преступлений против человечества, военных преступлений и этнических чисток. В случае если правительство какого-либо государства не способно выполнять функции по защите, в том числе гуманитарной, собственного населения, а мирные средства воздействия на него исчерпаны, международное сообщество может «предпринять коллективные действия своевременным и решительным образом». Таким образом, была обоснована правомочность вмешательства в конфликты, вплоть до операций по военно-силовому принуждению, в чрезвычайных ситуациях. К основаниям для применения силы были отнесены: высокий уровень насилия, истощенность всех невоенных средств урегулирования конфликта, наличие необходимых ресурсов для проведения операции, достижимость поставленной цели и сбалансированный учет возможных последствий.

Данная доктрина не приобрела характер международной конвенции или поправки в Устав ООН. Однако сторонники «безопасности личности» активно лоббировали «ответственность по защите» в свете ливийской кампании «Объединенный защитник» (2011 г.), которую характеризовали как пример успешного применения принципов R2P. Согласно этому подходу, впервые был создан прецедент легитимного гуманитарного вмешательства. В отличие от косовского конфликта, когда военно-воздушная операция НАТО «Союзническая сила» не по-

лучила санкции Совета Безопасности (СБ) ООН, применение силы в Ливии было одобрено СБ (подход, который не разделяет Россия, она воздержалась при голосовании) и официально направлено на оказание помощи мирному населению. Подобная оценка не получила массовой поддержки, так как высказывались мнения, что активное использование риторики в духе «ответственности по защите» служило прикрытию военной операции гуманитарными соображениями, как в случае и с Косово. Действия коалиции критиковались и за то, что операция не достигла поставленной цели — защиты мирного населения.

Концепция «ответственности по защите» трактуется весьма расширительно и в плане правомерности, характера, масштабов внешнего воздействия, и по линии ответственности за принятие решений о «коллективных акциях», их содержании и критериях неспособности государства выполнять свои обязательства по защите населения. Дискуссия о том, кто должен брать на себя ответственность за обеспечение личной безопасности граждан в слабых и / или несостоявшихся государствах, вписана в общий политический дискурс о международном вмешательстве.

Как только идея человеческой безопасности переросла в концепцию «гуманитарной интервенции», а в дальнейшем «ответственности по защите», страны третьего мира стали к ней относиться крайне осторожно. В глазах незападного сообщества концепция представляется ложным ориентиром и создает возможности для неоправданных вмешательств. Во всех случаях проведенных вмешательств декларация гуманитарных соображений наткнулась на драматические итоги в виде жертв среди мирного населения, которое они призваны защитить.

На всемирном саммите 2005 г. почти все страны мира объявили о своей приверженности идее защиты прав человека на их территории, однако далеко не все государства являются сторонниками концепции «ответственность по защите». Китай и Россия неоднократно заявляли о недопустимости любого вида вмешательства во внутренние дела государств [Лабюк 2008]. На протяжении долгого времени остаются приверженцами принципа невмешательства и государства Латинской Америки. Несмотря на такую разобщенность мирового сообщества по вопросу о вмешательстве, государства не предпринимали попыток пересмотра или корректировки концепции «ответственность по защите».

Бразилия стала единственным государством, предложившим в 2011 г. свой подход к разрешению противоречий — инициативу «ответственность в процессе защиты» (Responsibility while Protect, или RWP). Выдвинутая в качестве противовеса, концепция должна была защищать гражданское население не только от собственных режимов, но и от осуществляющих вмешательство внешних сил. Инициатива Бразилии наглядно показывает, что развивающийся мир стал более активно выступать на международной арене, демонстрируя свое несогласие со сложившейся практикой силовых интервенций, проводимых в интересах влиятельных держав. Россия, Китай, Индия в целом поддержали предложение Бразилии, которая, впрочем, больше не стремится продолжать международную дискуссию о внесении необходимых изменений в практику осуществления «ответственности по защите».

Острая проблематика вооруженных вмешательств по гуманитарным причинам способна обострить напряженность в отношениях между западным сообществом и третьим миром, который достаточно остро реагирует на подобные акции. Концепция «гуманитарных интервенций», по сути, открывает возможности для начала военных действий против явно слабых авторитарных режимов, не обеспечивающих защиту и благосостояние своих граждан.

***

Незападные теории безопасности отличаются расширенным пониманием тематики безопасности с опорой на концепцию развития и включением угроз невоенного характера. Однако многие новаторские концепции, связанные с широкой трактовкой безопасности, не принимаются западным миром. Так, концепция «безопасности личности» на фоне смены объекта безопасности (от государства — к обществу и индивиду) незаметно перевоплотилась в инициативу западного мира по применению силовых акций под предлогом защиты прав человека и гуманитарных соображений. Слабость постколониальных государств, их очевидная неспособность справиться с внутренними беспорядками и обеспечить безопасность населения в своих границах приводят к тому, что эти государства теряют свой суверенитет и становятся объектом политического воздействия сильных западных держав. Последние воспринимают вторжение в страны третьего мира как право и обязанность, обусловленные необходимостью защиты прав человека или продвижения демократии. В этом смысле различные прочтения понятия «безопасность» создают конфликт восприятия и, по мнению многих теоретиков незападного мира, свидетельствуют о попытках Запада в некотором роде инициировать новую колонизацию третьего мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Кременюк В.А.* Современный международный конфликт: проблемы управления // Международные процессы. 2003. № 1. С. 63—73.
- Кулагин В.М.* Современная международная безопасность. М.: Кнорус, 2012.
- Лабюк О.* «Ответственность по защите» и право на вмешательство // Международные процессы. 2008. № 3. С. 59—66.
- Никитин А.И.* Международные конфликты и их урегулирование // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 2. С. 3—16.
- Худайкулова А.В.* «Безопасность личности»: концепция, политический дискурс и возможности практического применения // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 6. С. 175—180.
- Acharya A.* Norm Subsidiarity and Regional Orders: Sovereignty, Regionalism, and Rule-Making in the Third World // International Studies Quarterly. 2011. 55 (1). P. 95—123.
- Acharya A.* The Periphery as the Core: The Third World and Security Studies // Critical Security Studies: Concepts and Cases. Ed. by Keith K., Williams M. London: UCL Press, 1997.
- Al-Mashat A.-M.* National Security in the Third World. Boulder: Westview Press, 1985.
- Ayoob M.* Humanitarian Intervention and State Sovereignty // The International Journal of Human Rights. 2002. 6 (1). P. 81—102.

Ayoob M. The Security Problematique of the Third World // *World Politics*. 1991. 43(2). P. 257—283.

Ayoob M. The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict and the International System. Boulder: Lynne Rienner, 1995.

Azar E., Moon C. National Security in the Third World: The Management of Internal and External Threats. Aldershot: Edward Elgar, 1988.

Barkawi T., Laffey M. The postcolonial moment in security studies // *Review of International Studies*. 2006. 32 (02). P. 329—352.

Braveboy-Wagner J. Interpreting the Third World: Politics, Economics, and Social Issues. N.Y.: Praeger, 1986.

Buzan B. People, States and Fear. An agenda for international security studies in the post-cold war era. N.Y.: Harvester Wheatsheaf, 1991.

Buzan B., Little R. International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Fawcett L. Regionalism from an Historical Perspective // *The Global Politics of Regionalism*. Ed. by Farrell M., Hettne B., Van Langenhove L. London, Pluto Press, 2005.

Holsti K. The State, War, and the State of War. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Krasner S. Structural Conflict: The Third World against Global Liberalism. Berkeley: University of California Press, 1985.

MacFaflane N. The Soviet Conception of Regional Security // *World Politics*. 1985. 37 (03). P. 295—316.

Mazrui A. Africa's International Relations: The Diplomacy of Dependency and Change. Boulder: Westview Press, 1977.

Mortimer R. The Third World Coalition in International Politics. 2nd ed. Boulder: Westview Press, 1984.

Nacht M. Toward an American Conception of Regional Security // *Daedalus*. 1981. 110 (01). P. 1—22.

Rothstein R. The Weak in the World of the Strong: The Developing Countries in the International System. N.Y.: Columbia University Press, 1977.

Security Policies of Developing Countries. Ed. by Kolodziej E., Harkavy R. Lexington: Lexington Books, 1982.

Thomas C. In Search of Security: The Third World in International Relations. Brighton: Harvester Wheatsheaf, 1987.

Thomas R. What is Third World Security? // *Annual Review of Political Science*. 2003. 6. P. 205—232.

Zakaria F. The Post-American World. NY: W.W. Norton & Company, 2009.

Дата поступления статьи: 10.08.2016

Благодарность. Данная статья подготовлена в рамках НИР РУДН 2016 г. «Незападные теории международных отношений. Азиатские, латиноамериканские и африканские концепции мироустройства».

Для цитирования: Худайкулова А.В. Теории безопасности третьего мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 412—425.

THIRD WORLD SECURITY THEORIES

A.V. Khudaykulova

MGIMO-University, MFA of Russia

This article analyzes the security studies in the “Third World”. The evolution of the conceptual apparatus in the field of security studies and in the understanding of the “Third World” is given. The author provides us an analysis of the security issues in the so-called “post-colonial” countries in the years of “cold war” and in the post-bipolar period, defines the domain of security for the developing world and the current agenda. Particular attention is paid to the analysis of the security concepts of the late XX century — the “security of the person”, “securitization”, “humanitarian intervention” — which are of particular concern to countries of the “Third World”.

An alternative format of the “Third World” in the categories of postmodern, modern and premodern worlds is given, the term of “non-Westphalian” state is used as well. Basic characteristics of the “Third World” in the socio-economic and political spheres are provided. The author emphasizes that the state of security of the “Third World” is fundamentally different from that of the developed Western countries, since most threats in non-Western countries, does not come from the outside, but from within. Accordingly, the non-Western security theory does not focus exclusively on military issues and explore a wide range of issues of civil nature — economic, political, social, environmental and development challenges, as well as poverty and underdevelopment.

Key words: security, third world, post-colonial state, the theory of international relations, realism, human security, intervention, humanitarian intervention, the responsibility to protect, a change of regime.

REFERENCES

- Acharya, A. (2011). Norm Subsidiarity and Regional Orders: Sovereignty, Regionalism, and Rule-Making in the Third World. *International Studies Quarterly*, 55 (1), pp. 95—123.
- Acharya, A. (1997). *The Periphery as the Core: The Third World and Security Studies in Critical Security Studies: Concepts and Cases*. Ed. by Keith K., Williams M. London: UCL Press.
- Al-Mashat, A.-M. (1985). *National Security in the Third World*. Boulder: Westview Press.
- Ayoob, M. (1991). The Security Problematique of the Third World. *World Politics*, 43(2), pp. 257—283.
- Ayoob, M. (1995). *The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict and the International System*. Boulder: Lynne Rienner.
- Ayoob, M. (2002). Humanitarian Intervention and State Sovereignty. *The International Journal of Human Rights*, 6 (1), pp. 81—102.
- Azar, E., Moon, C. (1988). *National Security in the Third World: The Management of Internal and External Threats*. Aldershot: Edward Elgar.
- Barkawi, T., Laffey, M. (2006). *The postcolonial moment in security studies // Review of International Studies*, 32 (02), pp. 329—352.
- Braveboy-Wagner, J. (1986). *Interpreting the Third World: Politics, Economics, and Social Issues*. N.Y.: Praeger.
- Buzan, B. (1991). *People, States and Fear. An agenda for international security studies in the post-cold war era*. N.Y.: Harvester Wheatsheaf.
- Buzan, B., Little R. (2000). *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*. Oxford: Oxford University Press.
- Fawcett, L. (2005). *Regionalism from an Historical Perspective in The Global Politics of Regionalism*. Ed. by Farrell M., Hettne B., Van Langenhove L. London, Pluto Press.

Holsti, K. (1996). *The State, War, and the State of War*. Cambridge: Cambridge University Press.

Khudaykulova, A.V. (2010). «Bezopasnost' lichnosti»: kontseptsiya, politicheskii diskurs i vozmozhnosti prakticheskogo primeneniya [Human Security: the concept of political discourse and the practical application]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 6, pp.175—180.

Krasner, S. (1985). *Structural Conflict: The Third World against Global Liberalism*. Berkeley: University of California Press.

Kremen'yuk, V.A. (2003). Sovremennyyi mezhdunarodnyy konflikt: problemy upravleniya [Modern international conflict: management problems]. *International Trends*. № 1. P.63—73.

Kulagin, V.M. (2012). *Sovremennaya mezhdunarodnaya bezopasnost'* [Modern international security]. Moscow: Knorus.

Labyuk, O. (2008). «Otvettvennost' po zashchite» i pravo na vmeshatel'stvo [“Responsibility to protect” and the Right to intervene]. *International Trends*, 3, pp. 59—66.

MacFaflane, N. (1985). The Soviet Conception of Regional Security. *World Politics*, 37 (03), pp. 295—316.

Mazrui, A. (1977). *Africa's International Relations: The Diplomacy of Dependency and Change*. Boulder: Westview Press.

Mortimer, R. (1984). *The Third World Coalition in International Politics*. 2nd ed. Boulder: Westview Press.

Nacht, M. (1981). Toward an American Conception of Regional Security. *Daedalus*, 110 (01), pp. 1—22.

Nikitin, A.I. (2006). Mezhdunarodnye konflikty i ikh uregulirovanie [International conflicts and the settlement]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2, pp. 3—16.

Rothstein, R. (1977). *The Weak in the World of the Strong: The Developing Countries in the International System*. N.Y.: Columbia University Press.

Security Policies of Developing Countries. (1982). Ed. by Kolodziej E., Harkavy R. Lexington: Lexington Books.

Thomas, C. (1987). *In Search of Security: The Third World in International Relations*. Brighton: Harvester Wheatsheaf.

Thomas, R. (2003). What is Third World Security? *Annual Review of Political Science*, 6, pp. 205—232.

Zakaria, F. (2009). *The Post-American World*. NY: W.W. Norton & Company.

Received:10.08.2016

Acknowledgments: This article was prepared within the framework of RUDN University 2016 Research project «Non-Western international relations theories. Asian, Latin American and African concepts of the world order».

For citations: Khudaykulova, A.V. (2016). Third World Security Theories. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (3), pp. 412—425.

СОВРЕМЕННЫЙ ВОЕННО-СИЛОВОЙ КОНТРТЕРРОРИЗМ: МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Е.С. Громогласова

Институт мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия

Статья оценивает практику военно-силовых ответов на вызов международного терроризма с точки зрения ее соответствия принципам международного права. Показано, что риски незаконного использования силы в контртеррористических операциях возникают в связи с расширением трактовки понятия «самооборона». Но несмотря на потенциал межгосударственной конфликтности, который несут в себе операции, проводимые на территории третьей страны без согласия ее правительства, военная сила продолжает утверждаться в качестве допустимой формы ответа на террористический вызов.

В заключительной части статьи рассматриваются вопросы соблюдения международного гуманитарного права (МГП) в военных контртеррористических операциях. Также в работе трактуются нормы *jus ad bellum* и их место в системе Устава ООН.

В результате автор приходит к заключению, что «криминализация» гуманитарной деятельности остается одним из серьезных вызовов, порожденных террористическим насилием во внутренних вооруженных конфликтах, и государствам и гуманитарным акторам еще только предстоит прийти к взаимоприемлемому компромиссу по разрешению этого вопроса.

Ключевые слова: контртерроризм, военная сила, международные отношения, война с террором, *jus ad bellum*, *jus in bello*, международное гуманитарное право.

СИРИЯ: ДВОЙСТВЕННЫЙ ОБЛИК ВОЕННОГО КОНТРТЕРРОРИЗМА

Антитеррористические операции коалиций государств, возглавляемых США [Goodman 2013; Lederman 2015] и Россией, в Сирии доказали, что использование силы против террористов, даже базирующихся вдали от границ государства, прибегающего к военному решению проблемы, уже не является экстраординарной, а скорее обычной практикой в современных международных отношениях. Однако, как известно, применение силы со стороны государства на территории другого государства запрещено в соответствии с Уставом ООН (ст. 2). Государства, обращающиеся к военному ответу на вызов терроризма, обосновывают свои действия правом на индивидуальную или коллективную самооборону, предусмотренную Уставом ООН (ст. 51). Действительно, когда речь идет о самообороне, использование военной силы для отражения вооруженного нападения является законным с точки зрения международного права. Но реальные ситуации, в которых государства апеллируют к праву на самооборону против атак террористов, как правило, весьма сложны. Их правовые и политические оценки на уровне руководящих органов ООН (Совбеза)¹, Международного суда ООН², государств-

---

¹ К примеру, США наложили вето на проект резолюции по ближневосточной ситуации (S/2004/783 от 5 октября 2004 г.), предложенной Алжиром, Пакистаном и Тунисом и осуждавшей применение военной силы Израилем на севере сектора Газа.

² См., например, решение Международного суда от 19 декабря 2005 г. по делу, касающемуся военных действий на территории Демократической Республики Конго (ДРК против Уганды).

членов³ и сообщества авторитетных специалистов в области международного права далеко не всегда однозначны. Законность многих прецедентов экстерриториального использования военной силы против террористических угроз может быть подвергнута серьезным сомнениям. Но это не меняет четко обозначившегося после 2001 г. тренда, выраженного в усилении военного компонента современного контртерроризма. В этой связи возникают оправданные опасения о том, что его военное измерение потенциально может привносить дополнительную конфликтность в отношения между государствами и даже быть «спусковым механизмом» эскалации вооруженного насилия (новых войн) между ними.

На основе анализа работ отечественных [Фархутдинов 2016а] и зарубежных [Tams 2009] специалистов в области международного права можно выявить наиболее острые пункты расхождений в позициях государств по вопросу законности применения антитеррористической военной силы. Действительно, принципиальные разногласия по ряду возникших в последние десятилетия правовых доктрин (например, «доктрины превентивной самообороны»), основанных на нетрадиционных подходах к интерпретации ключевых понятий Устава ООН, создают дестабилизирующий эффект и конфликтный потенциал в отношениях между государствами.

Однако пример сирийских контртеррористических операций России и США показывает, что даже в условиях острых разногласий и расхождений в оценках сирийского кризиса России и США удалось избежать непредвиденной эскалации⁴ и прийти к ряду соглашений⁵, нацеленных на восстановление мира, примирение и ликвидацию гуманитарной катастрофы в Сирии. Необходимо также подчеркнуть, что антитеррористические военные действия российской стороны в Сирии полностью правомерны, так как официальный запрос на оказание военной помощи поступил в адрес России от законных властей страны. Между тем, «пазл» низкого конфликтного потенциала сирийских антитеррористических операций может быть объяснен наличием общих регуляторов поведения государств в условиях проводимых военных кампаний. Этими регуляторами являются, прежде

---

³ Так, вторжение США в Ирак, который был отнесен ими к «государствам-изгоям» и «спонсорам» международного терроризма, в 2003 г. международное сообщество встретило общим осуждением.

⁴ 20 октября 2016 г. Россия и США подписали Меморандум о взаимопонимании относительно мер по предотвращению инцидентов в воздушном пространстве Сирии. Меморандум содержал протоколы безопасности для экипажей военных самолетов.

⁵ Например, российско-американские переговоры (еще до начала антитеррористических интервенций) по сирийскому химическому оружию и согласованная на них «рамочная договоренность по ликвидации сирийского химического оружия» легли в основу детального плана имплементации, принятого ОЗХО, и ставшего частью резолюции Совбеза ООН 2118. Не менее значимым стало соглашение о прекращении военных действий в Сирии, вступившее в силу 27 февраля 2016 г. Соглашение было достигнуто США и РФ, которые являются сопредседателями Международной группы поддержки Сирии.

всего, нормы международного гуманитарного права (МГП), глубоко укорененные в современных международных отношениях.

Если нормы *jus ad bellum* (право начинать войну) интерпретируются все шире, то не вызывает сомнений, что развитие обязательных норм *jus in bello*⁶ направлено на обеспечение их более строгого применения в новых условиях современной войны. Их фактическое исполнение является предметом контроля со стороны межправительственных комиссий, экспертных комиссий ООН, международных неправительственных организаций, правозащитных НПО, что, казалось бы, должно повышать их эффективность. Однако вопросы *jus in bello* нередко становятся предметом информационных войн, направленных на делегитимацию действий оппонентов. Тем не менее, обязательные нормы МГП не только регулируют поведение государств в условиях вооруженного конфликта, но и функционируют как своеобразный «идентификационный маркер», позволяющий даже в весьма сложных условиях предпринимать шаги, направленные на восстановление «совместного блага» (*common good*), т.е. мира и безопасности. Соблюдение международного гуманитарного права приобретает особое значение в ситуациях, когда в конфликте участвуют террористические группировки, осознанно попирающие и нормы *jus in bello*, и международное право прав человека.

Общий взгляд на контекст антитеррористических операций США и России позволяет говорить о том, что практика военно-силового контртерроризма, несмотря на свой пока не устоявшийся с правовой точки зрения характер, не закрывает возможностей межгосударственного взаимодействия. А значит ее деструктивный потенциал весьма невелик. Сирийские антитеррористические операции в этом отношении весьма показательны, так как они проводились коалициями государств, далеко не все из которых имеют общую границу с Сирией, и возглавлялись постоянными членами Совбеза ООН. Не требует упоминания, что США остаются ведущим актором в МО и стремятся сохранить лидерство в системе, которая уже не столь однополярна, как на рубеже веков. Россия же своим участием в сирийском урегулировании заявила о новой, выходящей за пределы региона ближнего соседства (СНГ, евразийское пространство), роли в международных делах.

Но сирийский пример является далеко не единственным в современной практике военного контртерроризма, которая, как правило, затрагивает отношения между двумя государствами-соседями. И для этих случаев требуются иные объяснительные модели. Тем не менее, весь спектр международно-правовых и политических проблем, связанных с военно-силовым контртерроризмом, можно рассмотреть через призму понятий и категорий, вышедших из интеллектуальной

---

⁶ Нормы *jus in bello* (международное гуманитарное право) регулируют способы ведения военных действий. К современным нормам *jus in bello* относятся четыре Женевских конвенции 1949 г. и два дополнительных протокола к ним 1977 г., Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., Конвенция против пыток 1984 г., Конвенция о запрещении химического оружия 1992 г. и др.

традиции «справедливой войны»⁷ [Bellamy 2006; Stahn 2006; Кашников 2011]. Эта многогранная традиция сочетает в себе аргументы из области морали, естественного и позитивного права [Bellamy 2004].

КОНКУРЕНЦИЯ ПОДХОДОВ К ТРАКТОВКЕ JUS AD BELLUM

Сначала стоит рассмотреть вопросы соответствия военно-силового контртерроризма нормам *jus ad bellum*, уточнение которых в свое время составило ключевой элемент в концепции «справедливой войны». Нормы *jus ad bellum* в современной международной системе приняли жестко императивную форму запрета на применение военной силы. Это основополагающий международно-правовой принцип. Статья 2 (4) Устава ООН обязывает членов организации воздерживаться «в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом». Устав ООН предусматривает фактически только два исключения из этого общего принципа. Во-первых, применение военной силы может быть законным, если оно осуществлено в целях поддержания или восстановления международного мира и безопасности в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН (ст. 42 и 43 Устава). Во-вторых, Устав ООН «ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на члена организации, до тех пор пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности» (ст. 51 Устава).

Правовой режим, созданный соответствующими положениями Устава ООН и регулирующий использование военной силы в МО, остается незыблемым. Тенденции 1990-х и особенно 2000-х гг. связаны с новыми интерпретациями ключевых понятий (самооборона, вооруженное нападение) этого режима с целью открыть возможности для военного ответа на вызов международного терроризма. Так, активизация деятельности Совбеза в постбиполярный период позволила ему квалифицировать международный терроризм как угрозу миру и стать инициатором целого комплекса невоенных мер по борьбе с ним. Однако возможность авторизации Совбезом в соответствии с главой VII Устава односторонних и многосторонних военных антитеррористических операций в рамках коллективной

---

⁷ Действительно, теоретическое осмысление проблем военно-силового контртерроризма первых десятилетий XXI в., в особенности «войны с террором», вызвало возрождение интереса к концепции «справедливой войны». Ренессанс интереса к этой интеллектуальной традиции Запада весьма примечателен и был обусловлен целым комплексом причин. Во-первых, начавшейся с начала 1990-х гг. дискуссии о правомерности «гуманитарных интервенций»; во-вторых, усилившейся из-за «войны с террором» в 2000-х гг. дискуссии о законности военных контртеррористических операций, в-третьих, в связи с более общим вызовом исламского терроризма и «глобального джихада».

системы безопасности пока остается нереализованной. Это связано с политическими причинами. Как показал опыт борьбы с ИГИЛ (организация, деятельность которой запрещена в РФ) в Сирии, антитеррористические коалиции, возглавляемые США и Россией соответственно, не смогли найти общей основы для совместных действий под эгидой ООН.

Другая тенденция связана с внедрением более расширительного подхода к трактовке права на самооборону. Право на индивидуальную и коллективную самооборону утверждает ст. 51 Устава ООН. В свое время решение Международного суда по делу Никарагуа против США (1986 г.) определило ряд строгих критериев, под которые должна подпадать вооруженная активность (терроризм, партизанская война) неправительственных групп, с тем чтобы затронутое государство могло правомерно использовать право на самооборону [Фархутдинов 2016б].

Между тем, с начала 2000-х гг. возникают новые подходы к интерпретации права на самооборону⁸ [Joynes 2005]. Получает признание точка зрения, согласно которой государство должно принимать меры по подавлению террористической активности, имеющей место на его территории⁹. Если же оно бездействует либо терпит неудачу на этом направлении, оно должно признать законность мер самообороны, направленных против террористов. Постепенно утверждаются более гибкие / расширительные стандарты установления ответственности государства за связи с терроризмом. Одновременно меняется «пороговое требование»¹⁰ [Tams 2009; Фархутдинов 2016б]. Изменения выражаются в возникновении так называемой доктрины аккумуляции отдельных эпизодов вооруженного насилия

---

⁸ В частности, после терактов 11 сентября 2001 г. США берут на вооружение доктрину «превентивной» самообороны (preventive self-defense). После ее обсуждения в академическом сообществе юристов-международников находит поддержку мнение о том, что превентивный ответ допустим, если соблюдены три условия. Во-первых, если террористическая угроза является реальной и подлинной; во-вторых, если она непосредственна и неизбежна, в-третьих, если именно превентивный военный ответ необходим и пропорционален. Идея превентивной самообороны сама по себе — это одна из вариаций концепции «упреждающей» (anticipatory) самообороны, возникшей еще в первой половине XIX в. (прецедент с американской шхуной «Кэрролайн»). Расширительной версией «упреждающей» самообороны считается идея «preemptive self-defense» (своего рода «предвосхищающая» самооборона). Она постулирует возможность упреждения отдаленных / только нарождающихся угроз. Идея «preemptive self-defense» рассматривается как незаконная с точки зрения ст. 2 Устава ООН. На практике же доктрина «превентивной самообороны» часто выливается в меры «предвосхищающего» (preemptive) характера. В качестве примера реализации «preemptive self-defense» можно привести вторжение США в Ирак в 2003 г.

⁹ В реальности же ситуация может быть гораздо более сложной. Так, контртеррористические меры на собственной территории могут выражаться в массовых репрессиях и нарушениях прав человека. Например, достаточно сложной для однозначных оценок является ситуация вокруг «курдского» вопроса и действий Турции в отношении курдов, проживающих на ее территории.

¹⁰ «Пороговое требование» относится к оценке отдельных военных действий и нарушений границы с тем чтобы классифицировать их как «вооруженное нападение» либо признать не достигшими по интенсивности его уровня.

(accumulation of events doctrine). Речь идет о том, может ли серия отдельных терактов оцениваться в целом как целенаправленная атака на государство, достигшая порогового уровня «вооруженного нападения» (в смысле ст. 51 Устава). Доктрина обсуждалась тяжущимися сторонами на процессах: Камерун против Нигерии (иск подан в 1994 г.), «нефтяные платформы Ирана» (Иран против США, иск подан в 1992 г.) и Демократическая Республика Конго против Уганды (1999 г.). Однако пока она не была подтверждена в решениях Международного суда. Альтернативным ей является подход, согласно которому на атаки малой интенсивности следует отвечать с помощью ограниченной «контрсилы» [Tams 2009].

И «доктрина аккумуляции», и концепция «контрсилы малой интенсивности» связаны с существенными рисками эрозии основополагающего запрета на применение силы. Так, «доктрина аккумуляции» «подрывает временные ограничения права на самооборону и создает риски его превращения в открытую лицензию на использование силы» [Tams 2009: 389]. Кроме того, идея «контрсилы малой интенсивности» может не соответствовать требованию оборонительного характера принимаемых мер. Скажем, в ней может присутствовать элемент «возмездия» и «наказания» террористов, что не соответствует понятию «оборона». Иными словами, «нормативный дрейф», который наблюдается в связи с участвовавшей практикой военно-силового экстерриториального контртерроризма, связан с растяжением концепции самообороны [Tams 2009].

ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ *JUS IN BELLO*

В мире за период 2001—2014 гг.¹¹ подавляющее большинство вооруженных конфликтов (за несколькими исключениями) были внутренними. Самое тревожное в преобладании внутренних конфликтов связано с тем, что среди акторов «неправительственного» фронта все более доминируют террористические группировки, изначально не признающие «законы и обычаи войны»¹². Именно это дает основание правительствам не рассматривать их как сторону конфликта. В результате террористы a priori выпадают из режима, созданного женеvскими конвенциями. Они не могут считаться комбатантами, а при взятии в плен — военнопленными. Как показывает в своем исследовании афганского фронта «войны с террором» Э.Дж. Карсуэлл, «члены Аль-Каиды, сражавшиеся в этом международном вооруженном конфликте, не подпадали под юридическое определение комбатантов... с юридической точки зрения они были «гражданскими лицами»¹³ [Carswell 2009]. При таком размывании четких границ между основными

---

¹¹ UCDP/PRIО Armed Conflict Dataset v. 4. 2015, 1946—2014. URL: http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/ucdp_prio_armed_conflict_dataset (accessed 28.04.2016).

¹² Ведь одна из определяющих черт терроризма — атаки на мирное население.

¹³ Напротив, военнослужащие вооруженных сил талибов, которые в 2001 г. являлись фактическим правительством Афганистана, «должны были на законных основаниях считаться комбатантами и, будучи взяты в плен, военнопленными» [Carswell 2009: 157].

понятиями Женевских конвенций совершенно очевидно, что военные контртеррористические операции связаны с серьезными рисками неизбирательного насилия (нарушением принципа дискриминации).

Это общие проблемы, которые остаются острыми и для нового этапа «войны с террором». Он явно обозначился на рубеже первого десятилетия XXI в. и связан с появлением все более смертоносных террористических группировок, таких как нигерийская «Боко харам», сомалийская Аш-шабаб, малийские джихадистские движения и, конечно, ИГИЛ. Новый этап «войны с террором» имеет свои особенности, что смещает акцент с «болевых точек» *jus in bello* афганской и иракской интервенций США.

Современные контртеррористические интервенции, в отличие от афганской и иракской войн США, в большинстве случаев¹⁴ осуществляются с согласия правительства страны, на территории которой они проводятся. Поэтому соблюдение *jus in bello* имеет особое значение для оценки законности и легитимности военно-силового контртерроризма в его сегодняшних формах. Если для афганской и иракской интервенций США остроту приобрели вопросы нарушения принципов дискриминации и пропорциональности¹⁵ [Roberts 2002; Bellamy 2005], а также вопросы статуса лиц, взятых в плен и подозреваемых в терроризме [Русинова 2008], то при всей важности этих моментов для современных контртеррористических операций на первый план все же выдвигаются проблемы обеспечения доступа к гражданскому населению и раненым, оказания гуманитарной помощи. Это неудивительно, если учесть, что большинство современных контртеррористических интервенций проходят на фоне интенсивной (Афганистан, Ирак, Мали¹⁶, Сирия и Йемен¹⁷) и многолетней (Сомали¹⁸) гражданской войны либо крайне высо-

¹⁴ Самым заметным исключением является интервенция США и созданной ими международной коалиции против ИГИЛ в Сирии. Эта коалиция обладала только согласием и просьбой о коллективной самообороне со стороны правительства Ирака, что делало законными ее действия на иракской территории, но не на территории Сирии, от правительства которой такой просьбы к США не поступало.

¹⁵ Пропорциональность предполагает, что военный акт является легитимным, если военно-стратегическая важность объекта, который является мишенью, превышает вред (гуманитарный, социально-экономический, экологический) от атаки.

¹⁶ В 2012 г. конфликт в Северном Мали начался как вооруженный сепаратизм туарегов, объединенных в Национальное движение за освобождение Азавада, но уже к июлю 2012 г. сепаратисты потеряли контроль над территорией в пользу ряда радикальных исламистских группировок. В конце 2012 г. правительство Мали обратилось за внешней военной помощью для восстановления контроля над севером страны.

¹⁷ В Йемене с 2015 г. идет гражданская война. Коалиция арабских государств во главе с Саудовской Аравией вмешалась в конфликт на стороне действующего президента. Одновременно США наносят авиаудары по позициям Аль-Каиды и ИГИЛ в Йемене.

¹⁸ С 2007 г. в Сомали была развернута одобренная ООН (резолюция Совбеза 1744) миротворческая миссия Африканского союза (AMISOM), в задачи которой входила в том числе и помощь переходному правительству Сомали в борьбе с террористическими группировками, прежде всего с Аш-шабаб.

кой (Нигерия¹⁹) и длительной (Уганда²⁰) степени террористической активности, выходящей за пределы одной страны.

Проблема обеспечения доступа гуманитарных организаций к нуждающемуся в помощи населению стоит крайне остро в Афганистане. Талибан открыто враждебен гуманитарным организациям, и переговоры о доступе могут быть сопряжены со значительными рисками, а достигнутые договоренности не гарантируют прекращения атак на сотрудников гуманитарных организаций²¹. То же относится и к Ираку, где крайне осложнен доступ к конфликтным зонам и территориям, контролируемым вооруженными формированиями, особенно к районам, оказавшимся под властью ИГИЛ (провинции Анбар, Найнава). В Нигерии ситуация с доступом улучшилась в 2015 г., когда правительственные силы взяли под контроль территории на северо-востоке страны, ранее захваченные «Боко харам»²².

Проблема соблюдения международного гуманитарного права и права прав человека неправительственными вооруженными формированиями является постоянным предметом внимания со стороны международного гуманитарного и академического сообществ. Никто из представителей гуманитарных организаций не сомневается в том, что для доступа к населению в зонах вооруженных конфликтов необходим минимальный контакт с неправительственными группировками. Одна из сфер, где возможно установление такого контакта, — предоставление медицинской помощи, в которой нуждаются и неправительственные акторы. Однако в связи с тем, что немалая часть из них представляет собой террористические группировки, запрещенные во многих государствах и на уровне ООН, взаимодействие с ними (даже исключительно в гуманитарных целях) может быть расценено как преступление. В результате, «криминализация» гуманитарной деятельности остается одним из серьезных вызовов, порожденных террористическим насилием во внутренних вооруженных конфликтах. На этом направлении государствам и гуманитарным акторам еще только предстоит прийти к взаимоприемлемому компромиссу.

***

Если верно утверждение, что подъем международного терроризма как нетрадиционной угрозы безопасности связан с «упадком гегемона» [Bergesen, Lizardo 2004] или шире — с перераспределением силового баланса в международных

¹⁹ Правительство Нигерии с 2009 г. ведет борьбу с радикальной исламистской группировкой «Боко харам». В 2012 г. к нему присоединились правительства Чада и Нигера, и образовалась антитеррористическая коалиция. С 2014 г. в нее также вошел Камерун. США оказывают помощь антитеррористической коалиции (военные советники, логистика).

²⁰ Уганда ведет многолетнюю борьбу с «Объединенными демократическими силами» и радикальной «Господней армией сопротивления». Обе группировки известны атаками на мирное население, похищениями и вербовкой в свои ряды детей. Они активно действуют и на территории Демократической Республики Конго (ДРК). С 2008 г. Уганда осуществляет координацию контртеррористических мер с ДРК, Суданом, Южным Суданом и ЦАР.

²¹ Crisis Overview 2015: Humanitarian Trends and Risks for 2016. ACAPS, 2015. p. 6. URL: <http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/a-acaps-crisis-overview-2015-trends-and-risks-2016.pdf> (accessed: 28.04.2016).

²² Ibid. P. 58.

отношениях, тогда меры по борьбе с ним нужно прежде всего рассматривать с точки зрения их системного влияния на современные МО в целом. В этой связи не может не вызывать тревогу весьма противоречивая в международно-правовом отношении практика использования военной силы для борьбы с терроризмом. Однако изучение современного этапа «войны с террором» позволяет снять часть опасений относительно дестабилизирующего влияния военно-силового контртерроризма на отношения между государствами. Так, нельзя не видеть усиления многосторонних подходов к решению проблем, вызванных международным терроризмом. Тем не менее, приходится констатировать, что, несмотря на все усилия, предпринимаемые для противодействия терроризму, часть территорий в зонах вооруженных конфликтов пока остается подконтрольной террористическим акторам (например, в Ираке, Афганистане, Сомали, Нигерии). Оказание помощи населению на этих территориях, недопущение их разрастания и транснационализации, освобождение и постепенная интеграция подобных «серых зон» в мирную жизнь — эти задачи и составляют ядро современной контртеррористической деятельности. Не только ее военный, а также полицейский и правоприменительный компоненты, но и ее гуманитарное («мягкосиловое») измерение в конечном счете и обеспечивают стабильность на региональных уровнях международной системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Кашиников Б.Н.* Частные военные компании и теория справедливых войн // Российский научный журнал. 2011. № 20. С. 83—94.
- Русинова В.Н.* Проблемы регулирования статуса «незаконных комбатантов» в международном гуманитарном праве // Вестник РГУ им. И. Канта. 2008. Вып. 9. Экономические и юридические науки. С. 19—27.
- Фархутдинов И.З. (а)* Международное право и доктрина США о превентивной самообороне // Евразийский юридический журнал. 2016. 2(93). С. 23—31.
- Фархутдинов И.З. (б)* Международное право о самообороне государств // Евразийский юридический журнал. 2016. 1(92). С. 91—100.
- Bellamy A.J.* Ethics and Intervention: The ‘Humanitarian Exception’ and the Problem of Abuse in the Case of Iraq // Journal of Peace Research. 2004. 41(2). P. 131—147.
- Bellamy A.J.* Is the War on Terror Just? // International Relations. 2005. 19 (3). P. 275—296.
- Bellamy A.J.* Just Wars: From Cicero to Iraq. 1st edition. Cambridge: Polity, 2006.
- Bergesen A.J., Lizardo O.* International Terrorism and the World System // Sociological Theory. 2004. 22 (1). P. 38—52.
- Carswell A.J.* Classifying the conflict: a soldier’s dilemma // International Review of the Red Cross. 2009. 91(873). P. 143—161.
- Goodman R.* International Law on Airstrikes against ISIS in Syria // Just Security. 28 August 2013. URL: <http://justsecurity.org/14414/international-lawairstrikes-isis-syria> (дата обращения: 28.04.2016).
- Joyner Ch.* International Law in the 21st Century: Rules for Global Governance. Lanham: Rowman & Littlefield, 2005.
- Lederman M.* The War Powers Resolution and Article 51 Letters Concerning Use of Force in Syria Against ISIL and the Khorasan Group // Just Security. 17 June 2015. URL: <http://justsecurity.org/15436/war-powers-resolution-article-51-lettersforce-syria-isil-khorasan-group> (accessed: 28.04.2016).

Roberts A. Counter-Terrorism, Armed Force and the Laws of War // *Survival: Global Politics and Strategy*. 2002. 44 (1). P. 7—32.

Stahn C. 'Jus ad bellum', 'jus in bello', 'jus post bellum'? Rethinking the Conception of the Law of Armed Force // *European Journal of International Law*. 2006. 17 (5). P. 921—943.

Tams C.J. The Use of Force against Terrorists // *The European Journal of International Law*. 2009. 20 (2). P. 359—397.

Дата поступления статьи: 15.05.2016

Для цитирования: Громогласова Е.С. Современный военно-силовой контртерроризм: международно-политический и правовой аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 426—436.

THE USE OF FORCE IN MODERN COUNTER-TERRORISM: INTERNATIONAL LEGAL AND POLITICAL ASPECTS

E.S. Gromoglasova

Primakov Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia

The paper reviews the recent practice of the use of military force in extraterritorial counter-terrorist operations. It argues that nowadays we're witnessing a new stage in the 'war on terror' that's still going on. Although the most of the modern counter-terrorist operations like, for example, the US-led coalition against ISIL in Iraq are being conducted at the request of the affected government, the major risks of expanding and misuse of the right on individual or collective self-defense enshrined in the UN Charter are still present. This can be illustrated by reference to the US air strikes on ISIL in Syria that have been undertaken without consent of Syrian government. But the challenges emerging from 'failed states' and rise of new more radical and militant terrorist movements (ISIL, Ash-Shabaab, Boko Haram and others) change the perceptions of legality of extraterritorial counter-terrorist force. The approach which reaffirms responsibility of the state for suppressing terrorist groups operating from within its territory seems to become more and more acceptable. Accordingly, if the state can't suppress terrorist activity it should accept the counter-terrorist intervention on its territory. Nevertheless, jus in bello norms (first of all international humanitarian law) remain stringent legal framework for actual use of counter-terrorist military force. The paper concludes that overall political legitimacy of the modern military counter-terrorist operations should be assessed in terms of their humanitarian impact and consequences.

Key words: counter-terrorism, military force, international relations, war on terror, jus ad bellum, jus in bello, international humanitarian law.

REFERENCES

Bellamy, A.J. (2004). Ethics and Intervention: The 'Humanitarian Exception' and the Problem of Abuse in the Case of Iraq. *Journal of Peace Research*, 41 (2), pp. 131—147.

Bellamy, A.J. (2005). Is the War on Terror Just? *International Relations*, 19 (3), pp. 275—296.

Bellamy, A.J. (2006). *Just Wars: From Cicero to Iraq*. 1st ed. Cambridge: Polity.

Bergesen, A.J., Lizardo, O. (2004). International Terrorism and the World System. *Sociological Theory*, 22 (1), pp. 38—52.

Carswell, A.J. (2009). Classifying the conflict: a soldier's dilemma. *International Review of the Red Cross*, 91 (873), pp. 143—161.

Farhutdinov, I.Z. (2016). Mezhdunarodnoe pravo i doktrina SShA o preventivnoj samooborone [International Law and the US Doctrine of Preventive Self-Defense]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal*, 2(93), pp. 23—31.

Farhutdinov, I.Z. (2016). Mezhdunarodnoe pravo o samooborone gosudarstv [The International Law of Self-Defense of States]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal*, 1(92), pp. 91—100.

Goodman, R. (2013). International Law on Airstrikes against ISIS in Syria. *Just Security*, 28 August. URL: <http://justsecurity.org/14414/international-law-airstrikes-isis-syria> (accessed: 28.04.2016).

Joyner, Ch. (2005). *International Law in the 21st Century: Rules for Global Governance*. Lanham: Rowman & Littlefield.

Kashnikov, B.N. (2011). Chastnye voennye kompanii i teoriya spravedlivykh vojn [The Private Military Companies and Just War Theory]. *Rossijskij Nauchnyj Zhurnal*, 20, pp. 83—94.

Lederman, M. (2015). The War Powers Resolution and Article 51 Letters Concerning Use of Force in Syria Against ISIL and the Khorasan Group. *Just Security*. URL: <http://justsecurity.org/15436/war-powers-resolution-article-51-lettersforce-syria-isil-khorasan-group> (accessed: 28.04.2016).

Roberts, A. (2002). Counter-Terrorism, Armed Force and the Laws of War. *Survival: Global Politics and Strategy*, 44 (1), pp. 7—32.

Rusinova, V.N. (2008). Problemy regulirovaniya statusa «nezakonnykh kombatantov» v mezhdunarodnom gumanitarnom prave [The Status of 'Unlawful Combatants': the Problems of Regulation in International Humanitarian Law]. *Vestnik RGU im. I. Kanta*, 9, pp. 19—27.

Stahn, C. (2006). 'Jus ad bellum', 'jus in bello', 'jus post bellum'? — Rethinking the Conception of the Law of Armed Force. *European Journal of International Law*, 17(5), pp. 921—943.

Tams, C.J. (2009). The Use of Force against Terrorists. *The European Journal of International Law*, 20 (2), pp. 359—397.

Received: 15.05.2016

For citations: Gromoglasova, E.S. (2016). The use of force in modern counter-terrorism: international legal and political aspects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16(3), pp. 426—436.

ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ ПОДХОД К ПОСТКОНФЛИКТНОМУ ВОССТАНОВЛЕНИЮ: ОПЫТ ФРГ В АФГАНИСТАНЕ

Ф.О. Трунов

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

В статье изучаются дилеммы всеобъемлющего подхода к постконфликтному восстановлению на примере опыта ФРГ по использованию провинциальных восстановительных команд (ПВК) в Афганистане. Дается сравнительный анализ моделей ПВК, апробированных ФРГ, США и Великобританией. Раскрывается роль команд как механизмов тесного сотрудничества профильных силовых и гражданских ведомств. Обозначаются особенности и проблемные аспекты использования германских ПВК в провинциях Кундуз и Бадахшан. На этой основе дается оценка эффективности применения ПВК в целях решения комплексных задач постконфликтного восстановления и перехода к мирному развитию. В частности, автор делает вывод, что германский опыт использования ПВК в Афганистане может оказаться весьма востребованным в условиях повышения общего уровня конфликтности на международной арене, повышения внимания к вопросам обеспечения мира, безопасности и качества управления.

Ключевые слова: безопасность, развитие, постконфликтное восстановление, всеобъемлющий подход, внешняя политика ФРГ, Афганистан, провинциальные восстановительные команды, поддержание мира.

В реалиях XXI в. растет число нестабильных государств, на территории которых центральная власть утратила монопольное право на применение легитимного насилия. Они выступают основными источниками многочисленных и разнообразных по своему характеру угроз и вызовов для всего мирового сообщества, в том числе стран Запада. В этой связи одной из стратегических задач для государств — членов ЕС и НАТО выступает содействие возвращению «проблемных стран» в разряд стабильно развивающихся как средство обеспечения собственной безопасности на перспективу в рамках получившей широкое распространение за рубежом концепции связки «безопасность — развитие» [Бартенев 2015: 79—84; Юдин 2016: 39—41].

Реализация мер данной направленности в Афганистане, как и в других нестабильных странах, была особенно важна на стадии постконфликтного восстановления. В этот переломный период развития уязвимых государств внешние игроки продолжали прикладывать усилия по поддержанию и обеспечению мира, планируя постепенно переложить выполнение данных задач на афганские национальные силы безопасности (в первую очередь, армию и полицию). Страны Запада с этой целью активно участвовали в реформировании секторов безопасности и правосудия в постконфликтных государствах, обеспечивали возвращение населения к мирной жизни, осуществляя меры по экономическому восстановлению.

Секрет успеха помощи нестабильным государствам видится многим акторам за рубежом в комплексном (всеобъемлющем) подходе к использованию данных

инструментов [Von Bredow 2015]. В качестве его основы многие страны Запада рассматривают максимальное развитие возможностей межведомственного взаимодействия. Одним из основных «полигонов» для применения данного подхода стал Афганистан после разгрома осенью 2001 г. основных сил «Аль-Каиды» и свержения режима талибов. В рамках операции «Несокрушимая свобода» и особенно под эгидой деятельности Международных сил содействия безопасности их страны-участницы, в первую очередь западные, стали создавать провинциальные восстановительные команды (ПВК) (Provincial Reconstruction Teams (PRT)). Из 50 стран, участвовавших в восстановлении институтов государственности на афганской земле, к середине 2000-х гг. 16 создали ПВК [Petrik 2016: 163—164] (общим количеством 26) [Five years 2009: 3]. В роли первопроходцев выступили державы — США, Великобритания и ФРГ — создали наиболее четко выраженные модели ПВК. Причем если деятельность в восстановлении Афганистана англосаксонских держав и некоторых других стран, в частности Турции, в отечественной литературе изучена уже довольно подробно и полно [Коргун 2011; Сушенцов 2014; Gall 2014; Алиева, 2016], то опыт ФРГ, в своей внешней политике делающей осознанную ставку на максимальное развитие межведомственного взаимодействия в решении вопросов, расположенных на пересечении сфер безопасности и обеспечения стабильного развития [Попова, Трунов 2016: 119], исследован в значительно меньшей степени.

Задача настоящей статьи — восполнить данный пробел, исследовав особенности использования ПВК под германским руководством в процессе постконфликтного восстановления на территории Афганистана. Ее решение представляет и значительный практический интерес ввиду приоритетности усилий по недопущению еще большего укрепления структур международного терроризма на афганской территории с точки зрения обеспечения безопасности в Центральной Азии [Малышева 2013: 123].

В первой части описываются условия для развертывания германских ПВК, во второй — отличительные модели германской модели от моделей других стран, в третьей и четвертой — основные особенности и проблемы использования ФРГ ПВК в Афганистане.

УСЛОВИЯ ДЛЯ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ГЕРМАНСКИХ ПВК

После совершения актов мегатеррора 11 сентября 2001 г. на территории Афганистана стали проводиться две операции по борьбе с «Аль-Каидой» и дружественным ей движением «Талибан». Первая из них, названная «Несокрушимая свобода» (Operation Enduring Freedom (OEF)), была инициирована США и осуществлялась вне рамок международных организаций под эгидой «коалиции желающих». При поддержке Северного альянса (военизированных формирований узбеков, таджиков и хазарейцев) действующие в рамках операции «Несокрушимая свобода» силы англосаксонских государств (США, Великобритании, Канады) смогли быстро разгромить основные силы «Аль-Каиды» и талибов в районе Кабула, отбросив их в южные и восточные провинции страны. Как указывали

западные исследователи, тот факт, что именно силы, задействованные для проведения операции «Несокрушимая свобода», сыграли ключевую роль в борьбе с международным терроризмом на территории Афганистана в 2001—2002 гг., обуславливает первенство США и Великобритании в создании ПВК [Hett 2005: 3].

На основании резолюции 1386 Совета Безопасности ООН (2001) на территории Афганистана были развернуты Международные силы содействия безопасности (МССБ/ISAF). Если в первые месяцы деятельности зона ответственности МССБ ограничивалась районом г. Кабул, то с октября 2003 г., в соответствии с резолюцией 1510 (2003), она была расширена на северные и западные провинции Афганистана.

В условиях общественной критики планов правительства ФРГ по развертыванию значительных сил бундесвера в рамках операции «Несокрушимая свобода» [Михайлин 2009: 23; Hochwart 2009: 35—39], германские военнослужащие использовались в основном под эгидой МССБ. Если в начале 2002 г. в составе МССБ насчитывалось только около 1,2 тыс. солдат и офицеров бундесвера, то к 2004 г. их число возросло уже до 2,25 тыс.¹ В условиях расширения зоны ответственности МССБ изначально кабинет Г. Шрёдера / Й. Фишера планировал направить на север Афганистана 250 военнослужащих, однако уже в октябре 2003 г. бундестаг одобрил развертывание в провинции Кундуз 450 солдат и офицеров бундесвера, ответственных за разоружение бывших комбатантов и мониторинг ситуации, при этом большая часть контингента (1,8 тыс.) была оставлена в Кабуле. Согласно мандату бундестага, основной задачей германского контингента являлось осуществление деятельности по поддержанию мира². В 2006 г. в г. Мазари-Шариф было развернуто управление войсками МССБ в северных провинциях Афганистана, ядро которого составили офицеры бундесвера [Bundeswehr... 2009: 79—80]. Параллельно с 2002 г. на Германию в соответствии с договоренностями между руководством держав Запада была возложена ответственность за подготовку кадров афганской полиции [Assistance... 2005: 6].

Для содействия восстановлению властных институтов в стране Германией активно использовались и политико-дипломатические средства. Еще 5 декабря 2001 г. был запущен Боннский процесс — переговоры между представителями различных этноконфессиональных групп Афганистана, направленные на создание новой, признаваемой международным сообществом, вертикали власти в стране. Успешным завершением Боннского процесса на Западе, в первую очередь в ФРГ, считали подписание Петербургского договора (19 декабря 2005 г.), открывшего возможности для начала деятельности парламента Афганистана (впервые с 1992 г.) [Bundeswehr... 2009: 80]. Таким образом, с одной стороны, Германия играла значимую роль в восстановлении центральных органов власти в Афга-

---

¹ Antrag der Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 15. Wahlperiode. Drucksache 15/128, 03.12.2002. S. 1.

² Antrag der Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 15. Wahlperiode. Drucksache 15/1700, 15. 10. 2003. S. 1—4.

нистане, с другой — создавала необходимые условия для воссоздания системы управления на местном (провинциальном) уровне при поддержке стран — участниц операции «Несокрушимая свобода» и МССБ. Механизмами ее оказания стали ПВК.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ГЕРМАНСКОЙ МОДЕЛИ ПВК

Для выделения особенностей ПВК под германским руководством имеет смысл сравнить их с ПВК, созданными США и Великобританией. Учитывая, что большинство команд США было развернуто в беспокойных южных и восточных провинциях [Assistance... 2005: 22—23], им всё время требовалась поддержка войск для осуществления «зачисток» территории. Этим обуславливалось доминирующее положение военных в командах США [Hett 2005: 4] и их сфокусированность непосредственно на ведении боевых действий и подготовке подразделений афганской армии.

Британцы использовали методы еще колониальной эпохи по подавлению восстаний. Великобритания также уделяла значительное внимание вопросам укрепления армии и полиции Афганистана. Свою деятельность по «зачистке» территории и мониторингу ситуации британцы рассматривали как создание благоприятных условий для реализации афганцами проектов по экономическому восстановлению и налаживанию управления, но без прямого участия в них британского персонала. В частности, британский контингент постоянно патрулировал территорию, при этом не создавая разветвленной сети небольших постов [Hochwart 2009: 14], что весьма снижало положительный эффект от этих профилактических военных мероприятий. Характер деятельности ПВК Великобритании определял доминирование в них военных, хотя и в меньшей степени, чем в случае с США [Petrik 2016: 167].

Как и англо-саксонские державы, ФРГ создавала ПВК в тех афганских зонах, где уже действовали германские военнослужащие. Поэтому первая ПВК под германским руководством была развернута в провинции Кундуз (в ее состав также вошли специалисты США) в октябре 2003 г. Помимо 700 солдат бундесвера (к 2010 г.) [Noetzel... 2009: 74], в этой провинции также находились многонациональные части МССБ, представленные в основном небольшими контингентами 13 стран-участниц [Werner, 2014]. Вторая ПВК под германским командованием была создана в провинции Бадахшан в августе 2005 г. Помимо 400 солдат бундесвера (к началу 2010-х гг.) [Noetzel... 2009: 74] здесь находились части датского, чешского и швейцарского контингентов в составе МССБ [Provincial... 2008: 16]. Как и в других частях Афганистана, ПВК под руководством ФРГ именовались по названиям главных городов тех провинций, где они действовали (Кундуз и Фейзабад соответственно) (Файзабад). Контингенты военнослужащих в составе германских ПВК (как и ПВК других стран) входили в состав МССБ, а потому при решении оперативно-тактических вопросов (патрулирование, «зачистка» территории от мелких групп и отдельных боевиков «Аль-Каиды» и Талибана) ПВК согласовывали свои действия с командованием МССБ.

Однако, несмотря на важность фактора использования бундесвера, в отличие от англо-саксонских моделей ПВК, германскую характеризовал дуализм — равноправный характер взаимодействия военных и гражданских представителей [Petrik 2016: 167]. Это было обусловлено тем, что помимо «поддержки и сопровождения реформы сектора безопасности», в соответствии с установками федерального правительства для ПВК от 1 сентября 2003 г. ФРГ не только содействовала, но и участвовала в реализации двух групп задач:

— укрепление контактов и доверия между различными этноконфессиональными группами, поддержка гражданского общества (во взаимодействии с миссией ООН в Афганистане);

— реализация проектов помощи развитию в координации с правительственными агентствами по международному развитию других государств-доноров, а также неправительственными организациями (в первую очередь, германскими) [Hett 2005: 15—16]. Данные задачи стояли и перед ПВК Великобритании и США, однако степень их приоритетности (в сравнении с военными задачами) была значительно ниже [Hett 2005: 3—16].

Учитывая характер задач ПВК, они представляли собой механизмы межведомственного взаимодействия — в них работали представители министерств иностранных дел (МИД), обороны, экономического сотрудничества и развития (МЭСР) и внутренних дел (МВД). Каждое ведомство направляло в ПВК своего постоянного полномочного представителя, причем двое из них — от Министерства обороны и МИД — были руководителем и соруководителем соответственно [Hochwart 2009: 19].

Военный глава ПВК, курируя деятельность по поддержанию мира, был подотчетен не только Министерству обороны, но и командованию МССБ. Обычно руководителем «в погонах» являлся офицер в звании полковника, его афганскими визави были губернатор и бригадный генерал, т.е. командир развернутых в данной провинции армейских частей (реже в таком качестве выступал командир провинциальной полиции) [Hochwart 2009: 16].

На представителей МВД ФРГ возлагалась ответственность за подготовку сил афганской полиции. Сотрудники МИД ФРГ должны были вести переговоры с местными влиятельными афганцами с целью обеспечения их лояльного отношения к вновь формируемой вертикали власти. Представитель МЭСР курировал реализацию проектов по восстановлению критических важных объектов социальной (школы, больницы) и транспортной (грунтовые и шоссейные дороги) инфраструктуры. В качестве соисполнителей и спонсоров данных работ выступали Германская служба содействия развитию (*der Deutsche Entwicklungsdienst*), Общество по техническому сотрудничеству (ОТС) (*Gesellschaft für technische Zusammenarbeit*) и Банк реконструкции KfW (*Kreditanstalt für Wiederaufbau*) [Hett 2005: 16].

Лейтмотивом деятельности германских ПВК являлось развитие и углубление взаимодействия между военными и гражданскими службами [Попова, Трунов 2016], что, в частности, достигалось посредством еженедельных совещаний с уча-

ствием представителей всех министерств, участвующих в деятельности команд. Показательно, что для проработки конкретных вопросов взаимодействия с гражданскими службами, в том числе обеспечения охраны во время строительных работ, в состав каждой ПВК входили 12 офицеров и унтер-офицеров, $\frac{2}{3}$ из которых регулярно совершали выезды в различные места на территории провинций [Paul 2009: 15]. Подход комплексного использования различных по характеру инструментов, заложенный в основу германской модели ПВК, значительно облегчал выполнение ими широкого круга задач.

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПВК ФРГ

Основной фокус представителями МИД ФРГ, действовавшими в составе ПВК, делался на развитие взаимодействия с полевыми командирами Северного альянса, в первую очередь генералами, возглавлявшими отряды узбеков и таджиков — А.-Р. Дустумом и М. Аттой — и их приближенными [Hochwart 2009: 35; Hett 2005: 17]. Тесное взаимодействие стран Запада с ними стало развиваться еще с 2001 г., т.е. до запуска ПВК, что, безусловно, облегчало выполнение своих задач дипломатами ФРГ. В частности, это позволило обеспечить формальное включение тысяч бойцов Северного альянса в состав 6-го армейского корпуса вооруженных сил Афганистана [Hett 2005: 18]. Кроме того, взаимодействие с силами А.-Р. Дустума и М. Атты позволило под наблюдением офицеров бундесвера обеспечить частичное изъятие незаконно содержащегося оружия у местного населения и передачу его местным афганским органам власти. Эти действия в рамках программы РДР (разоружение, демобилизация и реинтеграция — Disarmament, Demobilization, and Reintegration Program), бывшей частью работы всех западных ПВК в Афганистане, стали первой из основных задач и для подразделений бундесвера, подчиненных ПВК. Второй стала охрана представителей МЭСР, выезжавших для изучения мест подлежащих постройке / восстановлению объектов инфраструктуры, а также охрана полевых лагерей, где жили афганские рабочие-строители.

Наконец, третья задача — применение самого бундесвера в процессе экономического восстановления. Так, в провинции Кундуз германские военнослужащие пробурили несколько скважин (участвуя также в налаживании системы водоснабжения в целом), использовались для прокладывания грунтовых дорог и особенно при возведении мостов [Hett 2005: 17—18]. Во многом эти меры объяснялись потребностями самого контингента бундесвера — успех мер по патрулированию и ликвидации мелких групп и отдельных боевиков в гористом Афганистане в значительной степени зависел от качества дорог и возможности без промедления пересекать многочисленные реки и речки с отсутствием природных подъездов к ним. Необходимые финансовые средства для проведения данных работ выдавались офицерам бундесвера гражданским руководством ПВК. Поэтому, как и в ПВК США, офицеры имели право сами выбирать небольшие объекты для восстановления и использовать своих подчиненных, а также денежные средства для их постройки. Поэтому вскоре после начала своей деятельности командиры ар-

мейских подразделений превращались в своего рода получателей заявок от местного населения на работы по экономическому восстановлению [Hett 2005: 18].

Показательно также, что Кундузу, по сравнению с Бадахшаном, Германией уделялось значительно больше внимания с точки зрения использования военных рычагов. Так, ПВК в первой провинции было подчинено в 1,5—2,5 раза (в разное время) больше военнослужащих, чем во второй [Hett 2005: 15]. Аналогичной была разница и в числе полицейских инструкторов ФРГ, работавших в данных провинциях [Germany's support... 2012: 7]. Думается, что это было обусловлено более нестабильной обстановкой в Кундузе по сравнению с Бадахшаном — косвенно на это также указывает более раннее (почти на 2 года) создание ПВК в первом случае.

В финансовом плане ключевую роль в процессе экономического восстановления как одной из составляющих участия Запада в решении «афганской проблемы» играло МЭСР. С одной стороны, в целом в 2001—2014 гг. на решение проблем развития страны германская сторона израсходовала сумму в 2 млрд евро, из которых 1,575 млн евро (или более 75 %) было предоставлено по каналам МЭСР. При этом в основном помощь шла в северные провинции Афганистана [New Country strategy 2014: 10], находившиеся в зоне ответственности командования «Север» МССБ с ведущим участием ФРГ [Bundeswehr... 2009: 79—80]. С другой — значительная часть помощи, и, соответственно, проектов, реализуемых как МЭСР, так и профильными государственными структурами, шла не только в Бадахшан и Кундуз, но и в другие провинции в этом субрегионе, где не действовали германские ПВК — Балх, Багхлан (Баглан) и Такхар (Тахар) [New Country strategy 2014: 10]. Так, из общего числа описанных агентством ОТС 6 реализованных наиболее крупных проектов в Бадахшане было осуществлено 2, а в Кундузе — 1. В первом случае ФРГ улучшила работу администрации провинциальной (средством обучения и предоставления средств для коммуникации с местным населением (компьютеры и различные гаджеты) [Afghanistan 2014: 8—9], а также в переукладке грунтовых дорог [Afghanistan 2014: 14—15]. В Кундузе по просьбе администрации городов Каль-э-Заль и Актепа германские специалисты помогли очистить их территорию (в первую очередь, районы базаров) от отходов [Afghanistan 2014: 12—13]. Показательна отраслевая «узость» проектов и не очень активное участие Германии в восстановлении мелких и средних производств на территории Афганистана.

Основная критика в адрес ПВК ФРГ шла со стороны германских НПО [Попова, Трунов 2016: 127]. Гуманитарные организации выступали против распространения сферы деятельности сил МССБ к северу от Кабула (с 2003 г.), считая, что это весьма снижает эффективность содействия неправительственными организациями процессу постконфликтного восстановления Афганистана, ибо гражданские специалисты в таком случае могли с высокой долей вероятности восприниматься афганцами в качестве агентов иностранного влияния. Именно поэтому попытки захода военных в населенные пункты, где, частности, работала германская Организация по борьбе с голодом в мире (Deutsche Welthungerhilfe) вызы-

вали ее жесткую критику и даже привели к частичной приостановке работы. В противовес им официальный Берлин, в частности, министр обороны ФРГ П. Штрук (2002—2005), указывал на необходимость использования военнослужащих для поддержания мира как условия успешной работы афганской администрации и германских ПВК [Hett 2005: 18—19].

Напротив, афганские власти — как на местном, так и на государственном уровне — давали высокую положительную оценку ПВК, подчеркивая положительный эффект от комплексного использования в них возможностей гражданских и военных ведомств. Более того, правительство Х. Карзая неоднократно заявляло о заинтересованности в перенесении опыта германских ПВК на ПВК других стран — участниц МССБ и операции «Несокрушимая свобода» [Hett 2005: 18—19].

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПВК

Однако в деятельности германских провинциальных восстановительных команд существовал целый ряд проблем и «лакун», которые заметно снижали их эффективность.

Во-первых, военнослужащие ФРГ (равно как и из контингентов других стран в составе МССБ) не использовались для уничтожения маковых полей, урожай с которых шел на производство героина, а также для пресечения наркотрафика [Hochwart 2009: 35]. Де-юре это объяснялось отсутствием соответствующего мандата у МССБ, де-факто — стремлением избежать серьезных конфликтов с местным населением. Для него выращивание мака было значительно более прибыльным делом, чем выращивание сельскохозяйственных культур (даже при условии бесплатного предоставления семенного материала и саженцев), что во многом обнуляло усилия ФРГ в области модернизации аграрного сектора.

Во-вторых, руководство Германии стремилось избежать потерь в личном составе и технике, и поэтому уже в середине 2000-х гг., когда обстановка на севере Афганистана была достаточно спокойной, германские военнослужащие во многом лишь «демонстрировали флаг» [Hochwart 2009: 9], т.е. не проводили облав, проверок труднодоступных мест на предмет наличия там боевиков «Талибана», «Аль-Каиды» или их тайных складов. Восстановление сил «Талибана», которое вызвало проникновение его боевиков с 2007 г. на север, привело к первым боевым потерям бундесвера, что затрудняло для федерального правительства возможности по наращиванию масштабов использования военных инструментов в Афганистане, в первую очередь, в северных его провинциях [Noetzel... 2009: 83]. Вследствие этого, с одной стороны, военнослужащие бундесвера на практике часто избегали патрулирования труднодоступных мест, боясь наткнуться на группы боевиков и понести боевые потери, что неизбежно привело бы к ужесточению критики факта присутствия ФРГ в Афганистане как в Бундестаге, так и различными антивоенными общественными организациями. С другой стороны, снизилась скорость роста и «верхнего потолка» численности контингента бундесвера. Вопреки требованиям союзников по НАТО (в первую очередь, англо-саксонских стран — США, Великобритании, Канады) довести количество германских солдат

и офицеров в Афганистане до 6 тыс. и выше, к 2010 г. она составляла — 4,5 тыс., к 2012 г. — 5 тыс.³

В-третьих, имел место недостаток личного состава и техники бундесвера (с учетом и контингентов других стран-участниц МССБ в Кундузе и Бадахшане) для полноценного контроля над ситуацией на территории в 20 тыс. кв. км [Noetzel... 2009: 74].

В-четвертых, ПВК ФРГ чрезмерно фокусировались на взаимодействии с местными полевыми командирами [Новикова 2014: 53]. Активно используя доступные рычаги (в первую очередь, военные и экономические) для поддержки лояльных полевых командиров, на практике германская сторона не располагала возможностями для оказания влияния на оппозиционных представителей местных элит. Отсюда проистекала ситуация, когда «хвост виляет собакой» — на принятие конкретных решений руководством ПВК, в том числе, по распределению экономической помощи, заметное влияние оказывали полевые командиры. Они, в частности А.-Р. Дустум и М. Атта, не стремились к полной реальной интеграции своих формирований в состав регулярной афганской армии — тем более, что президент Х. Карзай (2004—2014) — этнический пуштун. Более того, в случае масштабного наступления талибов высока была вероятность того, что солдаты других частей, создаваемых в североафганских провинциях, со своим оружием и техникой влились бы в отряды А.-Р. Дустума и М. Атты.

Наконец, в-пятых, слабой стороной использования ПВК была неопределенность стратегических целей их применения и отсутствие заранее указанных сроков их деятельности. Безусловно, отчасти это объяснялось тем, что ПВК хронологически возникли первыми из числа подобных механизмов, создаваемых Западом для содействия нормализации обстановки на территории нестабильных государств. Причем если первые ПВК были созданы через 1,5—2 г. после начала деятельности стран Запада в Афганистане, то массовое распространение ПВК получили только в середине 2000-х гг., когда эйфория от ошеломляюще быстрой победы над талибами и «Аль-Каидой» уже прошла, а последние стали восстанавливать свои силы. До конца не ясен ответ на вопрос и о том, почему при формулировании задач перед развертываемыми ПВК не был учтен пусть и не всегда успешный, но весьма богатый опыт США по «замирению» населения в Южном Вьетнаме. Гражданскими специалистами США был разработан комплекс количественных измерений: доля очищенных от присутствия противника территорий, процент пригодных для постоянного использования транспортных коммуникаций, численность населения, живущего в безопасных районах [Дэвидсон 2002: 398] — конкретные показатели (%), анализ которых позволял с высокой долей объективности определить степень «замирения» той или иной провинции. Однако в случае с Афганистаном от использования данных методик отказались — в частности, вывод двух германских ПВК в октябре 2012 г. не сопровождался

---

³ Antrag der Bundesregierung. Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/4402, 13.01.2011. S. 1.

представлением общественности каких-либо статистических данных, которые могли бы дать объективную картину ситуации в провинциях Кундуз и Бадахшан. Почему Западом не был использован вьетнамский опыт? Во-первых, наименьшими бы подобные цифры были по объективным причинам в южных и восточных провинциях, где преимущественно действовали ПВК США и Великобритании. Во-вторых, на уровне НАТО не было создано постоянных структур, где бы происходило обобщение опыта деятельности ПВК, что, безусловно, снижало эффективность их применения.

***

Сделав основной выбор между «заточенными» на боевые операции силами, действовавшими в рамках операции «Несокрушимая свобода», и МССБ в пользу вторых, свой вклад в постконфликтное восстановление Афганистана ФРГ вносила преимущественно на территории его северных провинций. Активное использование военно-полицейских и экономических инструментов облегчало деятельность ПВК под руководством ФРГ в Кундузе и Бадахшане.

В рамках процесса постконфликтного восстановления при участии германских ПВК удалось воссоздать органы местного самоуправления и инструменты силового принуждения — армейские части (в первую очередь, 6-й армейский корпус вооруженных сил Афганистана) и полицейские кадры, улучшены условия жизни (особенно в вопросах развития транспортной инфраструктуры). С одной стороны, успехи ПВК под руководством ФРГ объяснялись отличной от англосаксонских держав дуалистической модели КРП, с другой — более благоприятной обстановкой в северной части Афганистана. Так, построенная на тех же принципах дуализма ПВК Италии (провинция Герат) оказалась несостоятельной именно из-за активного проникновения на ее территорию талибов [Petrik 2016: 167].

Однако ПВК ФРГ в Бадахшане и особенно Кундузе [Werner 2014] не удалось решить ключевых проблем:

— экономический уклад значительной части афганских крестьян, продолжавших выращивать мак для производства героина, не изменился;

— реальное верховенство представителей центральной власти в провинциях Бадахшан и Кундуз осталось ограниченным в противовес полевым командирам, чьи возможности и влияние еще более реально возросли в период деятельности ПВК;

— силам МССБ не удалось предотвратить проникновение боевиков, в том числе талибов, на север Афганистана.

Вместе с тем опыт использования ПВК в Афганистане дает Германии возможности по созданию более эффективных механизмов постконфликтного восстановления в других «нестабильных государствах». Это опыт может оказаться весьма востребованным в условиях повышения общего уровня конфликтности на международной арене, повышения внимания к вопросам обеспечения мира, безопасности и качества управления в повестке дня содействия международному развитию после 2030 г. и, наконец, принятия новой Белой книги в области безопасности ФРГ летом 2016 г. В документе подчеркивается важность для Германии

участия в постконфликтном восстановлении в рамках содействия возвращению «проблемных стран» в разряд стабильно развивающихся государств⁴, и есть все основания полагать, что эта задача останется в числе приоритетных для руководства ФРГ на длительную перспективу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алиева А.И. Афганская стратегия Турции: содействие безопасности и развитию // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2. С. 80—90.

Бартнев В.И. Связка «безопасность — развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к контекстуализации // Международные процессы. 2015. № 3. С. 78—97.

Бартнев В.И. «План Маршалла» для Афганистана: парадоксы реализации // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 7. С. 54—73.

Дэвидсон Ф.Б. Война во Вьетнаме. 1946—1975. М.: Эксмо, 2002.

Коргул В.Г. США в Афганистане: миссия невыполнима? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 106—134.

Михайлин К.Н. ФРГ и НАТО в Афганистане (2001—2008 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 101. С. 21—27.

Малышева Д.Б. Безопасное развитие Центральной Азии и афганский фактор // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 2. С. 105—125.

Новикова О.Н. «Жесткая» и «мягкая» сила Запада в современном Афганистане // Актуальные проблемы Европы. 2014. № 3. С. 38—58.

Попова О.П., Трунов Ф.О. Межведомственное взаимодействие в рамках оказания помощи «нестабильным государствам»: опыт ФРГ // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. № 1. С. 107—139.

Сушищев А.А. Малые войны США: политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000—2010-х годах. М.: Аспект Пресс, 2014.

Юдин Н.В. Связка «безопасность — развитие»: проблемы теоретического осмысления // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. № 1. С. 39—71.

Afghanistan — securing the future. Regional development funds support Afghanistan's reconstruction and stability. Berlin: GIZ. KfW, 2014.

Assistance for rebuilding the police force in Afghanistan. Berlin, Federal Ministry of Foreign Affairs, Federal Ministry of the Interior, 2005.

Von Bredow W. Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militär. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2015.

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin, Federal Ministry of Defense, 2009.

Five years of German PRTs in Afghanistan: an interim stocktaking from the angle of the German aid organisations. Berlin: VENRO (Association of German development NGOs), 2009.

Gall C. The Wrong enemy: America in Afghanistan, 2001—2014. USA: Kindle Edition, 2014.

Germany's support for police reform in Afghanistan. Berlin, Federal Foreign Office, Federal Ministry of the Interior, 2012.

---

⁴ Weißbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr (2016). Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 2016. S. 38—40.

Hett J. Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan. Das amerikanische, britische und deutsche Modell. Berlin, Zentrum für Internationale Friedenseinsätze, 2005.

Hochwart M.A. The provincial reconstruction teams in Afghanistan — a model for future nation-building operations. Kansas: United States Army Command and General Staff College Fort Leavenworth, School of Advanced Military Studies, 2009.

New Country strategy for Afghanistan. Berlin: BMZ, 2014.

Noetzel T. and Rid Th. Germany's Options in Afghanistan // *Survival*. 2009. № 51. P. 71—90.

Paul M. CIMIC in the ISAF Mission. Berlin: SWP, 2009.

Petrik J. Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan: Securitising Aid through Developmentalizing the Military // *The Securitization of Foreign Aid*. Ed. by Stephen Brown and Jörn Grävingholt. New York: Palgrave MacMillan, 2016. P. 163—187.

Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan (by Markus Gauster). Occasional Paper Series. 2008. № 16.

Werner L. The PRT Kunduz: An Unsuccessful Command Structure (2014). URL: <https://globalecco.org/the-prt-kunduz-an-unsuccessful-command-structure> (accessed 27.08.2016).

Дата поступления статьи: 19.09.2016

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-30066) в Центре проблем безопасности и развития факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Для цитирования: *Трунов Ф.О.* Всеобъемлющий подход к постконфликтному восстановлению: опыт ФРГ в Афганистане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 437—450.

A COMPREHENSIVE APPROACH TO POST-CONFLICT RECONSTRUCTION: GERMAN EXPERIENCE IN AFGHANISTAN

Ph.O. Trunov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

As a part of a larger research project on complex linkages between security and development implemented by the Center for Security and Development Studies at the Lomonosov Moscow State University, this paper examines the complex dilemmas of pursuing comprehensive approach to post-conflict reconstruction with an example of Federal Republic of Germany's experience with the Provincial Reconstruction Teams (PRTs) in Afghanistan after the terrorist attacks of 9/11. The first section depicts the background of deployment of the PRTs on Afghan territory. The second section compares the U.S., British and German models of PRTs and assesses the role of those teams as vehicles of close civil-military, interagency coordination. The third and the fourth sections identify respectively characteristic features of the German PRTs' activities in Kunduz and Badakhshan provinces and the main obstacles that hindered the achievement of key objectives. The conclusion contains a concise assessment of effectiveness and efficiency of PRTs as a mechanism of addressing complex challenges of post-conflict reconstruction and transition to peaceful development. It

also postulates that the PRT model, regardless of some objective difficulties faced by various German agencies, may be very relevant in the future in fulfilling a revised agenda of the German foreign and defense policies in the XXI century.

Key words: security, development, post-conflict reconstruction, comprehensive approach, German foreign policy, Afghanistan, provincial reconstruction teams, peacekeeping.

REFERENCES

Afghanistan — securing the future. Regional development funds support Afghanistan's reconstruction and stability. (2014). Berlin: GIZ, KfW.

Alieva, A.I. (2016). Afganskaya strategiya Turtsii: sodeistvie bezopasnosti i razvitiyu [Turkish strategy towards Afghanistan: to promote security and development]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2, pp. 80—90.

Assistance for rebuilding the police force in Afghanistan. (2005). Berlin, Federal Ministry of Foreign Affairs, Federal Ministry of the Interior.

Bartenev, V.I. (2015). Svjazka «bezopasnost' — razvitie» v sovremennyh zapadnyh issledovaniyah: ot dekonstrukcii k kontekstualizacii [“Security — Development Nexus” in western bibliography from deconstruction to contextualization]. *Mezhdunarodnye processy* [International processes], 3, pp. 78—97.

Bartenev, V.I. (2015). “Plan Marshalla” dlya Afganistana: paradoksy realizatsii [“Marshall Plan” for Afghanistan: Paradoxes of implementation]. *SshA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA and Canada: economics, politics and culture], 7, pp. 54—73.

Davidson, Ph.B. (2002). *Vojina vo V'jetname. 1946—1975* [The War in Vietnam. 1946—1975]. Moscow: Eksmo.

Five years of German PRTs in Afghanistan: an interim stocktaking from the angle of the German aid organisations. (2009). Berlin: VENRO (Association of German development NGOs).

Gall, C. (2014). *The Wrong enemy: America in Afghanistan, 2001—2014.* USA: Kindle Edition.

Germany's support for police reform in Afghanistan. (2012). Berlin, Federal Foreign Office, Federal Ministry of the Interior.

Hett, J. (2005). *Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan. Das amerikanische, britische und deutsche Modell.* Berlin: Zentrum für Internationale Friedenseinsätze.

Hochwart, M.A. (2009). *The provincial reconstruction teams in Afghanistan — a model for future nation-building operations.* Kansas: United States Army Command and General Staff College Fort Leavenworth, School of Advanced Military Studies.

Korgun, V.G. (2011). SShA v Afganistane: missiya nevyopolnima? [The United States in Afghanistan: Mission Impossible?] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 3, pp. 106—134.

Mikhailin, K.N. (2009). FRG i NATO v Afganistane (2001—2008 gg.) [Germany and NATO in Afghanistan]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena*, 101, pp. 21—27.

Malysheva, D.B. (2013). Bezopasnoe razvitie Tsentral'noi Azii i afganskii faktor [The secure development of Central Asia and the Afghan factor]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 2, pp. 105—125.

New Country strategy for Afghanistan. (2014). Berlin: BMZ.

Noetzel, T., Rid, Th. (2009). Germany's Options in Afghanistan. *Survival*, 51, pp. 71—90.

Novikova, O.N. (2014). “Zhestkaya” i «myagkaya» sila Zapada v sovremennom Afganistane [Western “hard power” and “soft power” in Afghanistan]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 3, pp. 38—58.

Paul, M. (2009). *CIMIC in the ISAF Mission.* Berlin: SWP.

Petrik, J. (2016). Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan: Securitising Aid through Developmentalizing the Military. *The Securitization of Foreign Aid.* Ed. by Stephen Brown and Jörn Grävingsholt. New York: Palgrave MacMillan, pp. 163—187.

Popova, O.P., Trunov, Ph.O. (2016). *Mezhvedomstvennoye vzaimodeystviye v ramkakh okazaniya pomoschi nestabilnim gosydarstvam: opit FRG [Interagency Cooperation in Providing Assistance to Fragile States: The Case of Germany]*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 1, pp. 107—139.

Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan (by Markus Gauster). (2008). Occasional Paper Series, 16.

Sushchentsov, A.A. (2014). *Malye voyny SShA: politicheskaya strategiya SShA v konfliktakh v Afganistane i Irake v 2000-2010-kh godakh [Small Wars of the United States: the US political strategy in the conflicts in Afghanistan and Iraq in 2000—2010-ies]*. Moscow: Aspekt Press.

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. (2009). Berlin, Federal Ministry of Defense.

Von Bredow, W. (2015). *Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militär*. Wiesbaden: Springer Fachmedien.

Werner, L. *The PRT Kunduz: An Unsuccessful Command Structure (2014)*. URL: <https://globalecco.org/the-prt-kunduz-an-unsuccessful-command-structure> (accessed 27.08.2016).

Yudin, N.V. (2016). Svyazka “bezopasnost' — razvitie”: problemy teoreticheskogo osmysleniya [Security–Development Nexus: Dilemmas of Conceptualization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 1, pp. 39—71.

Received: 19.09.2016

Acknowledgments: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project № 15-18-30066 in the Center for Security and Development Studies (CSDS) at the Faculty of world politics in the Lomonosov Moscow State University.

For citations: Trunov, Ph.O. (2016). A comprehensive approach to post-conflict reconstruction: German experience in Afghanistan. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16(3), pp. 437—450.

CONFLICTS IN AFRICA AND MAJOR POWERS: PROXY WARS, ZONE OF INFLUENCE, OR PROVOCATING INSTABILITY

J.R.D. Tafotie, S.O. Idahosa

RUDN University, Moscow, Russia

The article analyses the different nature of conflicts that have occurred in Africa since the end of Cold War. A special attention is given to the role of external factors in the process of conflict evolution and the escalation of violence on the African continent. In effect, this paper demonstrates through a critical examination of the meaning of proxy war as, zone of influence or provocation of instability as a strategy and an analysis of its employment by the United States and China, France etc. in Africa. The new potential confrontation between the United States and China as in Sudan, France in its former colonisation not only based on a clash of world views about the structure and nature of international relations and security but largely over the control of strategically vital energy resources based in Africa. The authors conclude that this ultimately creates permanent tensions or bitter conflicts between the actors and African populations as a factor that have negative impact on the peace and stability of continent.

According to the context of superpower conflict strategies, this paper critically examines, zone of influence, provoking of instability or proxy war as a viable national strategy of nuclear armed great powers in advancing and/or defending their global national interests in a bipolar/multipolar international system.

Key words: provocative instability, cold war, proxy war, zone of influence, conflicts, major powers, rebel groups, Africa, natural resources, China.

During the Cold War, war by proxy was a key strategy of indirect conflict between the United States and the Soviet Union. The purpose of these proxy wars was to either maintain or change the balance of power between the superpowers/great powers in conflict areas outside the central front in Europe. Within the condition of Mutual Assured Destruction (MAD), both the United States and the Soviet Union sought to avoid direct confrontation between their conventional military forces in regional conflicts out of fear that it would escalate to an all out nuclear war. In this condition, both powers engaged minor powers rather than each other directly. This entailed limited, indirect war via proxy forces to minimize the threat of direct confrontation between the superpowers for fear of escalation. Close to two decades after the fall of the Berlin Wall there has been very little discussion about proxy wars between major international powers that possess nuclear capabilities. The Soviet Union no longer exists and Russia is not the existential threat to the United States that the Soviet Union once was. The international focus has shifted towards Western state intervention in small local conflicts and away from Cold War strategies under the umbrella concept of Peace Support Operations. The United States and the Soviet Union used foreign governments and international organizations as proxies, such as during the United Nations operation in the Congo in 1960 and the Angolan Civil war in 1975, to influence and alter the outcome of a local conflict to suit its national interests and alter the regional balance of power.

Today, there is a new potential great power on the international arena, based on patterns of China's growing economy and military capabilities and China's regional and global strategic intentions that American and Chinese interests seems to clash in Africa generating conditions for the return of the strategy of war by proxy. Africa has become a main venue for United States — China strategic competition, as it was to some degree during the Cold War struggle between the United States and the Soviet Union.

Table 1

African exports to China 2012

Exporting countries	Value total export to China	Main products
South Africa	44,653,737	CNES (65%), iron (12%), Platinum (5%), coal (4%), diamonds (3%)
Angola	33,561,897	Crude oil (99%)
Congo	4,555,407	Crude oil (94%)
DRC	3,527,095	Copper (55%), crude oil (21%) and cobalt (21%)
Zambia	2,686,560	Copper (92%)
Sudan	2,053,732	Crude oil (97%)

Источник: [Lugt 2014]

From the table above we can see that, China has significantly altered the strategic context in Africa and Beijing's motives have become more transparent. China's growing industries and middle class demand new energy and raw material suppliers and Africa is also crucial to meeting these demands. Since China has become ever more intertwined in the global economy, China is acquiring vital interests in more and more regions around the globe. As vital interests increase China is attempting to shape the international order in a way favorable to its political interests even if they are counter to United States vital interests [Alden 2004: 9—10].

The United States' and China's involvement in Africa is resulting into a potential conflict. Direct conflict between the two major powers is highly unlikely however, mainly due to the advent of nuclear weapons and the economic and human cost of a direct war between two major nuclear powers. The danger of beginning a catastrophic major war between the United States and China will limit the two to local theatres. The strategy of war by proxy is been utilized to preserve the "peace" between the two powers directly [Bills 2010]. This has now become a viable national strategy of nuclear armed great powers in advancing and/or defending their global national interests in a bipolar/multipolar international system. Violence was and still present itself in most countries in Africa, example in Central African Republic, Ivory Coast, Nigeria, Eritrea, Libya, Mali, Democratic Republic of Congo, Somalia, Rwanda, Burundi, Sudan. This main trend of chaotization of Africa present itself in form of proxy war, provoking instability or zone of influence¹. Which is however viewed as the second scramble of the continent's natural and mineral resources².

¹ Mark O.Y., 2011. Bipolarity, Proxy wars, and the Rise of China, Strategic Studies Quarterly. URL: <http://www.au.af.mil/au/ssq/2011/winter/yeisley.pdf> (accessed: 30.08.2016).

² Okpe E., 2014. World Great Power as Facilitator of Conflicts in Africa. Modern Ghana. URL: <https://www.modernghana.com/news/584703/world-great-power-as-facilitator-of-conflicts-in-africa.html> (accessed: 30.08.2016).

PROXY WAR IN POST BIPOLAR PERIOD IN AFRICA AND FOR IT'S NATURAL RESOURCES: SUDAN AS A CASE STUDY

Proxy wars are relatively low risk to the superpower compared to direct intervention or traditional war. With direct intervention there are risks of defeat, loss of resources, ostracism from the international community and resistance from one's own citizens, at least in democratic states [Loveman 2002: 46]. Given the structural impediments to direct conflict, this is another factor that has made proxy wars a prevalent strategy in the nuclear age. Failure in the strategy of proxy war is relatively inconsequential as compared to failure in direct intervention [Loveman 2002: 46]. This method helps the superpower advance its interests in foreign territory while keeping aloof from the warfare allowing it to better cope with any international consequences of its involvement. The Soviet Union and the United States suffered from direct involvement in Afghanistan and Vietnam respectively during the Cold War and both found their international prestige considerably tarnished.

The supply of arms and military relations with a foreign government or insurgent group with the intent of influencing the affairs of a foreign conflict is one of the factors that facilitate indirect conflict via proxy between superpowers. The supply of arms does not automatically lead to direct involvement by a superpower in a conflict as was thought prior to WWII. On the contrary, it is usually a substitute for direct involvement because it allows a superpower to back one side in a conflict to fulfill national interests without becoming embroiled itself [Loveman 2002: 21]. By keeping the proxy sufficiently well armed and trained, the superpower can avoid committing its own military forces.

The most discernible difference between proxy wars and other forms of external power intervention [Nye 1990: 177—178] is that there is no direct armed military intervention by the superpower. proxy absorbs the majority of risk by engaging in the conflict directly. Another component of proxy wars is the provision of military aid, training, and/or advisors by the superpower to the proxy resulting in some level of conflict escalation. The supply of material aid, such as weapons or other military equipment and logistical support, is the most significant support the superpower can offer, short of covertly dispatching its own troops. The transfer of military equipment aims to elevate the proxy's military capabilities with the hopes of influencing the outcome of the conflict itself. This is considered the most accepted and recognized aspect of proxy war [Loveman 2002: 31].

This is the crystal case in Sudan involving the United States and China.

SUDAN AS A CASE STUDY

For record purpose it is important to note that, oil in Sudan had been discovered by the United States company "Chevron" but because of the insecurity in the country due to the beginning of war in 1983, Chevron gave up to the oil exploitation project in Sudan in 1984. After the abandonment of oil exploration project by the United States Company Chevron, the Sudanese government contacted the Chinese company (China

National Petroleum Company) in order to continue the project of oil exploitation, and finally in 1999 the oil exploitation was completed.

China National Petroleum Company (CNPC) was Sudan's largest foreign investor, with some \$5 bln in oil field development. Since 1999 China has invested at least \$15 bln in Sudan. Similarly, China National Petroleum Company (CNPC) built an oil pipeline from its concession blocs 1, 2 and 4 in southern Sudan, to a new terminal at Port Sudan on the Red Sea where oil is loaded on tankers for China. China takes up to 65 % to 80 % of Sudan's 500,000 barrels / day of oil production³. Unfortunately, this perfect cooperation between China and the government of Khartoum was not profitable for United States of America, as this cooperation it was not possible for US to control the big oil potential of Sudan. However, to weaken the power of Khartoum' regime, United States decided to finance and support firstly the rebel groups of South Sudan during the second Sudanese civil war, by training and arming the Sudan Peoples' Liberation Army headed by John Garang until his death in 2005⁴. In the process of realization of this strategy of destabilization of Sudan, Chad had played an important role. The Chadian territory was used for the training of Sudanese rebel groups. In April 2005 Sudan's government announced that it had found oil in South Darfur which is estimated to be able when developed to pump 500,000 barrels / day⁵.

The announcement of oil discovery in Darfur by the Sudan's government, explains the renewed agitation of United States government. If the oil of Darfur was controlled by the regime of Khartoum only, China would be the privileged partner of oil exploitation in this region, and this situation will affect considerably United States interests in Sudan. The region of southern Sudan from the Upper Nile to the borders of Chad is very rich in oil⁶.

This, therefore explain Washington's different strategies — diplomatic, political, military. According to this geopolitical reality, China has always supported the power in Khartoum, in order to protect its oil interest in Sudan. Arguably the struggle for natural resources of Sudan is the real cause of indirect confrontation between Beijing and Washington. However, it's based on these realities, it can be possible to assert with some assumptions that the conflict in Darfur it is some kind of proxy war between China and United States.

SUPER POWER PROVOCATING INSTABILITY: LIBYA AS A CASE STUDY

The role of the international community in African crisis has been of a mixed debate. Major powers have engaged with military forces and economic resources in African armed conflicts in the twenty-first century. The non-African actors have intervened in

---

³ F William Engdahl China and USA in New Cold War over Africa's oil riches. Global research. May 20, 2007. URL: <http://www.globalresearch.ca/china-and-usa-in-new-cold-war-over-africa-s-oil-riches/5714> (accessed: 03.10.2016).

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

violent conflicts on the continent, inadvertently provoking an already intense conflict to achieve their aims.

During NATO's war in Libya (2011), France and Qatar under the UN's watch delivered weapons in large quantities to the rebels which the Western press often referred to as 'activists' and 'revolutionaries'⁷. In addition to the weapons, the rebels also received communication equipment which facilitated and coordinated their movements.

But the fact remains that the British, US, France governments (with the abstainace of Russia and China) has been one of the main destabilizers of Libya, as well as other African countries. In Libya, Britain, US as well as its NATO allies were the main factor that created the anarchy which still remains, with two rival governments, as well as other warring militias, and the ever-expanding presence of the sinister Daesh / ISIL (prohibited in Russia), which is now reported to be a significant presence in Libya, there is not even one nationally recognized currency in the country, with rival banknotes being printed. Britain's 'Special Forces' it said to have also been operating secretly without the knowledge or sanction of parliament. The military intervention of the British, U.S and French government has created this dire situation in what was once the most developed African country. It has facilitated the refugee crisis, which also included thousands of Libyans⁸. It is significant that Nigeria, Africa's largest economy, is also one of the largest producers of refugees, not least because of the activities of Boko Haram, which have also been facilitated by military intervention in Libya. Nate Madden tagged it "How Hillary's and Obama's recklessness led to Jihadist chaos in Africa"⁹.

Halting the global crisis will not be possible or successful which is a consequence of worldwide instability and poverty caused by the intervention of Britain, US, France and NATO and the other big powers in Libya. Adding to this explosive mix is the rise of and the increase in (cross-border) criminal activity, including human trafficking. Recently the UN Special Representative to Libya described the situation as 'festering' and the momentum for peace talks as 'rapidly diminishing'. IS hit in Libya twice in an unprecedented way, first with the execution of 21 Egyptian Copts and later with the bombings in Al-Qubba killing over 40 people¹⁰.

Years before the ousting of Muammar Gaddafi he dealt with Western powers, he decided to change the orientation of Libyan foreign policy, by which he signed several

---

⁷ Ghanaian chronicle. Rebel groups in Africa: how are they funded? 15 January 2013. URL: <https://www.modernghana.com/news/439652/rebel-groups-in-africa-how-are-they-funded.html> (accessed: 03.10.2016).

⁸ Stop Foreign Intervention in Africa: The Major Powers Responsible for Global Crisis. News Agency. June 28, 2016. URL: <https://libya360.wordpress.com/2016/06/28/stop-foreign-intervention-in-africa-the-major-powers-responsible-for-global-crisis/> (accessed: 11.10.2016).

⁹ Madden N. How Hillary's recklessness led to Jihadist chaos in Africa: PART 1. Conservative Review. August 10, 2016. URL: <https://www.conservativereview.com/commentary/2016/08/how-hillarys-recklessness-led-to-jihadist-chaos-in-africa-part-1#sthash.Jpkw7ux4.dpuf> (accessed: 10.10.2016).

¹⁰ Clingendael. Understanding instability in Libya: will peace talks end the chaos? // Netherland Institute of International Relations. 17 March, 2015. URL: <https://www.clingendael.nl/publication/understanding-instability-libya-will-peace-talks-end-chaos> (accessed: 08.10. 2016).

arms contracts with Russia¹¹. This shift by Gaddafi was not acceptable by western powers. The western powers never wanted a cooperation between Gaddafi and Russia, with the possibility of China with his tie with Russia could gain a considerable influence in the Northern part of Africa. Tragically the western campaign against Muammar Gaddafi was launched, and the result is drastic and ultimately instability is concrete fact in the region of Northern Africa. The Libyan rebel group known as National Transitional Council (NTC) was supported funded and recognized by western powers and United Nations¹². Since the death and ousting of Gaddafi, and the regime change in Libya, the instability in Libya and ultimately in Africa through Sahel region to Lake Chad Basin and West Africa has become worst, which inadvertently leading to Europe and the number of terrorist attacks, death and destruction has as a result increased, and security and stability of the region and the world is been threatened.

According to former French President Charles De Gaulle that, “in international affairs, there is no friend only interest”. This statement seems true and very justified in the major powers readiness to destabilize regimes where their vital interests seems threatened.

MAJOR POWERS ZONE OF INFLUENCE: FRANCE AS A CASE STUDY

The 21st Century chaotization of the Africa continent birthed the abstract strategy of conflictology in the region. The zone of influence of major powers in the continent and the subsequent fight for influence has either led to an intervention of a major power in a country that is within her influence. Through political, security, economic and cultural connections, France has attempted to maintain a hegemonic foothold in Francophone Africa, both to serve its interests and maintain a last bastion of prestige associated with a legacy of past mastery. Through a bilateral defense and military cooperation treaties to maintain a permanent military presence on the continent with it's former colonies (see reference and details below).

Presenting itself as the benevolent patron, an altruistic power that simply wants to help Africa get back on her feet. However, it becomes clearer that the powers and spirit that colonized Africa is very much alive and well. The Lake Chad Basin has an estimated volume of 2.32 bln barrels of oil, 14.65 trillion cubic feet of natural gas, and 391 mln barrels of natural gas liquids¹³. In total these are worth billions of dollars. The port of Le Havre is the final destination for the unrefined oil and it belongs to France. France stake in Niger's Uranium extraction, its dependent on 75 % sources of energy “nuc-

---

¹¹ Russie-Libye: cinq contrats de livraisons d'armes. Sputnik. 2009. URL: <https://fr.sputniknews.com/defense/20091007123394422/> (accessed: 03.10.2016).

¹² Nations Unies, L'Assemblée générale permet au Conseil national de transition (CNT) libyen d'occuper le siège de la Libye. 16 Septembre 2011. URL: <http://www.un.org/press/fr/2011/AG11137.doc.htm> (accessed: 03.10.2016).

¹³ Assessment of Undiscovered Oil and Gas Resources of the Chad Basin Province, North-Central Africa // U.S. Geological Survey's (USGS) World Oil and Gas Assessment. 2010. URL: <http://pubs.usgs.gov/fs/2010/3096> (accessed: 07.10.2016).

lear” brings an understanding of her great dependency on Niger for uranium. France ownership of 87 % of Areva and owned majority of the shares of three out of four uranium mining companies in Niger. With Niger’s recent produce of 5,000 tonnes of uranium per year will help make Niger the second largest uranium producer in the world [Sam Piranty 2014].

In a research paper written by Melly and Vincent Darracq in 2013 asserted that, “France wields a level of influence in sub-Saharan Africa that it cannot command anywhere else in the world. In crisis situations, it is still seen as a key source of diplomatic, military or even financial pressure on or support for the countries in the region”. France two foreign and interior ministers, Jean-Marc Ayrault and Bernard Cazeneuve to the West African country less than 48 hours after the attack in Ivory Coast on 13 of March 2016. The French forces in Burkina Faso. Together with Ivory Coast, Chad, Mali, Mauritania and Niger, Burkina Faso hosts 3,500 French troops who are part of Operation Barkhane — France's counter-terrorism operation¹⁴.

RWANDA A CASE STUDY OF ZONE OF INFLUENCE

For decades France viewed post-colonial Africa as an exclusive sphere of influence, or *précarré* [France White Paper 2008]. France still maintains military influence and stations thousands of its troops [Griffin 2015] across the continent, from western Senegal to the Horn of Africa. And still maintains its cooperation with the former colonies, eg. Chad, Niger, Mali, Cameroon¹⁵, Central Africa Republic etc. with the bid of retaining its influence. But changes in its strategic priorities have this posture since its unhappy experience in Rwanda in 1994, which demonstrated an attempt of France to maintain it’s influence, but ultimately lost it’s control. According to “The Guardian (2007)” English is flourishing in Rwanda and France is widely talked of as the enemy. In some quarters, French is thought of as the language of death; of those who killed and those who stayed to be murdered in the genocide of 1994¹⁶.

According to Al Mckay, the Rwanda genocide’s unfolding was watched by the world (major powers) and yet little was done by leaders to alleviate the suffering. It is this aspect of the genocide that Daniela Krosiak (2007) contests that France was not only involved in events through passivity, but actually enabled the genocide through its support for the Hutu regime before, during and after the killing¹⁷.

In an analysis of a British journalist Linda Melvern, documents recently released from the Paris archive of former president François Mitterrand reveals when and how

---

¹⁴ What is France's role in West Africa? URL: <http://www.dw.com/en/what-is-frances-role-in-west-africa/a-19121271> (accessed: 10.10. 2016).

¹⁵ For many years the treaties were secret, especially regarding clauses for intervention in internal crises until the Sarkozy government decided to publish them openly after 2008.

¹⁶ McGreal Ch. France's shame? The Guardian. 11 January 2007. URL: <https://www.theguardian.com/world/2007/jan/11/rwanda.insideafrica> (accessed: 07.10. 2016).

¹⁷ Al Mckay. The Role of France in the Rwandan Genocide. Sep 28, 2010. URL: <http://www.e-ir.info/2010/09/28/review-the-role-of-france-in-the-rwandan-genocide> (accessed: 05.10.2016).

the RPF invasion in October 1990¹⁸ was conducted. In the same analysis Melvern further stated that most of Rwanda's arms deals were negotiated through the Rwandan embassy in Paris. After the genocide was over, extensive records were found in the embassy, the documents had been said to have been systematically destroyed by Colonel Sebastien Ntahobari, Rwanda's military attaché in France [Melvern 2004].

According to Gerard Prunier, the operation Amaryllis launched by France, assisted by the Belgian army and UNAMIR at the beginning of the genocide, the military operation which involved 190 paratroopers to evacuate expatriates from Rwanda, was a “disgrace”, this is because those who boarded the evacuation trucks were separated (Tutsi spouses, their children, expatriates and foreigners) and Rwandans were forced off the truck and killed at a Rwandan government checkpoints [Prunier 1999].

As was pointed out by Kinzer, Stephen (2008), the French military presence effectively helped the perpetrators [Kinzer 2008]. In July 2008, Kagame threat to indict French nationals over the genocide if European courts did not withdraw arrest warrants issued against Rwandan officials by Spanish judge Fernando Andreu¹⁹.

However, Paris has repeatedly denied the accusations and insists that French forces had worked to protect civilians. Although relations between both countries were completely frozen from 2006 to 2009. A French parliamentary enquiry set up to try to establish the truth about the French role declared that “France was in no way implicated in the genocide against the Tutsis”. But the two rapporteurs, one of whom was Bernard Cazeneuve who is currently France's interior minister, however admitted that the French authorities made “serious errors of judgment”. The announcement of the declassification of the Rwanda papers came on the 21st anniversary of the outbreak of the genocide on April 7, 1994. The procedure of releasing the documents is separate from some 20 ongoing judicial cases over “crimes against humanity” which have been launched in Paris²⁰. According to a BBC report, the French Foreign Minister, Bernard Kouchner, denied French responsibility in connection with the genocide but said that political errors had been made²¹.

This ambition and power tussle of major powers is crystal clear in the battle of France for influence and control of strategic minerals and markets in its zone of influence. As evidence in French government policy paper entitled A partnership for the future: 15 proposals for a new economic dynamic between Africa and France, which evidently portray France ambition in the region.

---

¹⁸ Nicolas Sarkozy admits Rwanda genocide mistakes. BBC NEWS, 25 February 2010. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/8535803.stm> (accessed: 30.09.2016).

¹⁹ Wilkinson T. Spain indicts 40 Rwandan officers. Los Angeles Times. February 07, 2008. URL: <http://articles.latimes.com/2008/feb/07/world/fg-rwanda7> (accessed: 08.10.2016).

²⁰ France declassifies Rwanda genocide documents. The Telegraph. 07 Apr 2015. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/rwanda/11521100/France-declassifies-Rwanda-genocide-documents.html> (accessed: 10.10.2016).

²¹ Report to the Minister for the economy and finance. A partnership for the future: 15 proposals for building a new economic relationship between Africa and France. URL: <http://www.tresor.economie.gouv.fr/File/399236> (accessed: 10.10.2016).

***

In conclusion, from the aforesaid it is vivid that most of the violence exacerbation in Africa is been birthed out of provoking instability, zone of influence or a kind of proxy war major powers, which may not really be a proxy war as during cold war period. It's a new type of proxy wars in the post bipolar period when there is no ideological struggle. In other word, the quest for oil interests, other natural resources and maintaining zones of influence are the roots causes of conflict in Africa. The civilian populations on the continent are the victims, including the rebel groups. To put an end of the conflicts in Africa, the only solution is the sincere cooperation between the super powers. It is true that there are no friends in international relations, but the respect for human life must motivate any action in human relations.

Finally, the state of Africa today, has made the continent to be synonymous with conflicts. Until the world great powers are willing to serve the interests of long-term peace and stability, rather than short-term profit and politics, insecurity as is witnessed in Nigeria, in Mali, Central African Republic, DRC, Eritrea and Ethiopia and other parts of Africa will continue unabated²².

REFERENCES

- Adekunle Amuwo. (2009). Capitalist Globalisation and the Role of the International Community in Resource Conflicts in Africa. *Africa Development*, XXXIV (3—4), pp. 227—266.
- Alden, Ch. (2007). *China in Africa*. New York: Zed Books.
- Bill, L., Scott, L. (1986). *The world deployed : US and Soviet military intervention and proxy wars in the Third World since 1945*. From: Robert W. Clawson (Ed.): *East West rivalry in the Third World*. Wilmington, pp. 77—101.
- Dallaire, R. (2005). *Shake Hands with the Devil: The Failure of Humanity in Rwanda*. London: Arrow Books.
- Griffin, Ch. (2015). Operation Barkhane and Boko Haram: French counterterrorism and military cooperation in the Sahel. *Trends Research and Adversary*. Université de Savoie.
- Kinzer, St. (2008). *A Thousand Hills: Rwanda's Rebirth and the Man Who Dreamed It*. London: Wiley Books.
- Loveman, Ch. (2002). Assessing the Phenomenon of Proxy Intervention. *Conflict, Security, and Development*, 2(3).
- Lugt, S. van der. (2014). China-Africa: An evolving relationship but invariable principles. *GREAT Insights*, 3(4).
- Lyman, P., Morrison, J.S. (2006). *More Than Humanitarianism: A Strategic US Approach Towards Africa*. Council on Foreign Relations.
- Melvorn, L. (2004). *Conspiracy to Murder: The Rwandan Genocide*. London and New York.
- Nye, J. (1990). The Changing Nature of World Power. *Political Science Quarterly*, 105(2), pp. 177—192.
- Richard, J. (2003). Africa: States in Crisis. *Journal of Democracy*, 14(3), pp. 159—70.
- Prunier, G. (1999). *The Rwanda Crisis: History of a Genocide*. 2nd ed. Kampala: Fountain Publishers Limited.

---

²² Okpe E., 2014. World Great Power as Facilitator of Conflicts in Africa. Modern Ghana. URL: <https://www.modernghana.com/news/584703/world-great-power-as-facilitator-of-conflicts-in-africa.html> (accessed: 03.10.2016).

Shambough, D. (2000). Sino-American Strategic Relations: From Partners to Competitors. *Survivor*, 42(1), pp. 97—115.

Stone, G.D. (2010). *In Proxy War: A Critical Examination of Superpower Indirect Conflict in Africa*. A Thesis Submitted to the Faculty of Graduate Studies In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts Department of Political Studies, Faculty of Arts University of Manitoba.

Received: 30.08.2016

For citations: Tafotie, D.J.R., Idahosa, S.O. (2016). Conflicts in Africa and Major Powers: Proxy Wars, Zones of Influence or Provocating Instability. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (3), pp. 451—460.

КОНФЛИКТЫ В АФРИКЕ И ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ: ОПОСРЕДОВАННЫЕ ВОЙНЫ, ЗОНЫ ВЛИЯНИЯ ИЛИ ПРОВОЦИРОВАНИЕ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Д.Д.Р. Тафотье, С.О. Идахоса

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В статье анализируются конфликты, вспыхнувшие в Африке после окончания холодной войны. Особое внимание уделяется роли внешних факторов в процессе эволюции конфликтов и эскалации насилия на африканском континенте. Рассматриваются стратегии великих держав, используемые ими для продвижения своих интересов в Африке. Анализируются соперничество между США и Китаем в Судане, а также влияние Франции на бывшие колонии в сфере установления контроля над стратегически важными энергетическими ресурсами.

Авторы приходят к выводу, что влияние ядерных держав в конечном итоге создает постоянную напряженность, вызывает острые конфликты, оказывает негативное влияние на мир и стабильность континента. Установлено, что конфликты в Африке, как внутригосударственного, так и межгосударственного характера негативно воздействуют на положение африканских стран на международной арене.

Ключевые слова: провокация нестабильности, холодная война, прокси война, зона влияния, конфликты, великие державы, повстанческие группировки, природные ресурсы, Китай.

Дата поступления статьи: 30.08.2016

Для цитирования: Тафотье Д.Д.Р., Идахоса С.О. Конфликты в Африке и великие державы: опосредованные войны, зоны влияния или провоцирование нестабильности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 451—460.

©Tafotie D., Idahosa S., 2016

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

Дж. Вахим

Бейрутский арабский университет, Бейрут, Ливан

А.А. Кузнецов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

В статье содержатся подробное исследование и анализ геополитической составляющей сирийского конфликта. Подробно рассматриваются региональное деление Сирии, особенности регионов этой страны и их тяготение к сопредельным государствам. Вскрывается природа Сирии как объекта, а не субъекта мировой политики в 1946—1970 гг. Показаны основные риски внедрения в Сирии идеологии арабского национализма и позиционирования Дамаска в качестве полюса арабского единства в условиях поликонфессиональной природы сирийского общества. Представлен геополитический курс президента Хафеза Асада (1970—2000 гг.), выявляются причины стратегического альянса Сирии в конце XX в. с Советским Союзом и Ираном, а также цели режима Х. Асада во внешнеполитическом плане (возвращение Голанских высот и создание Великой Сирии). Выявляются причины, приведшие к кризису 2011 г., причины изоляции Сирии и враждебности по отношению к ней таких акторов как США, Саудовская Аравия, Турция. Рассматривается роль Сирии в рамках ирано-саудовского регионального соперничества. Делаются выводы о геостратегических целях Саудовской Аравии, Ирана, Турции в сирийском конфликте, а также прогноз развития этого военно-политического кризиса.

Ключевые слова: геополитика, арабский национализм, Сирия, Турция, Саудовская Аравия, США, Иран, ирано-саудовское соперничество, курдский фактор.

В течение последних пяти лет в Сирии разворачивается военно-политический конфликт, ставший наиболее кровопролитной гражданской войной на Ближнем Востоке за весь период новейшей истории. Война в Сирии привела к гибели значительного количества мирных граждан, перемещениям миллионов людей, полному разрушению экономики и инфраструктуры этой ближневосточной страны. Значительным негативным результатом сирийского кризиса является усиление джихадистских и экстремистских группировок, наиболее крупной из которых является террористическая организация «Исламское государство». Разумеется, вызреванию сирийского конфликта во многом способствовали внутренние фак-

торы. К ним относятся неолиберальные реформы в экономике Башара Асада в начале 2000-х гг. и связанная с ними пауперизация значительных масс населения, производ спецслужб, их вмешательство в экономику и деятельность хозяйствующих субъектов, межконфессиональные противоречия. Однако, по нашему убеждению, сирийский конфликт не принял бы настоящих масштабных и насильственных форм без вмешательства международных акторов. Политическая борьба различных региональных и внерегиональных держав подпитывает гражданскую войну в стране и существенно затрудняет урегулирование сирийского конфликта. Без выяснения геополитических факторов чрезвычайно сложно понять его причины и выработать схему его всеобъемлющего урегулирования.

Сирия традиционно занимает чрезвычайно важное геополитическое положение на Ближнем Востоке. Большая Сирия (Билад аш-Шам), включающая в себя территорию САР, Ливана, Палестины и Иордании, играет центральную роль в ближневосточном регионе, являясь буферной зоной между Египтом, Анатолией и Месопотамией (Ираком). В период Османской империи (XVI — начало XX вв.) и французского мандата (1920—1946 гг.) территория нынешней Сирии представляла собой конгломерат геоэкономических регионов со слабой привязкой к единому центру — Дамаску. Северо-восточная часть Сирии, включающая в себя регионы аль-Хасеке, аль-Камишлы, Ракки и продолжающаяся до Евфрата, имела сильные связи с Ираком. В настоящее время эта территория является ареной боевых действий между ИГ и курдскими вооруженными формированиями. Северная экономическая столица Сирии Алеппо была тесно связана в торговом отношении с Анатолией. Переход Сирии под французский контроль нарушил эти связи, но режим Кемаля Ататюрка, сосредоточенный на модернизации страны и образовании национального государства, не уделял в то время большого внимания Ближнему Востоку. Согласно мандату, французами было создано в Сирии четыре автономных образования: алавитское в прибрежной зоне, друзское в Джебель-Друз и два суннитских с центрами в Дамаске и Алеппо. Друзы Сирии больше тяготели к своим единоверцам в Ливане и Иордании. В то же время суннитское население южной Сирии (регион Хауран) начало укреплять связи с родственными арабскими племенами на Аравийском полуострове [Hourani 1991: 314—315]. Таким образом, создание подмандатной Сирии иллюстрирует правоту Карла Каутского, отметившего, что «границы, намеченные колониализмом, создали национальные государства в юридическом смысле, но не смогли создать нации» [Tibi 1981: 19].

В то же время в колониальной французской системе сохранялась осевая роль Дамаска, сумевшего монополизировать функции судебного, управленческого и отчасти экономического центра. Нет ничего удивительного в том, что именно среди буржуазии и городских нобилей Дамаска зародилась и расцвела на рубеже XIX—XX вв. идеология арабского национализма. В условиях существенных различий между регионами Сирии именно она была способна объединить страну и дать ей направление развития. Как отмечал Филипп Хури, «Дамаск сконцентрировал непропорционально большое количество светлых умов, среди которых зародился в конце XIX в. арабский национализм. Почти все они

принадлежали к одному классу — были выходцами из семей бюрократов-землеладельцев» [Zeine 1960]. Политическим движением, наиболее последовательно выражавшим идеи светского арабского национализма, стала Партия арабского возрождения (Баас), созданная 4 апреля 1947 г. сирийскими интеллектуалами: православным христианином Мишелем Афляком и суннитом Салахеддином Битаром. После слияния с группой левых социалистов Акрама Хаурани в 1951 г. она получила название «Партии арабского социалистического возрождения».

В 1946—1970 гг. Сирия была слабым государственным образованием, подверженным внутренней нестабильности и постоянным государственным переворотам. В политической элите страны конкурировали группировки, отстаивающие политические альянсы или даже создание единого государства с одной стороны с Ираком, с другой — с Египтом. При этом в 1940—1950-е гг. за спиной проиракских групп стояла Великобритания, за спиной проегипетских — США. 30 марта 1949 г. в результате военного переворота к власти в Дамаске пришло правительство полковника Хусни Заима, ориентировавшееся на союз с Египтом и Саудовской Аравией и поддержанное Вашингтоном. Однако уже 14 августа того же года оно было свергнуто полковником Сами Хенауи, являвшимся британским агентом [Seale 1987: 106]. 19 декабря 1949 г. очередное правительство было свергнуто генералом Адибом Шишакли, опиравшимся на помощь США. В 1954 г. непопулярное правительство Шишакли пало в результате народного восстания. Гражданское правительство Сирии во главе с Шукри Куатли взяло курс на тесный союз с Египтом, лидером которого был в то время Гамаль Абдель Насер, антиимпериалистически настроенный политик и союзник СССР [Seale 1987: 184]. В 1958 г. после проведенного референдума было принято решение об объединении Египта и Сирии в единое государство — Объединенную Арабскую Республику. Однако национализация экономики, проводившаяся в Сирии насеристами, вызвала недовольство со стороны буржуазии Дамаска и Алеппо. В 1961 г. в результате очередного переворота власть в Дамаске захватили сторонники отделения от Египта [Seale 1987: 326]. В 1963 г. к власти в стране приходит группа военных во главе с генералом Амином аль-Хафизом, тесно связанных с партией Баас. Баасисты получают ключевые посты в новом сирийском правительстве. В 1966 г. раскол между правыми и левыми баасистами приводит к очередной смене власти. Основатели партии М. Афляк и С. Битар вынуждены были эмигрировать, а первые позиции в государстве заняли представители «военного крыла» Баас, настаивавшие на введении в Сирии однопартийной системы и строительстве социалистической экономики. Частая смена власти и хроническая нестабильность привели к тому, что Сирия в этот период являлась не субъектом, а объектом международной политики. Армия была успешна только как инструмент государственных переворотов и оказалась совершенно неэффективна в войнах с Израилем. В октябре 1970 г. министр обороны САР Хафез Асад предпринимает «исправительный» переворот, отстраняя от власти своих бывших соратников — генералов Салаха Джадида и Абдель Карима аль-Джунди. Обращает на себя внимание, что все трое принадлежали не к мажоритарной в Сирии суннитской конфессии,

а являлись представителями религиозных меньшинств (С. Джадид и Х. Асад были алавитами, а А.К. аль-Джунди — исмаилитом) [Seale 1997: 104—117].

Концентрация власти в руках Хафеза Асада способствовала усилению сирийского государства и армии. После кэмп-дэвидского предательства Египта в 1979 г. Сирия становится полюсом арабского национализма. Долгосрочной стратегией сирийской баасистской элиты в тот период являлось создание Великой Сирии (Билад аш-Шам) в составе САР, Ливана, Иордании и Палестины под эгидой Дамаска. Следуя данной логике, в 1976 г. в Ливан были введены сирийские войска, сыгравшие важную роль в ходе гражданской войны, длившейся в этой стране до 1990 г. Одновременно Дамаск пытался получить контроль над палестинским движением сопротивления, то усиливая, то ослабляя позиции его лидера Ясира Арафата. В осуществлении своих планов Х. Асад опирался на поддержку Советского Союза, с которым он заключил долговременный стратегический альянс после арабо-израильского конфликта 1973 г. [Seale 1997: 250—367] При этом новым руководством Сирии преследовались три цели: восстановление политической субъектности страны, восстановление территориальной целостности (возвращение оккупированных Израилем в 1967 г. Голанских высот) и создание Великой Сирии.

Одновременно с сирийско-советским альянсом в геополитических интересах Дамаска складывался и сирийско-иранский. Стратегическое партнерство между ИРИ и САР началось сразу же после победы исламской революции в Иране. Альянс Дамаска и Тегерана, несмотря на близость алавитского вероучения к шиизму, был продиктован не религиозной солидарностью, а требованиями геополитической целесообразности. Для Тегерана он был залогом распространения иранского влияния в арабском мире и возможностью создания тылового плацдарма для проиранского движения «Хизбалла» в Ливане. Желание Дамаска установить союзные отношения с Ираном были продиктованы тремя факторами. Во-первых, в условиях жесткого противостояния режима Асада суннитским исламским фундаменталистам внутри страны для баасистов было необходимо заручиться поддержкой шиитского фундаменталистского режима в Тегеране, чтобы избежать обвинения в *куфре* и отступничестве. Во-вторых, шиитское движение «Хизбалла» стало главным союзником Дамаска в деле приобретения господства над Ливаном. В-третьих, оба государства сближали враждебные отношения с саддамовским Ираком. Иран с сентября 1980 г. находился с Ираком в условиях открытой, ожесточенной войны. Дамаск и Багдад, несмотря на нахождение у власти региональных отделений партии Баас, находились, начиная с 1979 г. в состоянии непримиримой конфронтации. Таким образом, сирийско-иранский союз с 1980 г. охватывал враждебный Ирак с двух флангов [Seale 1997: 351—356].

В то же время Хафез Асад, принадлежавший к алавитской конфессии, старался поддерживать в стране межрелигиозный и межэтнический баланс. Он значительно увеличил количество алавитов в сирийских силовых структурах, но вместе с тем двумя ближайшими соратниками президента были сунниты: министр обороны Мустафа Тласс и министр иностранных дел Абдель Халим Хаддам. Кроме того, наряду с алавитскими силовиками Асад опирался на суннитскую буржуазию Дамаска. Во время конфронтации с оппозиционным исламистским движением

«Братья-мусульмане» в 1975—1982 гг. Х. Асад купил лояльность суннитских коммерсантов Дамаска увеличением доли импорта с одного миллиарда сирийских фунтов в 1975 г. до 4,17 млрд в 1981 г. [Batatu 1997: 208].

Окончание холодной войны и распад СССР внесли значительные коррективы в политическую ситуацию на Ближнем Востоке. Прежде всего, обозначился явный интерес к гегемонии в этом регионе. О важности ближневосточного региона для геостратегии США писал в своей книге «Великая шахматная доска» Збигнев Бжезинский. Американский геополитик объединяет Ближний Восток вместе со Средним Востоком, Центральной Азией и Кавказом в один большой регион под названием «Евразийские Балканы». Переосмысляя классическую геополитическую схему Хэлфорда Макиндера, З. Бжезинский считает данный регион ключевым для контроля над Евразией. Фактором, ключевым для поддержания стабильности в странах Ближнего Востока и Персидского залива, он считает «американскую силу». Контроль над Ближним Востоком позволяет отделить Европу от Африки, свести на нет российский доступ к Персидскому заливу и Индийскому океану, ослабить китайское присутствие в Африке [Бжезинский 2010: 149—181].

На первом этапе однополярной системы (1990—2003 гг.) Вашингтон избрал тактику вовлечения Сирии в американские проекты на Ближнем Востоке. Ключевым моментом здесь стала Первая война в Заливе 1990—1991 гг. Американцы, озабоченные сколачиванием антииракской коалиции, взяли курс на нормализацию отношений с Дамаском. В обмен на участие сирийской армии в операции «Буря в пустыне» США дали добро на подписание в 1990 г. Таифских соглашений, закреплявших сирийскую гегемонию в Ливане. Сирия вступила в своеобразный альянс с Египтом и монархиями Персидского залива, получив от Саудовской Аравии экономическую помощь в размере 2 млрд долларов. При посредничестве США правительство Х. Асада вело в 1992, 1993 и 1997 гг. переговоры с Израилем о возвращении Голанских высот, правда без особого успеха [Naba 2006].

После прихода к власти в Вашингтоне в 2000 г. неоконсервативной администрации Джорджа Буша-младшего курс США в отношении Сирии меняется и приобретает откровенно враждебный характер, направленный на ограничение сирийского влияния в регионе. В Ливане набирает силу поддерживаемое Западом движение за вывод сирийских войск, инициаторами которого явились премьер-министр Рафик Харири и высшее духовенство маронитской церкви. В октябре 2004 г. была принята резолюция Совета Безопасности ООН 1559, призывавшая к выводу из Ливана сирийского военного контингента. В новом курсе по отношению к Сирии Вашингтон опирался на помощь Франции. Американско-французские отношения на Ближнем Востоке в тот период носили сложный характер и еще ждут своего исследователя. Напомним, что Париж вместе с Берлином и Москвой возражали против американской интервенции в Ирак в 2003 г. Администрация Жака Ширака рассчитывала, что американцы столкнутся с сопротивлением иракской армии и надолго завязнут в этой стране. Однако Ирак был оккупирован в течение нескольких недель. Желая усилить свое влияние на Ближнем Востоке, Париж начал оказывать содействие Вашингтону в ливанском досье. Целью было

оторвать президента Башара Асада от стратегического альянса с Ираном и взамен получить от США санкцию на восстановление французского влияния в Сирии и Ливане [Nouzille 2010: 395—449]. Однако этого не произошло.

Гибель Рафика Харири в результате теракта 14 февраля 2005 г. привела к новой расстановке сил в регионе. Р. Харири, выступая в качестве лидера суннитской общины Ливана, был проводником политики Саудовской Аравии и человеком, близким к саудовской королевской семье. Его убийство было воспринято саудовской правящей элитой как личное оскорбление. Версия о причастности сирийских спецслужб к данному теракту привела к конфронтации Эр-Рияда с Дамаском. Кроме того, продолжающийся стратегический союз Сирии с Ираном и движением «Хизбалла» (ось сопротивления) был воспринят в Королевстве Саудовской Аравии (КСА) как угроза саудовским национальным интересам. Одним из основных факторов, побуждающих государства Персидского залива проводить подрывные акции против Сирии, является желание разорвать сирийско-иранский альянс. Весной 2011 г. один из высших чиновников Саудовской Аравии в беседе с шефом администрации бывшего американского вице-президента Дика Чейни Джоном Ханной выразил уверенность, что смена режима в Сирии будет чрезвычайно благотворной для Саудовской Аравии. Он сказал следующее: «Король знает, что ничто кроме краха самой Исламской Республики не может ослабить Иран сильнее, чем потеря Сирии»¹.

Исходя из этого, вполне понятным представляется включение КСА в анти-сирийскую подрывную деятельность после начала протестных выступлений в стране в марте 2011 г. Вплоть до осени 2013 г. позиции заливных монархий по сирийскому вопросу вполне совпадали с интересами США. Анализ этих подходов содержался в статье Джорджа Фридмана «Сирия, Иран и баланс силы на Ближнем Востоке». Учитывая то, что возглавляемую Фридманом организацию STRATFOR часто называют «теневым ЦРУ», данная статья представляет собой не просто мнение эксперта. В статье выражалось опасение «массивного сдвига в балансе сил в регионе после вывода американских войск, в результате чего Иран превратится из маргинальной страны в сверхдержаву». Фридманом были проанализированы причины ирано-сирийского стратегического партнерства: «Иранский исламистский режим дал светскому сирийскому режиму иммунитет от шиитского фундаментализма в Ливане. Что еще важнее, он предоставил ему поддержку в его ливанских авантюрах и защиту от возможных протестов суннитского большинства в самой Сирии» [Friedman 2011].

Иран с начала конфликта включился в защиту своего сирийского союзника — правительства Башара Асада. Сирия является важным звеном в выстраивавшейся Исламской Республике Иран (ИРИ) на протяжении последнего двадцатилетия «оси сопротивления». Историческим лейтмотивом иранской геополитики является движение на запад — к Восточному Средиземноморью и Леванту. Падение правительства Асада лишает Тегеран оказывать помощь движению «Хизбалла»

---

¹ Crooke A. The 'great game' in Syria. Asia Times, 06.02.2012. URL: http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/MJ22Ak01.html (accessed: 07.05.2014).

в Ливане и существенно уменьшает влияние Ирана на арабский мир. По данным ряда источников, финансовая помощь Ирана сирийскому правительству достигает 7 млрд долларов в год. По просьбе иранского руководства вооруженные формирования движения «Хизбалла», начиная с мая 2013 г., принимают активное участие в боевых действиях на территории Сирии на стороне правительства Башара Асада. Военные советники Корпуса стражей исламской революции (КСИР) координируют действия сирийской армии [Ахмедов, Кулагина 2014].

Впрочем, уже с осени 2013 г. наблюдаются значительные расхождения в американских и саудовских подходах к сирийскому конфликту. Разочаровавшись в возможностях «умеренной» сирийской оппозиции, Эр-Рияд взял курс на поддержку радикальных исламистских вооруженных организаций. В сентябре 2013 г. было объявлено о создании нового вооруженного объединения «Джейш аль-Ислам» («Армия Ислама»). В состав этой группировки, находящейся под плотной опекой саудовских спецслужб, вошли группы джихадистов «Ахрар аль-Шам», «Лива аль-тавхид», «Лива аль-хакк», «Ансар аль-Шам» и Курдский исламский фронт. В результате эта группа объединила до 50 тыс. бойцов, а ее возможности финансирования и вооружения остаются на порядок выше, чем у ИГ и «Джабхат ан-нусры», считающей себя ответвлениями «Аль-Каиды» [Александров 2015]. Одновременно саудовской правящей элитой было чрезвычайно негативно воспринято начало (пусть и в очень ограниченных объемах) американо-иранского диалога, вылившегося в июле 2015 г. в подписание Всеобъемлющего соглашения по иранской ядерной проблеме². Вашингтон все больше дистанцируется от ирано-саудовского противостояния. Настолько, что президент США Б. Обама в интервью журналу *The Atlantic Magazine* предложил саудитам «установить с Ираном «холодный мир» и разделить сферы влияния на Ближнем Востоке» [Goldberg 2016]. Не последнюю роль в этом играют опасения Вашингтона по поводу роста влияния на Ближнем Востоке внесистемных экстремистских и террористических организаций, таких как «Исламское государство». Напомним, что с осени 2014 г. американская военная авиация осуществляет бомбардировки позиций террористов в Сирии и в Ираке. В настоящее время Эр-Рияд и Вашингтон преследуют в сирийском конфликте разные цели. Саудиты хотели бы видеть у власти в Дамаске правительство исламских фундаменталистов, находящееся под доминированием КСА. Одновременно такое правительство не должно включать в себя представителей движения «Братья-мусульмане», идеология и практика которых вызывают резкое неприятие в Эр-Рияде³. Американцы хотели бы видеть на месте Сирии рыхлое государственное образование, не играющее самостоятельной роли и неспособное противостоять главному американскому стратегическому партнеру в регионе — Израилю.

Отдельно необходимо остановиться на роли Турции в сирийском конфликте. Приход к власти в Турции в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР)

---

² al-Rashed A. Are we seeing a new Obama? URL: <http://www.aawsat.net/2013/09/article55317774> (accessed: 28.02.2016).

³ Ibid.

обозначил разрыв со светским политическим наследием Кемаля Ататюрка. На наш взгляд, этот разрыв стал окончательным в 2007—2009 гг., когда провалились планы турецкой элиты по вступлению в Европейский союз (ЕС)⁴. Это привело к реализации планов турецких исламистов по инкорпорации страны в исламский мир на лидирующих позициях. В своей книге «Стратегическая глубина» Ахмет Давутоглу обрисовал контуры новой турецкой внешней политики в эпоху после холодной войны. По его мнению, Турция не должна останавливаться на своей границе с Ираком и Сирией, но довести сферу своего влияния до Киркука и Мосула в Ираке и Алеппо в Сирии [Давутоглу 2010]. Таким образом, Ближний Восток стал рассматриваться новой исламистской элитой в качестве «заднего двора» Турции. В 2005—2011 гг. турецкое проникновение в Сирию носило мирный характер. Анкара предприняла ряд мер по разблокированию отношений с Дамаском. В частности, были сняты сирийские территориальные претензии к Турции (провинция Хатай). Между двумя странами была образована зона свободной торговли, позволившая увеличить двусторонний товарооборот с 730 млн долларов в 2000 г. до 2,5 млрд долларов в 2010 г. [Волович 2011].

Начало массовых протестов в Сирии весной 2011 г. было использовано турецким истеблишментом для увеличения влияния на сирийскую политику. Анкара попыталась легализовать в этой стране своих политических союзников — движение «Братья-мусульмане» и ввести их в сирийское правительство. С этой целью в первые месяцы сирийского кризиса турки пытались позиционировать себя в качестве посредников между правительством Асада и оппозицией. Турецкий министр иностранных дел А. Давутоглу в марте-апреле 2011 г. посещал Сирию, предлагая содействие в процессе национального примирения в САР⁵ [Murtada 2011]. Примечательно, что в первое полугодие кризиса не было зафиксировано оппозиционных выступлений в сирийских городах, прилегающих к турецкой границе. В то же время по мере понимания того, что Асад не собирается идти на уступки, подходы Турции к сирийскому конфликту менялись. Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган заявил в июне 2011 г. о том, что «ужасы, творящиеся в Сирии, не имеют оправдания» и призвал Б. Асада отправить в отставку своего брата Махера, командующего Республиканской гвардией [Хабиб 2011]. В июле 2011 г. в городе Джиср эш-Шугур, прилегающем к турецкой границе, произошел мятеж, в результате которого погибли 120 сирийских силовиков.

Дальнейший ход событий хорошо известен. Турция стала одним из основных спонсоров как гражданской сирийской оппозиции (Сирийский национальный совет), так и вооруженных формирований Сирийской свободной армии (ССА). К лету 2014 г. турки разочаровались в возможностях ССА и движения «Братья-мусульмане», показавших свою слабость, и приступили к поддержке откровен-

⁴ Акчали Э., Перинчек М. Кемалистское евразийство: новый политический дискурс в Турции. URL: <http://www.geopolitica.ru/Articles/821> (дата обращения: 28.02.2016).

⁵ Murtada R. Ankara envoy supports Damascus reforms. Now Lebanon, April 6, 2011. URL: <http://www.nowlebanon.com/NewsArchiveDetails.aspx?ID=258511> (accessed: 28.02.2016).

но экстремистских и террористических организаций. Освещение связей Анкары с исламскими радикалами и террористами не входит в задачу данной статьи. Отметим только, что об этом неоднократно писали оппозиционные турецкие журналисты [Bekdil 2016]. Разрастание сирийского конфликта вызвало усиление в северных провинциях Сирии курдского фактора. Под контролем курдской Партии демократического союза (ПДС), тесно связанной с запрещенной в Турции Рабочей партией Курдистана, оказались значительные районы на севере Сирии. При этом в Анкаре усиливаются опасения, что в случае победы ПДС над «Исламским государством» курдские районы САР станут базой для сепаратистов, оперирующих в самой Турции. Это заставляет нынешнее турецкое руководство все глубже увязнуть в сирийском конфликте и продолжать поддержку экстремистских организаций. Ситуация для Турции существенно усугубляется тем, что и Москва и Вашингтон рассматривают ПДС в качестве союзника в борьбе против «Исламского государства» и поддерживают эту организацию, в том числе военными средствами. Это обстоятельство вызвало конфронтацию в турецко-российских отношениях и сильное охлаждение в отношениях Анкары с Вашингтоном. 1 февраля 2016 г. визит к сирийским курдам нанес посланник возглавляемой США коалиции Бретт Мак Гурк, посетивший именно город Кобани, оборонявшийся курдами от террористов в течение шести месяцев. Поездка американского дипломата на территории, контролируемые сирийскими курдами, вызвала очередную вспышку гнева турецкого президента Реджепа Тайипа Эрдогана, который призвал Вашингтон выбрать в качестве партнера либо Турцию, либо «террористов из Кобани». «Как мы можем доверять вам? Кто является вашим партнером — я или террористы из Кобани?» — заявил турецкий лидер⁶.

Рассматривая геополитический фактор в сирийском конфликте, можно сделать ряд выводов, касающихся не только истоков сирийского противостояния, но и его возможного дальнейшего развития. Во-первых, сирийский конфликт давно перестал быть внутренней гражданской войной, но носит международный характер. В сирийском конфликте присутствуют противоположные интересы нескольких великих и региональных держав — США, России, Турции, Ирана, Саудовской Аравии. Противоборство интересов внешних акторов существенно затрудняет сирийские мирные переговоры и затягивает решение конфликта.

Во-вторых, большую роль в конфликте приобрело ирано-саудовское соперничество за гегемонию на Ближнем Востоке. Интересы ИРИ заключаются в выстраивании оси Тегеран-Багдад-Дамаск-движение «Хизбалла», позволяющей оказывать влияние на страны арабского мира и присутствовать в регионе Восточного Средиземноморья. В то же время Саудовская Аравия, позиционирующая себя в качестве лидера арабского мира, опасается оказаться во «враждебном иранском окружении». Под ним подразумеваются шиитское правительство в Багдаде, сторонники Башара Асада в Сирии, движение «Хизбалла» в Ливане, повстанцы-шииты (хоуситы) в Йемене. В краткосрочной и среднесрочной перспективе не про-

---

⁶ Candar C. Will he, won't he? Turks ponder whether Erdogan will invade Syria. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/02/turkey-syria-united-states-possible-military-intervention.html#ixzz40LvUJsBe> (accessed: 28.04.2016).

смачивается примирение интересов ИРИ и КСА в регионе, а значит конфликты между ними в Сирии, Ливане, Ираке и Йемене не получают разрешения.

В-третьих, сирийский конфликт вызвал появление на Ближнем Востоке новых акторов, преследующих свои интересы. К ним, прежде всего, относятся сирийские курды, связанные с турецкой Рабочей партией Курдистана (РПК). Активизация курдского фактора вызывает крайнее беспокойство Анкары и провоцирует поддержку правительством Эрдогана экстремистских и террористических организаций в Сирии, рассматривающихся в качестве противовеса курдской экспансии. Кроме того, в ходе развития сирийского конфликта выявились существенные расхождения между США и Турцией, стратегическое партнерство которых еще недавно считалось незыблемым. Американцы начали поддержку сирийских курдов, которых Анкара считает продолжением «террористической» РПК.

В-четвертых, разнонаправленная деятельность различных акторов в Сирии создает реальную угрозу распада этой страны. Турция приобрела большое влияние на радикальные исламистские группировки в районах Алеппо и Идлиба и рассматривает данные регионы в качестве своей сферы влияния. Бедуинские племена северо-востока Сирии в настоящее время находятся в сфере влияния террористической организации «Исламское государство» и даже в случае разгрома террористов будут сохранять более тесные связи с суннитами Ирака, чем с правительством в Дамаске. Прибрежные районы Сирии, населенные алавитами, столичный регион и регион Хомса, судя по всему, останутся под контролем правительства Асада. В немалой степени это вызвано тем, что Иран не допустит выхода из-под своего контроля коридора, соединяющего Сирию с Ливаном. Что касается южных регионов Сирии (Хауран), то здесь все более заметно саудовское и иорданское влияние. Такая расстановка сил создает реальную угрозу распаду страны и прекращения существования Сирии в качестве полюса арабизма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александров А.И. Сирия: о военном и дипломатическом контексте подготовки к конференции «Женева-2». URL: <http://www.iimes.ru/?p=19050> (дата обращения: 16.04.2016).

Ахмедов В., Кулагина Л. Сирия и Иран в новой региональной обстановке на Ближнем Востоке. Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=20454> (дата обращения: 16.04.2016).

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010.

Волович А.А. Турция и арабские революции. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12684> (дата обращения: 16.04.2016).

Давутоглу А. Аль-Умк аль-истратиджи (Стратегическая глубина). Доха: Аль-Дар аль-Арабийя ли'ль Улум аль-Наширун, 2010.

Хабиб М. Тадхулу Туркийя иля азм ас-Сури. Ас-Сафир, 2011.

Batatu H. Syrian Peasantry. The Descendants of its lesser rural Notables and their politics. New Jersey: Princeton University Press, 1997.

Bekdil B. Turkey's fake war on jihadis. URL: <http://www.meforum.org/5982/turkey-fake-war-on-jihadis> (accessed: 28.02.2016).

Friedman G. Syria, Iran and the Balance of Power in the Middle East // STRATFOR review. 2011.

Goldberg J. The Obama doctrine. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/#7> (accessed: 28.07.2016).

Hourani A. A history of the Arab peoples. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1991.

Naba R. Le parti Baas. Monstres sacrees ou sacrees monsters ? Entre le Saladin babylonien et le Bismarck syrien, une détestation inexpiable. URL: <http://www.renenaba.com/le-parti-baas> (accessed: 28.06.2016).

Nouzille V. Dans le Secret des Presidents. Paris: Fayard, 2010.

Seale P. The struggle for Syria. A Study of post-war Arab politics. London: Tauris, 1987.

Seale P. Asad. The struggle for the Middle East. Los Angeles: University of California Press, 1997.

Tibi B. Arab Nationalism. A critical Enquiry. London: Macmillan, 1981.

Zeine Z. The struggle for Arab independence. Beirut: Khayat, 1960.

Дата поступления статьи: 07.06.2016

Для цитирования: *Ваким Дж., Кузнецов А.А.* Геополитическое измерение сирийского конфликта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 461—472.

GEOPOLITICAL DIMENSIONS OF THE SYRIAN CONFLICT

J. Wakim

Beyruth Arab University, Beyruth, Lebanon

A.A. Kuznetsov

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia

This article touches upon geopolitical dimension of the Syrian conflict. The authors consider in details regional subdivision of Syria and relations of Syrian regions with border countries. The authors of the article conclude that Arab nationalism as the Syrian state ideology and positioning of Syria as the center of Arab world were indispensable taking into account multiconfessional nature of Syria. Authors study the geostrategical doctrine of Hafez Asad (1970—2000) aimed to restore the territorial integrity of Syria (return of the Golan heights) and creation of Great Syria, bring to light reasons of the alliances of Syria with Soviet Union and Iran. The authors discover reasons of hostility toward Syria from such actors as United States, Saudi Arabia, Turkey. The hostile attitude of the US political elites toward the Syrian state can be explained by American intention to undermine strategic partnership between Syria and Iran. Enmity of Saudi hostility toward the Syrian regime began with the assassination of the Lebanese Prime Minister Rafic Hariri (2005). This action destroyed the political balance in Lebanon and was considered by the Saudis as a threat to their interests. Article contains analysis of the Syrian role in the Saudi-Iranian rivalry. To opinion of the authors, Turkish involvement in the Syrian conflict began with the attempts of the regime's change in this country and evolved to the defense of Turkish national interests from the Kurdish factor. The authors make some conclusions about the role of US, Iran, Saudi Arabia, Turkey in the Syrian conflicts. In the article it's made some forecasts about the development of Syrian conflict. The authors especially predict possibility of disintegration of the Syrian state according to spheres of influence

of the external actors involved to this conflict with Mediterranean coast, Homs and Damascus under the control of government, northern regions of the country under Kurdish control, Raqqa and Deir el Zor probably under Turkish control and the Southern Syria (Hawran) probably under Jordanian control.

Key words: geopolitics, Syria, US, Turkey, Iran, Saudi Arabia, Saudi-Iranian rivalry, Arab nationalism, Kurdish factor.

REFERENCES

- Aleksandrov, A.I. (2013). *Syria: o voennom I diplomaticheskom kontekste podgotovki k konferencii Geneva-2* [Syria: a military and diplomatic preparation for the conference “Geneva-2”]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=19050> (accessed: 16.04.2016).
- Ahmedov, V., Kulagina, L. (2014). *Syria I Iran v novoy regionalnoy obstanovke na Blizhnem Vostoke* [Syria and Iran in a new regional situation in the Middle East]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=20454> (accessed: 16.04.2016).
- Bzhezinsky, Z. (2010). *Velikaya Shahmatnaya doska. Amerikanskoe prevoshodstvo I ego geostrategicheskie imperativy* [The Grand Chessboard. American supremacy and its Geostrategic Imperatives]. Moscow: Mezhdunarodniye otnosheniya.
- Batatu, H. (1997). *Syrian Peasantry. The Descendants of its lesser rural Notables and their politics*. New Jersey: Princeton University Press.
- Bekdil, B. (2016). *Turkey's fake war on jihadis*. URL: <http://www.meforum.org/5982/turkey-fake-war-on-jihadis> (accessed: 28.02.2016).
- Davutoglu, A. (2010). *Al-Umq al-Istratiji*. Doha: Al-Dar al-Arabiya li al-Ulum al-Nashirun.
- Friedman, G. (2011). Syria, Iran and the Balance of Power in the Middle East. *STRATFOR review*.
- Goldberg J. *The Obama doctrine*. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/#7> (accessed: 28.07.2016).
- Habib, M. (2011). Tadhulu Turkiya ila azm al-Suri./ *Al Safir*.
- Hourani, A. (1991). *A history of the Arab peoples*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press.
- Naba, R. (2008). *Le parti Baas. Monstres sacrees ou sacrees monsters? Entre le Saladin babylonien et le Bismarck syrien, une detestation inexpiable*. URL: <http://www.renenaba.com/le-parti-baas/> (accessed: 28.06.2016).
- Nouzille, V. (2010). *Dans le Secret des Presidents*. Paris: Fayard.
- Seale, P. (1987). *The struggle for Syria. A Study of post-war Arab politics*. London: Tauris.
- Seale, P. (1997). *Asad. The struggle for the Middle East*. Los Angeles: University of California Press.
- Tibi, B. (1981). *Arab Nationalism. A critical Enquiry*. London: Macmillan.
- Volovich, A.A. (2011). *Turciya i arabskie revolucii* [Turkey and the Arab revolutions]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12684> (accessed: 16.04.2016).
- Zeine, Z. (1960). *The struggle for Arab independence*. Beirut: Khayat.

Received: 07.06.2016

For citations: Wakim, J., Kuznetsov, A.A. (2016). Geopolitical dimensions of the Syrian conflict. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16(3), pp. 461—472.

© Вахим Дж., Кузнецов А., 2016

США И «АРАБСКАЯ ВЕСНА»: ОЦЕНКИ РОССИЙСКОГО ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА

А.П. Косов

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
Витебск, Беларусь

Начавшаяся в 2011 г. «арабская весна» привлекла внимание политико-академического сообщества и общественности всего мира, в том числе и России.

В статье на основе общенаучных и специально-исторических методов исследованы оценки российским экспертным сообществом роли и места США в событиях «арабской весны». Выделены три подхода российских экспертов к антирежимным выступлениям на Ближнем Востоке: признание активного участия американцев в событиях «арабской весны»; признание ведущими в событиях «арабской весны» внутривнутриполитических факторов; признание в событиях «арабской весны» как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических факторов.

Сделан вывод о наличии в экспертном сообществе России наряду с рассмотрением ближневосточных событий в контексте реализации теорий «цветных революций» и «управляемого хаоса» достаточно трезвых, объективных взглядов на ближневосточную политику США.

Ключевые слова: «арабская весна», Ближний Восток, США, теория «управляемого хаоса», «цветные революции», экспертное сообщество.

Уже многие годы Ближний Восток является одним из тех конфликтогенных регионов планеты, которые приковывают к себе пристальное внимание мирового сообщества. Не являются исключением и экспертные круги России. В стране действует целый ряд научных и аналитических центров, занимающихся изучением Ближнего Востока — Институт востоковедения РАН, Институт Африки РАН, Институт США и Канады РАН, Институт Ближнего Востока, МГУ, МГИМО, РУДН, Нижегородский университет и др.

Цель статьи — рассмотреть оценки российских экспертов относительно роли и места США в событиях «арабской весны». На наш взгляд, в экспертных кругах имеется три основных подхода к данной проблеме. Первый характерен для политиков и исследователей, считающих, что именно США выступили организатором «арабской весны» — новой волны «цветных революций». При этом многие из них убеждены, что американцы реализуют на Ближнем Востоке теорию «управляемого хаоса». Второй подход объединяет тех, кто отрицает причастность американцев к событиям в регионе, указывая на их внутренние причины. Третий подход учитывает среди причин произошедших событий в арабском мире как внутривнутриполитические, так и внешнеполитические факторы. Рассмотрим их подробнее.

ПЕРВЫЙ ПОДХОД: США — ОРГАНИЗАТОР «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Начавшиеся в 2011 г. социальные протесты в ряде арабских стран и получившие общее название «арабская весна» дали повод отдельным представителям российского политико-академического сообщества заявить об очередной серии

спланированных в Вашингтоне «цветных революций», направленных на установление американского господства в ближневосточном регионе. В частности, такой точки зрения придерживаются многие эксперты (А.П. Барышев, А.В. Манойло, В.А. Никонов и др.), по мнению которых произошедшее в арабских странах было не спонтанным явлением, а непосредственным результатом внешнего воздействия Запада, т.е. «цветными революциями», адаптированными под условия исламского общества [Барышев 2015: 1118; Манойло 2013: 31—32; Никонов 2015: 876]. При этом ряд ученых, рассматривая события «арабской весны», акцентируют внимание на попытке реализации американцами на практике теории «управляемого хаоса» [Колобов 2011: 282]. Так, А.В. Манойло из МГУ уверен, что для США в условиях экономической конкуренции с КНР и ЕС важно установление контроля над регионом. Одним из методов достижения этой цели как раз и является использование сепаратистов и экстремистов для дестабилизации неподконтрольных стран — так называемый управляемый хаос [Манойло 2011].

В экспертных кругах России достаточно и тех, кто считает «арабскую весну» заказом транснационального капитала. Как пишет С.А. Воронин из РУДН, создание очагов «управляемого хаоса» планируется Вашингтоном, являющимся инструментом мировой олигархии, в целях уничтожения конкурентных моделей государственного развития, что видно на примере Ирака и Ливии [Воронин 2015: 15]. Данную позицию разделяют и другие исследователи (П.А. Искендеров, Р.Г. Ланда, А.И. Фурсов), указывающие, что глобалисты руками американцев пытаются реализовать на Ближнем Востоке теорию «управляемого хаоса»¹. На наш взгляд, подобные взгляды во многом являются производной стойкого антиамериканизма, когда те или иные события трактуются как происки «мировой закулисы» и правящих кругов США.

ВТОРОЙ ПОДХОД: «АРАБСКАЯ ВЕСНА» — СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ НАСЕЛЕНИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

В экспертных кругах России немало и тех, кто не склонен рассматривать события «арабской весны» как очередной этап инспирированных Западом цветных революций в мире. Многие исследователи (К.П. Курылев, Е.М. Примаков, П.П. Стегний, А.А. Сушенцов, А.Ю. Урнов, А.И. Шумилин), наоборот, придерживаются мнения, что «весна» застала США врасплох, и они были вынуждены действовать по ситуации. По их мнению, причиной стихийных выступлений стали сугубо внутривосточные причины, обусловленные ухудшением социально-экономической ситуации на Ближнем Востоке.

---

¹ Искендеров П. Международные террористы в роли творцов «Большого Ближнего Востока». 11.07.2011. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2011/07/11/mezhdunarodnye-terroristy-v-rol-i-tvorcov-bolshogo-blizhnego-vostoka-3944.html> (дата обращения: 15.05.2016); Ланда Р.Г. Демократия и права человека в арабском мире. 02.10.2012. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/10-02-12a.htm> (дата обращения: 15.05.2016); Андрей Фурсов: «Бьют по Сирии, а целятся в Россию!» 10.08.2012. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2012/08/10/andrej-fursov-bjut-po-sirii-a-celjatsja-v-rossiu-15999.html> (дата обращения: 15.05.2016).

С точки зрения А.Ю. Урнова из Института Африки РАН, реакция США на происходящее в арабском мире оказалась достаточно быстрой и гибкой. Администрация Обамы постаралась направить начавшиеся процессы в нужное для себя русло, начав взаимодействовать с новыми политическими силами в регионе. Поэтому «арабская весна» стала преподноситься как успех американской политики, несущей исламскому миру идеалы и ценности либерализма и демократии [Урнов 2015: 49].

Согласно академику Е.М. Примакову, после первоначального оцепенения, вызванного началом «арабской весны», американцы попытались минимизировать свои потери, развив небывалую активность в регионе. Более того, в Ливии и Сирии они активно включились в события, стремясь использовать ситуацию в своих интересах [Примаков 2016: 383].

Однако экспертами подчеркивается сложность для США создавшейся ситуации на Ближнем Востоке. Так, по словам А.И. Шумилина из ИСКРАН, «арабская весна» застала администрацию Обамы врасплох как раз в тот момент, когда у нее на повестке дня были иные проблемы. Поэтому это даже привело к краткосрочному кризису ближневосточной политики Вашингтона [Шумилин 2015: 10, 251].

Со своей стороны А.А. Сушенцов из МГИМО отмечает, что Вашингтон стремился действовать в регионе настойчиво и с опережением. При этом американцы не были до конца уверены в том, что им выгодно. Это порождало непоследовательность американской дипломатии. Согласно эксперту, США фактически были вынуждены поддержать протестующих против своих старых союзников, на которых держались основы региональной системы безопасности. Косвенно это сыграло на пользу идее демократизации, но повредило стратегическим целям Вашингтона и ухудшило среду безопасности на Ближнем Востоке [Сушенцов 2013].

П.В. Стегний из РСМД объясняет это тем, что для американцев поддержка массовых выступлений в арабских странах под демократическими лозунгами стала безальтернативной прежде всего по идейным (а затем уже по геополитическим и деловым) соображениям, так как для американцев демократия и права человека имели приоритет не только над суверенитетом, но порой и над глобальной ответственностью [Стегний 2013].

К.П. Курылев из РУДН и вовсе события в Ливии и Сирии отделяет от «арабской весны». По справедливому мнению ученого, там практически с самого начала народные выступления вылились в вооруженные действия против правительственных сил, что привело к гражданской войне [Курылев 2014: 27, 35].

Заслуживает внимания и точка зрения президента Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановского, который, указывая на внутренние факторы социальных протестов в регионе, подчеркивал, что «арабская весна» стала возможной во многом из-за отсутствия на Ближнем Востоке социально-политических лифтов, консервации правящей элиты и разрыва между поколениями [Сатановский 2014: 86]. Лишь по ходу разрастания протестных настроений стало заметно внешнее воздействие. В частности, в данные события вмешались Катар и Саудовская Аравия,

попытавшиеся при попустительстве американцев и европейцев переформатировать Большой Ближний Восток в своих интересах [Сатановский 2015]. Более того, США начали поддерживать саудитов, надеясь на их финансирование предвыборной кампании Б. Обамы². Рассматривая действия американцев и европейцев, эксперт сравнил роль Запада в событиях «арабской весны» с ролью британских или французских отрядов наемников местных правителей времен ост-индских компаний XVII—XVIII вв. [Сатановский 2014: 81]. Однако, согласно Е.Я. Сатановскому, авантюрная политика катарцев и саудитов привела Ближний Восток к дестабилизации, вызвав борьбу за власть между исламистами и военными, без какого либо выигрыша для США и ЕС [Сатановский 2015]. По его мнению, налицо «провал усилий Запада по взятию ситуации в регионе под контроль, а также усиление самостоятельности местных игроков, свидетельствующее о переходе от однополярного к бесполярному миру» [Сатановский 2014: 79]. В полной мере сами того не осознавая, США и ЕС способствовали ослаблению светских режимов и усилению влияния исламистов на Ближнем и Среднем Востоке. При этом, с точки зрения эксперта, несмотря на некоторое ослабление своих позиций, США остаются ключевым внешним игроком в регионе [Сатановский 2014: 80—81].

Видим, что вышеуказанные эксперты в своих оценках «арабской весны» руководствуются не различными «теориями заговоров» или идеологическими пристрастиями, а объективным анализом произошедших на Ближнем Востоке событий.

ТРЕТИЙ ПОДХОД: «АРАБСКАЯ ВЕСНА» — СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ И ВЛИЯНИЕ ЗАПАДА

Достаточно распространенной в экспертных кругах России является точка зрения о том, что причины «арабской весны» имеют как внутренний, так и внешний характер [Иващенко 2013: 38, 41, 45; Сыздыкова 2013: 43]. При этом многие исследователи также склонны рассматривать данные события как серию «цветных революций». Следует отметить, что про американский след говорят все чаще по мере нарастания американо-российского противостояния. Так, Е.Р. Воронин из МГИМО считает, что «арабская весна» завершилась с началом событий в Ливии, после чего наступила «арабская зима»³. Нижегородские ученые Д.А. Белашенко и И.Д. Комаров также подчеркивали, что до событий в Ливии роль США в происходивших социальных протестах на Ближнем Востоке сводилась к минимуму. Однако постепенно Вашингтон втягивался в ситуацию, вернувшись к реализации проекта «Большой Ближний Восток», используя регион в качестве полигона для испытаний новых моделей «цветных революций» [Белашенко 2012: 259, 261]. Причастность американцев к событиям «арабской весны» отмечал

---

² «Арабская весна» в фокусе международной журналистики. 27.01.2012. URL: <https://interaffairs.ru/news/printable/8220>. (дата обращения: 13.04.2016).

³ Там же.

и директор Института Африки РАН А.М. Васильев. Он подчеркивал, что наряду с внутренними факторами к серии революций привело и внешнее воздействие стран Запада, которые мечтали демократизировать регион. Но при этом они имели в союзниках авторитарные режимы⁴. Поэтому в идеале США хотели бы реформ в арабских странах «сверху», а не революций «снизу». Свидетельством этого стало замешательство администрации Обамы после начала «арабской весны» [Васильев 2011: 16].

В целом, вынесение внутренних факторов на первый план в качестве основополагающих причин «арабской весны» характерно для многих экспертов. Так, А.Б. Подцероб из Института востоковедения РАН, указывая на влияние внешнего фактора, в первую очередь выделял наличие «внутренних источников»⁵. Такого же мнения и А.А. Орлов из МГИМО. Согласно ему, масштабы «арабской весны» оказались неожиданными для всех, в том числе и для США [Орлов 2011]. По словам И.В. Кудряшовой из МГИМО, внешнее влияние, особенно заметное в Ливии и Сирии, существенно сказалось и сказывается на течении кризисов в регионе, но их источниками стали внутренние причины [Кудряшова 2015: 33]. Поэтому эксперт считает, что западное вмешательство не было непосредственной причиной «арабской весны» [Кудряшова 2015: 41].

В свою очередь Б.В. Долгов из Института востоковедения РАН указывает на то, что если в Тунисе, Египте, Йемене, Бахрейне протесты населения были обусловлены внутренними факторами, то в Ливии и Сирии при наличии внутренних проблем главными причинами кризиса стали внешние факторы [Долгов 2016: 7].

У.З. Шарипов из Института востоковедения РАН отмечал, что заинтересованные силы постарались использовать процесс внутриобщественных социальных брожений на Ближнем Востоке в своих интересах. Западные державы получили прекрасную возможность открыто развернуть свое вмешательство в дела Ближнего Востока под прикрытием своей геополитической «игры» — концепции поддержки демократии в современном мире. В итоге дестабилизировали регион [Шарипов 2013: 248].

На наш взгляд, подвести итог дискуссиям в экспертном сообществе о сущности «арабской весны» можно словами Л.Л. Фитуни из Института Африки РАН о том, что причины массовых протестов на Ближнем Востоке отнюдь не заключаются исключительно в действиях каких-то внешних сил. Они кроются в самих арабских обществах. При этом очевиден тот факт, что протестные выступления в регионе нельзя объяснить воздействием лишь какого-то одного фактора или причины, являются они внешними, или внутренними [Фитуни 2011: 16].

Таким образом, в экспертном сообществе России выделяется три основных подхода к роли и месту США в событиях «арабской весны». Первый подход объ-

---

⁴ Интервью директора Института Африки. 05.10.2011. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=132#top-content (дата обращения: 13.05.2016).

⁵ «Арабская весна» в фокусе международной журналистики. 27.01.2012. URL: <https://interaffairs.ru/news/printable/8220> (дата обращения: 13.04.2016).

единяет политиков и ученых, считающих США основным организатором ближневосточных событий, которые рассматриваются как новая волна «цветных революций» и реализация на практике теории «управляемого хаоса». Во многом их взгляды подвержены идеологии стойкого антиамериканизма, который существенно усилился в последние годы по мере нарастания российско-американских противоречий. Второй подход отрицает участие Вашингтона в подготовке антирежимных выступлений в арабских странах. Его приверженцы указывают на то, что американцы оказались не готовы к данным событиям. А некоторые эксперты подчеркивают использование Запада в своих интересах региональными игроками. Третий подход характерен для тех, кто видит в событиях «арабской весны» как внешний фактор, так и внутривосточные причины, отдавая приоритет последним.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Барышев А.П. Идеология и мировая политика. М., 2015.

Белащенко Д.А., Комаров И.Д. События «арабской весны» в контексте реализации проекта «Большой Ближний Восток» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского // Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2012. № 6. С. 257—262.

Васильев А.М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня. 2011. № 3. С. 2—18.

Воронин С.А. Процесс глобализации или проект неоллиберализма? Что нас ожидает // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2015. № 4. С. 7—18.

Долгов Б.В. Сирийский кризис и радикальный исламизм // Азия и Африка сегодня. 2016. № 3. С. 7—12.

Иващенко А.С. Причины и последствия социальных потрясений в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки: (конец первого — начало второго десятилетия XXI в.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. Вып. 3. С. 38—46.

Колобов А.О., Колобов О.А., Хохлышева О.О. Модификация приоритетной композиции политики великих держав на Большом Ближнем Востоке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 3. С. 281—285.

Кудряшова И.В. Кризисы политического развития: арабское измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 4. С. 33—52.

Курьлев К.П. Украинский кризис 2013—2014 гг. и «арабская весна» 2011 г.: сходство и различие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 25—38.

Манойло А.В. Специфика цветных революций «арабской весны» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2013. 3 (118). С. 30—36.

Манойло А. «Финиковые революции»: стихии или управляемый хаос? // Международная жизнь. 2011. № 5. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/459> (дата обращения: 16.03.2016).

Никонов В.А. Современный мир и его истоки. М., 2015.

Орлов А. Первые революции XXI века... // Международная жизнь. 2011. № 5. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/457> (дата обращения: 16.03.2016).

Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2016.

Сатановский Е.Я. Между кризисом и катастрофой // Россия в глобальной политике. 2015. № 6. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Mezhdzhu-krizisom-i-katastrofoi-17823> (дата обращения: 16.03.2016).

Сатановский Е.Я. Основные тенденции развития Ближнего и Среднего Востока // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 79—88.

Стегний П.В. Неопределенные перспективы // Россия в глобальной политике. 2013. № 3. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Neopredelennye-perspektivy-16001> (дата обращения: 16.03.2016).

Сушенцов А. Высвобождение Америки. Преимущества ослабления глобального лидерства США // Россия в глобальной политике. 2013. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vysvobozhdenie-Ameriki-16184> (дата обращения: 16.03.2016).

Сыздыкова Ж.С. Большой Ближний Восток в глобальной политике США // Армия и общество. 2013. № 5. С. 43—47.

Урнов А.Ю. США — Африка: политика администрации президента Б. Обамы. 2009—2014 годы. М., 2015.

Фитуни Л.Л. Ближний Восток: технологии управления протестным потенциалом (уроки арабских восстаний) // Азия и Африка сегодня. 2011. № 12. С. 8—16.

Шарипов У.З. Концепция «Большого Ближнего Востока» в действии. М., 2013.

Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «арабской весны». М., 2015.

Дата поступления статьи: 10.06.2016

Для цитирования: *Косов А.П.* США и «арабская весна»: оценки российского экспертного сообщества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 473—481.

THE USA AND “THE ARAB SPRING”: EVALUATIONS OF THE RUSSIAN EXPERT COMMUNITY

A.P. Kosov

Vitebsk State P.M. Masherov University, Vitebsk, Belarus

Russian expert community’s interpretations of US Middle Eastern policy in the context of “the Arab Spring” are considered in the article. This research direction is sufficiently developed in contemporary Russian literature. In particular, there are a number of publications in which current events in the Middle East and US Middle Eastern policy are considered from different positions.

The aim of the article is to show Russian evaluations of a role and a place of the USA in events of “the Arab Spring”. The research is based on studies of current publications by Russian authors on the international relations in the Middle East, US foreign policy in 2011—2016 with the application of general scientific and special historical methods.

Special attention is drawn to Russian interpretations of an extent of participation of the USA in events of “the Arab Spring”. On the basis of analysis of current publications which are available in the Russian historiography an existence in expert community of three approaches to this problem is noted. The first is characteristic of the politicians and researchers who believe that the USA has acted as the organizer of “the Arab Spring” — a new wave of “the Color revolutions”. The second approach is characteristic of those who deny participation of Americans in the events in the region, indicating the internal reasons. The third approach considers among the reasons of the taken place events in the Arab countries, both the internal political, and foreign policy reasons.

Conclusion is made about the influence on the views of many Russian politicians and experts about the US role in the organization of “the Arab Spring” ideology persistent anti-Americanism, which significantly increased in recent years. However, there are not only ideological evaluations considering US actions in the context of implementation of the theory of “controlled chaos” and actions of “world behind the scenes”, but also enough objective, sober estimates of “the Arab Spring” in Russian expert community.

Key words: “the Arab Spring”, the Middle East, the USA, theory “controlled chaos”, “the Color revolutions”, expert community.

REFERENCES

- Baryshev, A.P. (2015). *Ideologiya i mirovaya politika* [Ideology and World Politics]. Moscow.
- Belashchenko, D.A., Komarov, I.D. (2012). Sobytiya «arabskoi vesny» v kontekste realizatsii proekta «Bol'shoi Blizhnii Vostok» [«Arab Spring» in the Context of the Greater Middle East]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Mezhdunarodnye otnosheniya. Politologiya. Regionovedenie*, 6, pp. 257—262.
- Vasil'ev, A.M. (2011). Tsunami revolyutsii [Tsunami of Revolutions]. *Aziya i Afrika segodnya*, 3, pp. 2—18.
- Voronin, S.A. (2015). Protsses globalizatsii ili proekt neoliberalizma? Chto nas ozhidaet [The Process of Globalization and Neo-liberal Project? What Awaits Us]. *Vestnik RUDN. Ser. Vseobshchaya istoriya*, 4, pp. 7—18.
- Dolgov, B.V. (2016). Siriiskii krizis i radikal'nyi islamizm [Syrian Crisis and Radical Islamism]. *Aziya i Afrika segodnya*, 3, pp. 7—12.
- Ivashchenko, A.S. (2013). Prichiny i posledstviya sotsial'nykh potryaseni v arabskikh stranakh Blizhnego Vostoka i Severnoi Afriki: (konets pervogo — nachalo vtorogo desyatiletiya XXI v.) [The Reasons and Consequences of Social Shocks in the Arab Countries of the Middle East and North Africa (the End of the First — the Beginning of the Second Decade of the 21st Century)]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, 3, pp. 38—46.
- Kolobov, A.O., Kolobov, O.A., Khokhlysheva, O.O. (2011). Modifikatsiya prioritetnoi kompozitsii politiki velikikh derzhav na Bol'shom Blizhnem Vostoke [Modification of Priority Directions of Great Powers Politics in the Greater Middle East]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 3, pp. 281—285.
- Kudryashova, I.V. (2015). Krizisy politicheskogo razvitiya: arabskoe izmerenie [Political Development Crisis in the Arab Dimension]. *Vestnik RUDN. Ser. Politologiya*, 4, pp. 33—52.
- Kurylev, K.P. (2014). Ukrainskii krizis 2013—2014 gg. i «arabskaya vesna» 2011 g.: skhodstvo i razlichie [Ukrainian Crisis of 2013—2014 and Arab Spring of 2011: Common and Different]. *Vestnik RUDN. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 4, pp. 25—38.
- Manoilo, A.V. (2013). Spetsifika tsvetnykh revolyutsii «arabskoi vesny» [Specifics of Color Revolutions of “the Arab Spring”]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3, Obshchestvennyye nauki*, 3 (118), pp. 30—36.
- Manoilo, A. (2011). «Finikovyie revolyutsii»: stikhii ili upravlyaemyi kaos? [“Date revolutions”: Elements or the Operated Chaos?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 5. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/459> (accessed: 16.03.2016).
- Nikonov, V.A. (2015). *Sovremenniy mir i ego istoki* [Modern World and Its Sources]. Moscow.
- Orlov, A. (2011). Pervye revolyutsii XXI veka... [First Revolutions of the 21st Century...]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 5. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/457> (accessed: 16.03.2016).
- Primakov, E.M. (2016). *Konfidentsial'no: Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami* [Confidentially: the Middle East on a Scene and Behind the Scenes]. Moscow.

Satanovskii, E.Ya. (2015). Mezhdru krizisom i katastrofoi [Between Crisis and Catastrophe]. *Rossiya v global'noi politike*, 6. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Mezhdru-krizisom-i-katastrofoi-17823> (accessed: 16.03.2016).

Satanovskii, E.Ya. (2014). Osnovnye tendentsii razvitiya Blizhnego i Srednego Vostoka [Main Tendencies of Development of the Middle East]. *Novaya i noveishaya istoriya*, 3, 79—88.

Stegni, P.V. (2013). Neopredelennye perspektivy [Uncertain Prospects]. *Rossiya v global'noi politike*, 3. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Neopredelennye-perspektivy-16001> (accessed: 16.03.2016).

Sushentsov, A. (2013). Vysvobozhdenie Ameriki. Preimushchestva oslableniya global'nogo liderstva SShA [Release of America. Benefits of Weakening of Global Leadership of the USA]. *Rossiya v global'noi politike*, 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vysvobozhdenie-Ameriki-16184>. (accessed: 16.03.2016).

Syzdykova, Zh.S. (2013). Bol'shoi Blizhnii Vostok v global'noi politike SShA [The Greater Middle East in Global Policy of the USA]. *Armiya i obshchestvo*, 5, pp. 43—47.

Urnov, A.Yu. (2015). *SShA — Afrika: politika administratsii prezidenta B. Obamy. 2009—2014 gody* [US — Africa: Politician of Presidential Administration B. Obama. 2009—2014]. Moscow.

Fituni, L.L. (2011). Blizhnii Vostok: tekhnologii upravleniya protestnym potentsialom (uroki arabskikh vosstaniy) [The Middle East: Technologies of Management of Protest Potential (Lessons of the Arab Revolts)]. *Aziya i Afrika segodnya*, 12, pp. 8—16.

Sharipov, U.Z. (2013). *Kontseptsiya «Bol'shogo Blizhnego Vostoka» v deistvii* [Concept of “the Greater Middle East” in Operation]. Moscow.

Shumilin, A.I. (2015). *Politika SShA na Blizhnem Vostoke v kontekste «arabskoi vesny»* [US Policy in the Middle East in the Context of “the Arab Spring”]. Moscow.

Received: 10.06.2016

For citations: Kosov, A.P., 2016. The USA and “The Arab Spring”: evaluations of the Russian expert community. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (3), pp. 473—481.

НЕУРЕГУЛИРОВАННЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В АНАЛИЗЕ ЗАПАДНЫХ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

К.П. Курылев, А.Л. Нгоян, Э.К. Паласиос, О.В. Скудина

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Статья посвящена рассмотрению представлений ряда ведущих западных экспертно-аналитических центров по проблемам развития конфликтов на пространстве СНГ. Изучаются позиции «фабрик мысли» США, Великобритании, ФРГ и Франции. Из большого числа региональных конфликтов в СНГ авторы акцентируют внимание на конфликтах на Востоке Украины, в Приднестровье и в Нагорном Карабахе. Подобный выбор связан с тем, что эти конфликты являются наиболее острыми и затрагивают интересы не только России, но и других доминантных государств и международных организаций. Авторы статьи раскрывают позиции западных think tanks относительно генезиса и эволюции вооруженных конфликтов в регионе СНГ, а также перспектив их урегулирования. В статье освещаются оценки западных «фабрик мысли» причин «замороженности» конфликтов на пространстве бывшего СССР, даны их мнения о роли Российской Федерации в процессах урегулирования, а также участия внешних акторов (ЕС и США). С учетом того, что в статье презентуются подходы западных экспертно-аналитических центров, авторы приходят к выводу об определенной заданности оценок западными политологами и международниками. Это выражается в том, что в большинстве случаев ответственность за затяжной характер разрешения конфликта, а порой и за его развязывание возлагается на российскую сторону. Это особенно очевидно в случае с кризисом на Украине, главным виновником которого на Западе считается Россия. Подобная односторонность суждений является, как полагают авторы статьи, не свидетельством некомпетентности экспертов think tanks, а теми задачами, которые ставятся перед ними властными структурами тех или иных стран.

Ключевые слова: «фабрики мысли», региональная безопасность, замороженные конфликты, украинский кризис, приднестровский конфликт, нагорно-карабахский конфликт.

Целью исследования является выявление и комплексное рассмотрение подходов западного экспертного сообщества к проблемам, связанным с неурегулированными конфликтами в СНГ, на примере кризиса на Украине, конфликтов в Приднестровье и Нагорном Карабахе. Осуществляется оценка восприятия представителями американских и европейских аналитических кругов причин зарождения конфликтов, а также перспектив их разрешения.

Методология исследования определяется его целью и задачами, а также обусловлена подходом и научной позицией авторов. Теоретико-методологической базой статьи выступает совокупность из подходов и методов, которые используются политической наукой на современном этапе для всестороннего анализа архитектуры и структуры международных отношений, а также механизма формирования и функционирования внешней политики отдельных государств. Исследование является междисциплинарным, и реализовано на стыке истории, по-

литологии, конфликтологии, международных отношений. Такой подход позволил наиболее всесторонне и объективно изучить предмет исследования.

Историография проблемы. Необходимость всестороннего изучения заявленной проблематики предопределила обращение к работам преимущественно на английском языке. По большей части, авторы статьи опирались на работы британского аналитического центра Chatham House, исследующего все три конфликта. В этом ключе необходимо назвать таких авторов, как Дж. Шерр [Sherr 2009] и Т. де Вааль [de Waal 2013]. Среди трудов, посвященных исследованию политических региональных конфликтов с участием ПМР, НКР, ДНР и ЛНР, авторы использовали работы И. Гроза фонда им. К. Аденауэра, К. Салливана, С. Стэндли и Дж.М. Кигла американского Технического информационного центра при Министерстве обороны США, а также И. Бонда, Д. Корбоя, У. Кортни, М. Хальтцеля и Р. Каузларика из стратегического исследовательского центра США¹.

Также из зарубежных исследователей, на работы которых опирались авторы, следует назвать Р. Менона и Е.Б. Румера [Menon, Rumer 2014], Р. Саквы [Sakwa 2015], Дж. Мирсхаймера [Mearsheimer 2014], М. Макфола, С. Сестановича и Дж. Мирсхаймера [McFaul, Sestanovich, Mearsheimer 2014].

Что касается российских исследователей, то выделим работы Н.В. Бабилунга и Б.Г. Бомешко [Бабилунга, Бомешко 1998: 52], А.В. Гущина, С.М. Маркедонова и А. Цибулина [Гущин, Маркедонов, Цибулина 2015; Гущин, Маркедонов 2016], А.В. Девяткова², К.П. Курылева [Курылев 2011: 61—71; Курылев 2014а: 178—182; Курылев 2014б: 114—117], которые рассматривают в них различные аспекты развития конфликтов на пространстве СНГ и внешнюю политику задействованных в них стран.

На геополитической карте Евразии СНГ занимает особое положение: оно находится на цивилизационном стыке и образует своеобразный «мост» между Европой, Азией и Ближним Востоком. Это уникальное трансграничное пространство, где веками протекали процессы диффузии различных ценностей многих народов мира. Это арена взаимодействия (как притяжения, так и отталкивания) различных цивилизаций и культур, это место непрекращающегося спора ценностных ориентаций. Геополитические, цивилизационные, социальные характеристики этой территории таковы, что складывающиеся здесь конфигурации не могут не влиять на основополагающие контуры миропорядка XXI столетия. А для России — ядра постсоветского пространства — они очевидным образом представляют экзистенциальную значимость [Курылев, Савичева 2010: 4—5].

---

¹ Rand Corporation: The West needs to take a tougher line with Putin. URL: <http://www.rand.org/blog/2015/11/the-west-needs-to-take-a-tougher-line-with-putin.html> (accessed: 13.01.2016); Rand Corporation: Ukraine crisis is a geopolitical game changer. URL: <http://www.rand.org/blog/2015/04/ukraine-crisis-is-a-geopolitical-game-changer.html> (accessed: 13.01.2016).

² Девятков А. Статус Приднестровья: перехватит ли Украина инициативу у России с Молдовой? Приднестровское урегулирование: факторы и тенденции [Электронный ресурс]. Сайт «Перспективы». Режим доступа: URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/politika/pridnestrovskoje_uregulirovaniye_faktery_i_tendencii_2012-02-29.htm (accessed: 13.01.2016).

Российские и зарубежные экспертно-аналитические центры продолжают активную работу по сбору и анализу информации об обстановке на пространстве СНГ. Актуальными вопросами для них являются неурегулированные конфликты в регионе. Наибольший интерес представляют кризис на Украине, конфликты в Приднестровье и Нагорном Карабахе. Большое внимание также уделяется внешней политике государств, охваченных конфликтами, подходам региональных и международных акторов к их разрешению.

Вначале отметим, что «экспертно-аналитические центры — это публичные институты, осуществляющие исследовательскую и консультационную деятельность по государственным и корпоративным контрактам, преимущественно в области политических процессов и проблем, а также предоставляющие заинтересованным акторам оценки и рекомендации возможных последствий, принимаемых политических решений по вопросам внутренней и внешней политики [Курылев, Гаврикова, Поспелова 2015: 99]. Важно подчеркнуть, что именно аналитические центры think tanks США в отличие от аналогичных структур, функционирующих в других странах, способны прямо или косвенно участвовать в процессе принятия политических решений [Abelson 2002]. Многие американские исследователи видят в использовании «фабрик мысли» одну из наиболее важных основ внешнеполитических успехов США в XX в.

Рассматривая подходы к конфликтам в регионе СНГ западных аналитических центров, обратимся вначале к ситуации вокруг Приднестровья.

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ КОНФЛИКТ

Представления экспертного сообщества по конфликту на Днестре мы будем выяснять, изучая работы таких аналитических центров, как британский Королевский институт международных отношений (Chatham House), немецкие фонды им. К. Аденауэра и Ф. Эберта и американский Технический информационный центр при Министерстве обороны США.

В 2009 г. Дж. Шерр, аналитик Chatham House, провел анализ ситуации в Приднестровье и представил ее в своем докладе. Автор отметил историко-политическую и экономическую составляющие конфликта. По его мнению, Приднестровская Молдавская Республика — это типичное постсоветское сочетание политики, спецслужб, бизнеса и преступности в нетипично бескомпромиссной форме. Дж. Шерр считает, что военно-политическое и экономическое присутствие России в Приднестровье является важным для Москвы, так как это подрывает Восточное партнерство ЕС. Поэтому Молдове необходима тщательно продуманная политика для защиты своих интересов [Sherr 2009].

По нашему мнению, аналитик Chatham House, хотя и посвятил свою работу Молдове и Приднестровью, но основное внимание уделил роли России в регионе. Дж. Шерр подчеркивает, что европейским странам не столько интересно благополучие Молдовы, сколько они озабочены влиянием России в регионе. Для европейцев Молдова — это пережиток СССР, проблемная и бедная страна с высоким

уровнем коррупции, наиболее отстающая часть Европы, которая создает лишь проблемы. Тем не менее Запад не может позволить России проецировать свое влияние на регион, столь близко расположенный к европейской границе. И потому приднестровский конфликт — это очередная «шахматная доска», на которой разыгрывают свои геополитические этюды Запад и Россия.

Не обошли стороной проблему Приднестровья и немецкие think tanks. Так, фонд им. К. Аденауэра, который отражает взгляды немецких христианских демократов, находящихся сегодня у власти, в 2015 г. представил исследование, в котором делается акцент на экономическую зависимость Кишинева от Приднестровского региона и России. Главной энергетической компанией в Молдове является АО «Молдовагаз», в которой ОАО «Газпром» владеет 50 % + 1 акцией, а около 96 % энергии импортируется из России через Приднестровье. Автор доклада И. Гроза отмечает, что «приднестровские сепаратисты контролируют важные маршруты транспортировки энергоносителей и инфраструктуры» [Groza 2015]. По мнению аналитика, Молдова должна ускорить строительство альтернативного трубопровода из Румынии и сделать все возможное для прекращения энергетической зависимости Приднестровья от российского природного газа.

В свою очередь эксперты фонда Ф. Эберта, который отражает взгляды немецких социал-демократов, в 2015 г. в своем докладе указывали на то, что Россия и Румыния активно конкурируют друг с другом для достижения своих собственных экономических и политических целей в отношениях с Республикой Молдова. Интерес России состоит в укреплении Молдавии, что обусловливается активной политикой соседней Румынии по расширению пространства своего влияния на Молдову. И если Кишинев будет слаб, то больше вероятности его поглощения Бухарестом и создания Великой Румынии [Russia and East... 2015].

Из приведенной информации видно, что в отличие от фонда Ф. Эберта, фонд им. К. Аденауэра дает негативную оценку политики России в отношении Молдавии и Приднестровья.

Активно изучают приднестровский конфликт и в Техническом информационном центре при Министерстве обороны США. Среди его аналитических документов выделим доклад, подготовленный в 2015 г. К. Салливаном, С. Стэндли и Дж.М. Киглом. По мнению экспертов, на территории Приднестровья находятся активные пророссийские движения, которые потенциально могут превратиться в угрозу, а сам конфликт на Днестре является следствием российской политики вмешательства. Авторы рекомендуют установить в регионе американские беспилотные авиационные системы, которые могли бы проводить рекогносцировку всего конфликтного региона, а также Крымского полуострова, границ России, основных контрабандных коридоров, а также международных вод. Аналитики полагают, что Вашингтон должен выйти из своей нынешней политики наложения экономических санкций в качестве сдерживающего фактора на Россию. Вместо этого США должны проводить политику расширенного сдерживания на берегу Черного моря с помощью современных военных американских технологий [Responding to Russia... 2015].

Автор другого доклада этого центра, Р. Сислеану, видит необходимость в членстве Молдовы в НАТО и предлагает местным властям переосмыслить статус нейтралитета своего государства. Эксперт считает, что проблемы территориальной целостности Молдовы усугубляются сепаратистами в Приднестровье. Приднестровский конфликт останется неразрешенным из-за участия России в формате «5 + 2», так как Москва использует военно-политическое и экономическое давление для дестабилизации Молдовы в ответ на расширение НАТО. Таким образом, разумное решение для безопасности Молдовы эксперты видят в принятии политики вооруженного нейтралитета без участия России [Cisleanu 2014].

Доклад Технического информационного центра при Министерстве обороны США преподносит нам подход американских экспертов, свидетельствующий о заинтересованности Запада в уходе России из региона. Это нужно не столько для обеспечения безопасности самой Молдовы, сколько для осуществления собственной политики — военного присутствия в регионе, что позволит контролировать не только данную территорию, но и Черное море.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС

Рассматривая кризис на Украине, обратимся к подходам британского Chatham House, Фонда Карнеги за международный мир (США), Центра стратегических и международных исследований (США) и корпорации RAND (США).

Для начала отметим, что государственный переворот на Украине произошел в результате сочетания ряда факторов. Этноконфессиональное разнообразие, исторически сложившееся на Украине, приняло форму внутреннего разобщения. Оно несет в себе хроническую политическую нестабильность, ведет к росту межнациональной розни и в итоге расшатывает государство. Наряду с этноконфессиональной разобщенностью страны, отсутствием четко и корректно сформулированных национальных интересов, перманентную внутривнутриполитическую нестабильность в украинском обществе поощряет и глубокая экономическая отсталость [Курьлев 2014: 25—38].

Аналитики Chatham House, реализуя программу «Россия и Евразия», считают, что в основе конфликта на Украине лежит борьба между авторитаризмом и новыми демократическими тенденциями политического развития. Авторы доклада полагают, что Украина стремится к демократии в противовес российским попыткам остановить развитие демократических режимов на постсоветском пространстве. С точки зрения Chatham House, необходимо формирование новой политической элиты, способной разрешить кризис в стране, чтобы постепенно начинать нормализацию отношений с Россией³.

Аналитик Фонда Карнеги Т. Ворожейкина отмечает, что: «Смысл украинской революции заключается не только в протесте отчаявшегося населения про-

---

³ Chatham House: Russia and Eurasia Programme, Ukraine Forum. URL: <https://www.chathamhouse.org/about/structure/russia-eurasia-programme/ukraine-forum-project> (accessed: 13.01.2016).

тив авторитарного коррумпированного режима, но и в стремлении общества установить новые отношения между собой и властью. Гражданское общество на Украине на наших глазах предприняло колоссальный рывок — попыталось перейти от положения подданных полновластного государства к отношениям полноправных граждан с подотчетной им властью»⁴. Кроме того, в докладе обращается внимание и на то, что для разрешения кризиса необходимо сотрудничество Запада и России.

И. Бонд, Д. Корбой, У. Кортни, М. Хальтцель и Р. Каузларик из корпорации RAND кризис на Украине связывают с геополитическими интересами, считая, что Россия напала на Украину для того, чтобы дестабилизировать ее, получить геополитические «выгоды» и консолидировать свою сферу влияния. По мнению аналитиков, «Москва сфабриковала волнения на Украине, чтобы оправдать неспровоцированное нападение, нарушив международные обязательства. Кремль стремится укрепить свою сферу влияния, дестабилизируя соседей»⁵. В то же время говорится о том, что в ситуации с Украиной есть и отрицательные моменты для России, поскольку в результате она теряет свои экономические связи с Европой и против нее вводятся санкции, негативные для развития внутренней экономики. Также вторжение России в Крым привело к усилению роли НАТО в Восточной Европе. Эксперты RAND рекомендуют США сохранять твердую позицию по поводу украинского кризиса и принимать активные усилия в его разрешении. «Поддерживая санкции, Запад мог бы сделать упор на прямые, целенаправленные меры. Чтобы усилить сдерживание против возможной агрессии со стороны России, Америка могла бы разместить свои войска в Польше и Балтии и помочь украинской армии вооружением»⁶.

В целом следует отметить, что в своем большинстве сотрудники западных аналитических центров уверены, что именно Россия породила украинский кризис и не позволяет его разрешить. Россия обвиняется в проведении «империалистической» политики на постсоветском пространстве для достижения своих геополитических целей и расширения сфер влияния. Эксперты на Западе также уверены в том, что экономический потенциал России ограничивает ее способность вмешиваться во внутренние дела Украины. Пока в России присутствует экономический кризис, ее способность принимать участие в международных событиях заметно уменьшается. Что касается Украины, то представляется, что пока у Украины не будет устойчивого курса развития, даже процесс гармонизации ее законодательства с ЕС будет малоэффективным, поскольку он не может осуществляться в условиях политической нестабильности, правового нигилизма и экономического коллапса [Курылев 2012: 76—91].

---

⁴ Ворожейкина Т. Украина: неутраченные иллюзии. URL: <http://carnegie.ru/proetcontra/?fa=56724> (accessed: 13.01.2016).

⁵ Rand Corporation: Ukraine crisis is a geopolitical game changer. URL: <http://www.rand.org/blog/2015/04/ukraine-crisis-is-a-geopolitical-game-changer.html> (accessed: 13.01.2016).

⁶ Rand Corporation: The West needs to take a tougher line with Putin. URL: <http://www.rand.org/blog/2015/11/the-west-needs-to-take-a-tougher-line-with-putin.html> (accessed: 13.01.2016).

НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ

Активно изучают в Chatham House и нагорно-карабахский конфликт. В 2013 г. аналитик центра Т. де Вааль опубликовал доклад, в котором говорил о том, что «Нагорный Карабах является одной из трех мировых наиболее военизированных линий прекращения огня, наряду с Северной Кореей и Кашмиром. Спорная территория получает ограниченное внимание общественности. Нагорный Карабах часто ошибочно называют «замороженным конфликтом», но это не корректно отражает действительность и ситуация вокруг него остается отрицательной. События последних десяти лет углубили пропасть конфликта. Армения, управляя спорной территорией Нагорного Карабаха, восстановила регион и углубила свои связи с ним. С другой стороны — ВВП Азербайджана вырос в 20 раз. Азербайджан в настоящее время идентифицирует себя как более сильный политический игрок, чем Армения, и теперь тратит на свой военный бюджет больше, чем весь государственный бюджет Армении [de Waal 2013].

По нашему мнению, аналитик центра прав, говоря о том, что Армения находится в менее выигрышном положении, и тому способствуют два фактора: 1) мировая общественность, и в том числе ООН, считают, что данные земли были оккупированы Арменией и ей не принадлежат; 2) Азербайджан преобразился, наладил свою экономику, диктует свою политику, в отличие от Армении. В экономическом плане Азербайджан сильнее Армении. Это означает, что у Азербайджана больше ресурсов к склонению чаши весов на свою сторону.

Еще в одном докладе Chatham House, опубликованном в 2012 г., указывается на то, что армянская сторона предпочла бы договориться об окончательном статусе НКР, а затем обсуждать другие вопросы. Азербайджан же настаивает, что переселенцы должны вернуться на свои места до получения статуса. Статус НКР не следует рассматривать как единственно важное событие, а как длительный процесс создания стимулов для обеих сторон в принятии окончательного урегулирования. НКР должна пользоваться определенными правами и привилегиями в течение промежуточного периода, и на ее территории должна присутствовать наблюдательная миссия. Обе стороны должны сосредоточиться на вопросах, которые представляют взаимный интерес [Displacement and Status... 2012].

Как видно, одним из самых важных камней преткновения является вопрос о статусе НКР. Мы считаем, что каждая из сторон преследует цели, которые в корне противоречат друг другу и никак не пересекаются, и поэтому статус НКР остается неопределенным. Авторы доклада говорят о необходимости концентрации на общих интересах, но, по нашему мнению, таковых нет.

Эксперт французского аналитического центра L'Institut de relations internationales et stratégiques, Ж.-Ф. дэ Отклок, в своей статье обращает внимание на то, что конфликт в Нагорном Карабахе и дальше будет находиться в замороженном состоянии. Причиной этого является то, что после каких-либо сдвигов в отношениях между Арменией и Азербайджаном по поводу урегулирования вопроса НКР, на границе двух государств стабильно происходит какая-нибудь стычка, которая

рушит все, что выстраивалось до этого. И каждая из сторон не хочет идти на уступки, считая, что время работает на нее⁷.

Очевидно, что стороны преследуют свои интересы, которые не совпадают. Азербайджан, превосходя Армению экономически, считает, что ему некуда спешить. Кроме того, в пользу Азербайджана еще и то, что согласно резолюциям ООН, Армения — агрессор. Кроме того, Армения является союзником России, что раздражает и Баку и Запад. Вместе с тем спорные территории исторически всегда были армянскими. И потому данный вопрос для Еревана — вопрос принципа и гордости. Трудно вообразить, что должно случиться, чтобы Армения уступила данную территорию.

Анализ подходов западных «фабрик мысли» к «замороженным» конфликтам в СНГ позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на изучение этих конфликтов множеством экспертно-аналитических структур Запада, в своем большинстве они делают весьма однообразные выводы. Их суть заключается в возложении ответственности на Россию, а также на ту сторону конфликта, которая в той или иной степени близка к официальной Москве. Сказанное свидетельствует об определенной заданности общественного мнения Запада, что в свою очередь определяется как объективными, так и субъективными факторами.

Таким образом, рассмотрев взгляды ряда западных экспертно-аналитических центров, приходим к выводу о том, что они активно изучая обстановку на пространстве СНГ, предоставляют далеко не самую объективную информацию. Это является, однако, не свидетельством некомпетентности работников think tanks, а теми задачами, которые ставятся перед этими центрами властными структурами тех или иных стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бабилунга Н.В., Бомешко Б.Г. Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политические аспекты. Тирасполь, 1998.

Гуцин А.В., Маркедонов С.М., Цибулина А. Украинский вызов для России. Рабочая тетрадь. Российский совет по международным делам. М., 2015. № 24.

Гуцин А.В., Маркедонов С.М. Приднестровье: дилеммы мирного урегулирования. Аналитический доклад. Российский совет по международным делам. М., 2016.

Курылев К.П. Интеграция в ЕС как один из приоритетов внешнеполитического курса Украины // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2012. № 2. С. 76—91.

Курылев К.П. Проблема Приднестровского урегулирования в контексте отношений России и Украины // Вестник РУДН, серия Международные отношения. 2011. № 4. С. 61—71.

Курылев К.П. Влияние социально-экономической ситуации на Украине на ее внутривнутриполитическую нестабильность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. 7(1). С. 178—182.

---

⁷ J.-Ph. de Hauteclouque, 2015. Conflit du Haut-Karabakh: pourquoi 2015 ne verra pas le terme de cette «guerre tiède». L'Institut de relations internationales et stratégiques. URL: <http://www.iris-france.org/57264-conflit-du-haut-karabakh-pourquoi-2015-ne-verra-pas-le-terme-de-cette-guerre-tiede> (accessed: 13.01.2016).

Курьлев К.П. Этноконфессиональная ситуация на Украине как фактор внутривосточной неустойчивости // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. 5(3). С. 114—117.

Курьлев К.П. Украинский кризис 2013—2014 гг. и «арабская весна» 2011 г.: сходство и различие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 25—38.

Курьлев К.П., Гаврикова К.В., Поспелова Е.А. Экспертно-аналитические центры на Украине: характер и особенности // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С. 99—109.

Курьлев К.П., Савичева Е.М. Содружество Независимых Государств // Учебно-методическое пособие для бакалавров и магистров направлений подготовки «Международные отношения», «Политология», «История». 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 4—5.

Abelson D.E. Do think tanks matter? Assessing the impact of public policy institutes USA. McGill-Queen's University Press, 2002.

Cisleanu R.C. Political and military challenges of the Republic of Moldova in the context of security in the Black Sea basin. 2014. URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a619715.pdf> (accessed: 15.01.2016).

De Waal T. Nagorny Karabakh: Closer to War than Peace. Chatham House, 2013. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/250713summary.pdf> (accessed: 15.01.2016).

Displacement and Status in the Nagorno Karabakh Conflict. Chatham House, 2012. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/211112summary.pdf> (accessed: 15.01.2016).

Groza I. Study on the implementation of key energy provisions of the EU-Moldova association agreement. Konrad Adenauer Foundation, 2015. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_44092-1522-2-30.pdf?160202165659 (accessed: 15.01.2016).

McFaul M., Sestanovich S., Mearsheimer John J. Faulty Powers. Who Started the Ukraine Crisis? // Foreign Affairs. 2014. 93(6).

Mearsheimer J.J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault // Foreign Affairs. 2014. 93(5).

Menon R., Rumer E.B. Conflict in Ukraine: The Unwinding of the Post-Cold War Order. Massachusetts: The MIT Press, 2014.

Russia and East Central Europe after the Cold War. Ed. By A. Zagorsky. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/11384.pdf> (accessed: 15.01.2016).

Sakwa R. Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands. London: I.B. Tauris & Co LTD, 2015.

Sherr J. Moldova's Crisis: More than a Local Difficulty. Chatham House, 2009. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/170409moldova.pdf> (accessed: 15.01.2016).

Sullivan C., Standley S., Keagle J.M. Responding to Russia after the NATO Summit: Unmanned Aerial Systems Overmatch in the Black Sea, 2015. URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a617199.pdf> (accessed: 15.01.2016).

Дата поступления статьи: 30.01.2016

Для цитирования: *Курьлев К.П., Нгоян А.Л., Паласиос Э.К., Скудина О.В.* Неурегулированные конфликты на постсоветском пространстве в анализе западных экспертно-аналитических центров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 482—493.

UNSETTLED CONFLICTS IN THE POST-SOVIET SPACE IN THE ANALYSIS OF THE WESTERN RESEARCH CENTERS

**K.P. Kurylev, A.L. Ngoyan,
E.P. Palacios, O.V. Skudina**

RUDN University, Moscow, Russia

The article considers the ideas of some leading western expert analytical centers about the problems of the conflicts development on the CIS space. The subject of research is the positions of the “think tanks” of the USA, Great Britain, Germany and France. Among a large number of the regional conflicts in the CIS the authors focused attention on the conflicts in the East of Ukraine, in Transnistria and in the Nagorno-Karabakh. Such selection is explained by the acute character and impact of these conflicts on the interests of Russia and the other leading states and the international organizations. The theoretical and methodological background of the article consists of the approaches and methods, which are used by the modern political science for the comprehensive analysis of the architecture and structure of the international relations, the mechanism of formation and functioning of the certain states’ foreign policy.

The research has the cross-disciplinary character and is made at the intersection of such disciplines as history, political science, conflictology and the international relations. The authors reveal positions of the western “think tanks” on the genesis, evolution and the potential settlement of the armed conflicts in the CIS region.

The article highlights the estimates of the western “think tanks” of the reasons of the “frozen” conflicts on the post-USSR space, of the Russian Federation’s role and the participation of external actors (the EU and the USA) in their settlement. Giving the research of the approaches of the western expert analytical centers, the authors reach a conclusion about a set course of the western political scientists’ estimates. It reflects in assignment of a unilateral responsibility for a conflict inhaling or its unleashing on Russia, or on the party of a conflict, closed to the official Moscow. It is particularly obvious in the Ukrainian crisis: the Western countries consider our state as its main initiator.

According to the authors, such a narrow-mindedness is caused not by the incompetence of the experts of the “think tanks”, but by the political course and tasks of the power structures of those countries. The western “think tanks”, especially in the USA, are capable to participate directly or indirectly in the political decision-making process. This points to the fact of the political prejudice of the activity of these “think tanks”.

Key words: think tanks, regional security, geopolitics, the frozen conflicts, the Ukrainian crisis, the Transnistrian conflict, the Nagorno-Karabakh conflict, Russia, EU, USA.

REFERENCES

Abelson, D.E. (2002). *Do think tanks matter? Assessing the impact of public policy institutes USA*. McGill-Queen’s University Press.

Babilunga, N.V., Bomeshko, B.G. (1998). *Pridnestrovskij konflikt: istoricheskie, demograficheskie, politicheskie aspekty* [Transnistrian conflict: historical, demographic, political aspects]. Tiraspol’.

Cisleanu, R.C. (2014). *Political and military challenges of the Republic of Moldova in the context of security in the Black Sea basin*. URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a619715.pdf> (accessed: 15.01.2016).

De Waal, T. (2013). *Nagorny Karabakh: Closer to War than Peace*. Chatham House. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/250713summary.pdf> (accessed: 15.01.2016).

Displacement and Status in the Nagorno Karabakh Conflict. (2012). Chatham House. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/211112summary.pdf> (accessed: 15.01.2016).

Groza, I. (2015). *Study on the implementation of key energy provisions of the EU-Moldova association agreement*. Konrad Adenauer Foundation. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_44092-1522-2-30.pdf?160202165659 (accessed: 15.01.2016).

Gushchin, A.V., Markedonov, S.M., Cibulina, A. (2015). *Ukrainskij vyzov dlya Rossii. Rabochaya tetrad'*. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam [Ukrainian challenge for Russia. Workbook. Russian Council on International Affairs]. Moscow, 24.

Gushchin, A.V., Markedonov, S.M. (2016). *Pridnestrov'e: dilemmy mirnogo uregulirovaniya. Analiticheskij doklad. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam* [Transnistria: the peaceful settlement of the dilemma. Analytical report. Russian Council on International Affairs]. Moscow.

Kurylev, K.P. (2012). Integraciya v ES kak odin iz prioritetrov vneshnepoliticheskogo kursa ukrainy [Integration into the EU as one of the priorities of Ukraine's foreign policy]. *Vestnik RUDN. Seriya Vseobshchaya istoriya*, 2, pp. 76—91.

Kurylev, K.P. (2011). Problema Pridnestrovskogo uregulirovaniya v kontekste ot-noshenij Rossii i Ukrainy [The problem of the Transnistrian settlement in the context of relations between Ukraine and Russia]. *Vestnik RUDN, International Relations*, 4, pp. 61—71.

Kurylev, K.P. (2014). Vliyanie social'-no-jekonomicheskoy situacii na Ukraine na ee vnutripoliticheskuju nestabil'nost' [The influence of socio-economic situation in Ukraine on its internal political instability]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, Tambov: Gramota, 7(1), pp. 178—182.

Kurylev, K.P. (2014). Jetnokonfessional'naja situacija na Ukraine kak faktor vnutripoliticheskoj nestabil'nosti [Ethno-confessional situation in Ukraine as a factor of political instability]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 5(3), pp. 114—117.

Kurylev, K.P. (2014). Ukrainskij krizis 2013-2014 gg i arabskaya vesna 2011 g skhodstvo i razlichie [Ukrainian crisis of 2013-2014 and the “Arab Spring” of 2011: the similarities and differences]. *Vestnik RUDN, International Relations*, 4, pp. 25—38.

Kurylev, K.P., Gavrikova, K.V., Pospelova, E.A. (2015). Jekspertno-analiticheskie centry na Ukraine: harakter i osobennosti [Expert-analytical centers in Ukraine: the nature and characteristics]. *Vestnik RUDN, International Relations*, 3, pp. 99—109.

Kurylev, K.P. Savicheva, E.M. (2010). *Sodruzhestvo nezavisimyh gosudarstv* [Commonwealth of Independent States]. Uchebno-metodicheskoe posobie dlya bakalavrov i magistrav napravlenij podgotovki mezhdunarodnye otnosheniya, politologiya, istoriya [Training Toolkit for bachelors and masters]. Moscow, 2nd ed.

McFaul, M., Sestanovich, S., Mearsheimer, J.J. (2014). Faulty Powers. Who Started the Ukraine Crisis? *Foreign Affairs*, 93(6).

Mearsheimer, J.J. (2014). Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. *Foreign Affairs*, 93(5).

Menon, R., Rumer, E.B. (2014). *Conflict in Ukraine: The Unwinding of the Post-Cold War Order*. Massachusetts: The MIT Press.

Russia and East Central Europe after the Cold War. Ed. By A. Zagorsky. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/11384.pdf> (accessed: 15.01.2016).

Sakwa, R. (2015). *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. London: I.B. Tauris & Co LTD.

Sherr, J. (2009). *Moldova's Crisis: More than a Local Difficulty*. Chatham House. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/170409moldova.pdf> (accessed: 15.01.2016).

Sullivan, C., Standley, S., Keagle, J.M. (2015). *Responding to Russia after the NATO Summit: Unmanned Aerial Systems Overmatch in the Black Sea*. URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a617199.pdf> (accessed: 15.01.2016).

Received: 30.01.2016

For citations: Kurylev K.P., Ngoyan A.L., Palacios E.P., Skudina O.V. (2016). Unsettled conflicts in the Post-Soviet space in the analysis of the western research centers. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (3), pp. 482—493.

© Курылев К., Нгоян А., Паласиос Э., Скудина О., 2016

WESTERN BALKANS IN THE LIGHT OF REGIONAL SECURITY COMPLEX THEORY

I. Pejic

RUDN University, Moscow, Russia

This article analyzes an acute international security issues of Western Balkans sub-complex using Regional Security Complex Theory (hereinafter RSCT) as an advanced theoretical approach.

The study allows not only to identify the key elements and main features of RSCT, but also to form an idea of the Western Balkans as an extremely heterogeneous and conflict region.

With the aim to confirm RSCT on the example of Western Balkans sub-complex, the author raised number of tasks, among which are: application of four levels of RSCT in order to analyze such Western Balkans security dynamics as relations between the countries in the region, relations of the region with neighboring regions and the role of global powers in the region; another task of the paper is analysis of Western Balkans as a sub-complex within the European Regional security complex. This issue is one of the reasons why Balkan itself deserves special attention of RSCT, as during the 90s there was a possibility for it to form a special RSC, due to all specifics that were taking place at that time. As a result of research, the author gives three possible scenarios for Western Balkans sub-complex to become part of European Regional Complex in the future.

The main conclusions of the article stress that Western Balkans retain their specificity, which requires a separate study and a special approach, and also confirm that RSCT is an effective methodological tool, which allows researchers to analyze regional international political processes in the field of Western Balkans security.

Key words: The Balkans; Regional Security Sub-Complex; RSCT; Analysis; Dynamics; Global Powers, EU; Integration.

For many years and especially during the Cold War, security studies were dominated by theories which were explaining security relying mainly on political and military aspects. These theories frequently overemphasized undoubted importance and influence of super powers on the security dynamics of different regions and almost they completely neglected local actors and the way how they shape the same region.

Just a cursory glance at the situation and relations in the Western Balkans is sufficient to conclude that this is a very complex region. In this regard, the author of the paper believes that the analytical part of the research needs a modern approach in order to analyse problems of regional security and uses the Regional Security Complex Theory (hereinafter: RSCT) as the main instrument for the research. This theory represents a significant step forward in international security studies, because it considers regional security sub-systems (complexes) as objects of its analysis. Taking this into account, the author used the methodology of regional security complex theory in order to analyze Western Balkans subsystem (complex) as an object and main focus of security analysis. The methodology also includes the principles of objectivity, scenarios, as well as analysis and synthesis.

The change of global security constellation was caused by the collapse of the Soviet Union, and it significantly contributed to review of the former theoretical framework

for the analysis of international security. The perceived disadvantages, shortcomings and inadequacy of the former theoretical conceptual apparatus, represented the epistemological precondition for the development of new approaches in the study of international security, which take into account changes that occurred after the Cold War. One of such approaches is the Regional Security Complex Theory, developed by Ule Waever and Barry Buzan, the founders of the Copenhagen School of International Relations. In their book “Regions and Powers: International security structure”, Buzan and Waever observed that there are global and great powers on systematic level, that there is one global (United States) and four great powers (EU, Russia, China, Japan) and 6 regional security complexes [Buzan, Waever 2003: 50]. To date, Regional Security Complex Theory is the most effective and most developed methodology of regional policy measurements of international policy [Lukin 2011: 2]. The main idea of this theoretical approach is that, in spite of globalization, the majority of security threats in international relations still have a territorial character and the level of these threats depend on the geographical distance [Todorova 2006: 42].

Emphasizing the relative autonomy of the studied complex and its regional security dynamics (compared to units that are not part of that complex), the authors of RSCT advocate the idea that single units by themselves build complex, and they are part of it. This is diametrically opposite approach of the Cold War security paradigm in which two superpowers, sometimes with less, sometimes with more confrontation, were determining their spheres of interest and were making regions from, top-down'. One of the first attempts to define the regional security complex was originated from Buzan, who was explaining RSC as “a group of states whose primary security concern so closely connected that their national security can't be reasonably considered separately” [Buzan 1983: 106].

After recognizing the possibility of the presence of other actors, as well as highlighting different security sectors, a few years later, Buzan and Waever transformed the existing definition of a regional security complex. They defined RSC as “a set of units whose main processes of securitization and/or desecuritization so much connected that their security problems cannot be analyzed or solved separately” [Buzan 1998:201].

In an attempt to respond to the question why regions appear as a special type of territorial subsystem, Volc reminds that the fact that units (states) are more fixed rather than mobile, should also be noted [Volc 2008:68].

Analysing regional problems I.M. Busygina uses the term “region” as an integrated system with its structure, function, its history, culture, living conditions, relationship with other regions [Busygina 2001: 7—15].

Serbian theoreticians define region as a natural entity, which appears spontaneously and naturally [Wilingten 2013: 429—451].

Taking into account these and many other different definition of the region, we agree with the notion that in modern educational and scientific literature the interpretation of region is not clear and often contradicting [Volkova 2002: 27].

In contemporary international relations theory, it is taken for granted that main political units are not mobile, but it should be taken under consideration that countries

are always fixed for a concrete territory, and they are forced to have certain relations with their neighbors. These relations can be very different. Buzan and Waever grouped them into models of friendship and enmity. This shows that the regions are socially constructed by their members. This brings constructive element in RSCT, which makes it different from any other theories.

“Scientific regional geography generally do not divide the Balkan peninsula on the east, west, north and south. Balkan peninsula is composed of three major natural areas: Aegean region, Pindos-Dinaric area and the continental block, and not one of them is marked as “western” or “western Balkans” [Cvijic 1991: 14—15]. Without entering in endless debates of what Western Balkans is, the author would like to note that the term “Western Balkans” has got rather political than geographical significance, and has been used for the first time in European Union official documents in the beginning of 1990s [Tiri, Donila 2009: 1107]. Nowadays, the term is used to address the Balkan states that still are not part of the European Union, but declared their aspiration towards the membership, and it includes Albania, Bosnia-Herzegovina, Kosovo, Macedonia, Montenegro and Serbia.

One of the main historical characteristics of the Balkans is that the region has been often divided and ruled by different empires, kingdoms, and various types of regimes [Pop 2013: 107]. Before and after the Cold War, the basic structure of the Balkans sub-complex did not change significantly. In modern conditions, the Balkan region is one of the most important cross-border regions in the global political arena, which has, on the one hand, favorable geo-strategic position, and on the other hand, high conflict potential. Western Balkan region plays an important role in the global system of international relations, even though currently a common Western Balkans identity is almost unimaginable.

RSCT ANALYSIS ON THE EXAMPLE OF WESTERN BALKANS SECURITY DYNAMICS

When analyzing RSC in the Western Balkans, the author of the article starts from the assumption that for understanding of the security dynamics in the regional security sub-complex Western Balkans, it's necessary to take into account all four levels of RSCT analysis: internal security, relations between the countries in the region, relations of the region with neighboring regions and the role of global powers in the region.

Although, geographically speaking, the territory of Western Balkans is not large, internal dynamics which happen there, are mainly caused by the heterogeneity of the peoples who inhabit it. The consequence of it is that this territory has become the source of many conflicts whose consequences are still visible, but at the same time it is labeled as a region with great potential for the escalation of new conflicts. In this sense, the area of the Western Balkans has a few potential focal points, because different ethnic groups intertwine on the territories of most countries in the region, and each of them has its own identity designed and built through the prism of the potential threats from other ethnic groups.

Security dynamics between the countries of the Western Balkans are strong and contradictory, especially at the most common “triangular”: Croatia — Serbia — Bosnia;

three entities within Bosnia; Slovenia — Serbia — Croatia. As a result of such interlocking triangles, each conflict is being easily reflected in the large number of countries. According to Buzan and Waever, even if some permanent alliances would form, they would have been ensued on a religious basis (“Islamic arc” — Turkey, Albania, Kosovo and one part of Bosnia and Herzegovina (Federation of Bosnia and Herzegovina), on one side, and Greece, Bulgaria, Serbian part of Bosnia and Herzegovina — Republic of Srpska, and Serbia. They added that the model of potential conflict on Western Balkans is too complicated and the number of participants is too big [Buzan, Waever 2003: 386]. When it comes to international impact, the question of the future of quite various protectorates in Bosnia and Kosovo, remains open. The way in which a particular nation or nations build their identity and the way we perceive their identity and their position in relation to the neighboring nation to the fullest extent influences the security dynamics between two peoples and wider area, too.

When looking at the overall security constellation, it can be said that the internal security level is especially important in the countries of the Western Balkans, because internal security in other Balkan countries is more stable. Of course, this is due to their membership in the EU and NATO. Full membership in these organizations provides a completely new quality to the countries and presents a new institutional mechanism for the realization of their national interests.

Serbia has traditionally been seen as the central country of the Western Balkans region. The complex nature of the Serbian issue in Western Balkans and security dynamics inside and outside Serbia, Kosovo and Bosnia and Herzegovina, have the potential for both positive and negative development in the future [Pop 2011: 81].

The aim of international administrations in Kosovo (since 1999) and Bosnia and Herzegovina (since 1995) was to build independent political institutions, which are able to resolve political conflicts peacefully. The functioning of these institutions which were created heavily depended on the international administrations authority. The absence of conflict resolution obstructed domestic institutions to become independent. It means that they didn't have a power to act. Because the international administrations have got broad powers to make peace and to build political institutions, domestic actors expected the international administrations to make some major political decisions. This led to a situation when the functioning of the domestic institutions seriously depended on the international administrations' authority [Sokolova 2007: 199]. In turn, this institutional dependence proved one of the characteristics of the RSC, and that is the influence of the external powers. Leading regional geopolitical players in the region that are present in the region are US, EU and Russia, so the main characteristic of the Balkans is that it is more an object than a subject of world politics. The Balkans might be considered as the case of overlay during the Yugoslav wars (1991—1999), the period when the region was greatly influenced by external forces, including the EU, USA and Russia. However, since each of the countries involved in the conflict had powerful friends abroad, they continued to hope for their support, and it made them less willing for compromise” [Buzan, Waever 2003: 383]. From the beginning, the Croats expected support from Germany, Serbians hoped for Russian support, and Muslims counted on

the support from the US. Therefore, none of the countries did not show any signs of willingness to compromise, and relevant external forces had a major impact [Pop 2013: 109].

Western Balkans became “a powder keg” of Europe every time when the Europe and America would start to interfere, but much of it depended and still depends on the purposes of Russian policy in this part of the Old World¹. The existing relations between Serbia and Russia present an obstacle to inclusion of complete Balkan region in, especially because Russia is a Serbian strategic partner, which has important role in regional and international relations of Serbian policy [Mouritzen 1997: 66—68].

At the present time, unclear boundary of Western Balkans sub-complex has got two cores: the first group are the core of conflicts between Serbs, Croats and Bosniaks; and the second core is around Macedonia, where Albania, Serbia, Bulgaria and Greece are also involved. Security dynamics often have the triangle form of conflicts: Slovenia, Croatia, Serbia; Croatia, Serbia, Bosnia; three ethnic groups in Bosnia, etc. In general, the Balkans have always been example of formal and informal alliances in which religion played a very strong role for ethnic or national identity. These alliances include, for example, “Islamic arc” linking Turkey, the Federation of Bosnia and Herzegovina (Bosnia and Herzegovina), Albania and Kosovo; and the alliance formed by the Orthodox Greece, Bulgaria, Serbia and the Republika Srpska (Bosnia and Herzegovina) [Buzan, Waever 2003: 384—386].

After the wars that led to the breakup of Yugoslavia, the question is which of security problems prevail in the Western Balkans at the beginning of XXI century. On the internal level, of course, the problem is the nature of the Western Balkan countries, which are still facing many problems that prevent democratization. At the head of the list is the lack of consensus about the basic principles, values and priorities of the political and economic system, as well as their future place in Euro-Atlantic integration. As a matter of fact, societies are still essentially divided in various ways, which presents an obstacle of the overwhelming consolidation of democracy, and also the normal functioning of institutions. Freedom of media is endangered by governments and by strong economic and political groups.

Practically, each of the Western Balkans countries which are outside of the EU still faces difficulties of institutional or structural nature, such as the weakness of the functioning of democratic institutions in Albania, dysfunctional political structures in Bosnia and Herzegovina, the problem of Serbia's borders in the context of the unilaterally proclaimed independence of Kosovo, Macedonia difficulties in dealing with its neighbors, internal ethnic divisions and so on.

According to the Serbia's National Strategy document, such problems in the region as post-conflict legacy, organized crime, national, religious and political extremism are very common in the countries of the Western Balkans². The religion comes on the

---

¹ Guskova, E., 2009. Balkany kak osnova novogo miroporádka [Balkans as a basis for a new world order], *Russkii Dom*. URL: <http://rusdom.ru/node/1364> (accessed: 18.01.2016).

² *Strategija Nacionalne Bezopasnosti Srbije*, 2009.

surface, as it represents and sets a line of separation and the most important element in defining the national identity (Croat / Serb, three entities in Bosnia and Herzegovina, Kosovo Albanian / Kosovo Serb Orthodox Macedonians / Albanians). Religious and ethnic heterogeneity affect the economic development of these countries, especially those which have a complex religious structure, primarily Bosnia and Herzegovina, Macedonia, Serbia, Montenegro. [Halilovic 2012: 195—197]

There are number of issues in the Western Balkans of societal and political sectors, such as: Will Bosnia and Herzegovina remain as it is or it will divide into two or three countries; Will Kosovo be independent in the future, a part of Serbia or possibly part of a Greater Albania; The position of Albanians in southern Serbia; The relationship between the large Albanian minority and the Slovenian majority in Macedonia, which caused open violence in early 2001; and many others. In the Western Balkans, political and ethnic ground has not ceased to tremble, because it is believed that the processes of nation states construction which started at the time of disintegration of socialist Yugoslavia, have not finished yet. Kosovo and Metohiya and Bosnia and Herzegovina present two focal points of this region that give character to this regional security sub-complex, so it is not difficult to conclude that the sustainability of the current status of Kosovo and Metohiya and Bosnia and Hercegovina is questionable. Each unit of this sub-complex wants a different status for these entities in accordance with its national interests.

Beside historical, political, juridical, cultural and linguistic closeness of units regional security sub-complex of Western Balkans (RSSCWB), the thing which clearly outlines the boundary of this sub-complex is the involvement of all actors and different interests in terms of “final solution” for Kosovo and Bosnia and Herzegovina (Republic of Srpska). This situation brings new challenges and can lead to new cycles of destabilization in the region. In the respect of this, the possibility that the Western Balkans becomes separated RSC, with clear boundaries, is still not completely excluded. The international community and local actors securitize increasingly transnational nature of criminal phenomena, such as illegal drug trafficking, human trafficking (prostitution — often in the form of slave-like and organized illegal migration to the West), weapons trafficking, and organized crime in general. These challenges are supported and reinforced by the above mentioned conflicts, by weak state structures and numerous fissures and conflicts within societies. Looking at the overall constellation of the Balkans, based on this, it can be said that the internal level is especially important in the countries of the Western Balkans.

WESTERN BALKANS SUB-COMPLEX AS THE PART OF EUROPEAN REGIONAL COMPLEX

When it comes to the Western Balkans, the concept of the sub-complex becomes the central category in the RSCT. At the beginning of early 1990s the Balkans had a possibility to become a separate RSC. During this period, the Balkan region has been relatively separated from the European Regional Security Complex (ERSC), because the security dynamics were more intensive inside the borders within the former Yugoslavia.

Differences in power, combined with geographic closeness allow external actors to shape this territory. This is exactly what determines the Western Balkans as a potential part of a European RSC.

The most concrete incentive for entering Western Balkans entire region into the EU was given on the EU-Western Balkans summit in June 2003, when the Heads of State and Government of the EU stated that “the future of the Western Balkans is in the European Union”, and confirmed that all countries of former Yugoslavia countries and Albania are “potential candidates” for EU membership [Kronja, Lopandic 2012: 8].

Regardless of the apparent decrease in enthusiasm in the EU countries in relation of the process of its further expansion (which is reflected in the fact that summit EU-Western Balkans was never held again after 2003), the integration policy still continued. Croatia signed an agreement on joining the European Union (which was implemented on July 1, 2013) after six years of negotiations in December 2011.

Montenegro was officially accepted as a candidate for EU membership in December 2011 and Serbia in March 2012. There is a possibility that the European Council might consider the possibility to grant candidate status to Albania and Bosnia and Herzegovina in near future, while open membership negotiations with Montenegro and Serbia are already open.

Negotiations with other countries of the Western Balkans can last from half of the decade (very optimistic variant) to an entire decade, and possibly even longer. The absence of a “European perspective” would probably cause new turmoil in the region where national-ethnic divisions haven’t stopped yet, where nationalist ambitions are still strong and where the socio-economic problems are more difficult than elsewhere in Europe.

The EU is currently in a crisis that can be developed in different ways. This affects the enlargement and integration policy, and thus the process of regional cooperation in Western Balkans sub-complex [Kronja, Lopandic 2012].

As the RSCT theory can be used to assess the empirical situations and for regional security forecasting [Mikhailenko 2014: 73], one can imagine various scenarios in the further evolution of the relationship between enlargement EU on the one hand, and regional cooperation on the Balkans, on the other.

One of the options is that EU finds a way out of the crisis soon. It would result in the strengthening of the Union, and would have a positive impact on policy of expansion at the same time just like as in previous crises. This scenario would make countries in the Western Balkans region more interested and active in regional cooperation, and it would strengthen the Regional Cooperation Council and the Cooperation Process in Southeastern Europe which would represent the true voice of the region. Bilateral relations would improve and many open issues on Western Balkans region would be solved. This scenario is the most difficult to achieve, but it would make everybody win, as the positive effects would multiply both in the European Union and in Western Balkans countries.

The most negative scenario would be further deterioration of the situation in the EU because it hasn’t found the right solutions for the crisis yet. In such conditions, the in-

terest of Western Balkans countries for EU integrations would temporarily disappear. This could decrease the interest in regional cooperation and it would worsen the internal situation in the countries of the region. Unresolved bilateral issues would lead to a deterioration of bilateral relations between the Western Balkans countries. Bilateral issues as well as problems in some areas of potential crisis (Macedonia, Bosnia, Kosovo) would be strengthening.

Third scenario would be “medium” scenario in which the negative and positive effects of the situation in the EU would be changing turns in relation to the enlargement process and regional cooperation, so that the general picture would not be as negative as in a previous option. EU would manage to calm the current crisis, but yet not to solve it in a sustainable and lasting way.

The way how the events and relationships in this field will develop further, depends on the determination of the European Union to make a strategic steps towards the Western Balkans. Steps that have been made so far, show that the European Union seeks to involve the region in its further integration. On the other hand, there was the possibility that these same forces which are now pushing the Western Balkans towards the European complex, detach and leave the Balkans, so that traditional security issues of Western Balkans are kept away outside of Europe.

There was even an ideological basis for this in terms of availability of discourse “Balkanization”, that in general indicates not only the fragmentation of large and powerful political units, but has already become synonymous for the return of tribal, backward, primitive and barbarian [Trapkovic, Pusic, Shyhyukovich 2007: 62].

However, Western Balkans will not be left on its own, as the external actors have always been crucial for the development of the Western Balkans, and they still are, especially West and Russia who have taken over management of the further development of the Balkans.

***

This article starts from the assumption that RSCT gives us a convenient theoretical instrument for analysing the security dynamics in Western Balkans. For understanding of the security dynamics in this sub-complex, it was necessary to take into account all four levels of analysis: internal security, relations between the countries in the region, relations of the region with neighboring regions and the role of global powers in the region.

The extent to which the dynamics that are characteristic for ERSC (integration, expansion) will be extended to the Western Balkans, depend on the internal policy in the Western countries, internal dynamics of the region and the external context. All that requires a constant monitoring of the situation in this region, as well as the definition of global powers’ interests and approaches to their realization.

Presently, the Western Balkans can be considered as a sub-complex, but at the end of the day, it might become the part of the European super-complex [Pop 2013: 109]. On the other hand, it is necessary to note that Western Balkans is often mentioned in EU in the context of concern for the security and stability of the region, however not

only for its internal security but also for the overall security of Europe, as the further insecurity in the Balkans would have implications on the broader European security. It is also not excluded that in future, Western Balkans will become separated RSC with clear boundaries, due to its security dynamics.

According to Natasa Zambeli, European perception of the Western Balkans is based upon idea that the Balkans is totally different and opposite part of the world from Europe, and being a part of the Western Balkans is considered as an obstacle toward European integrations [Zambeli 2010: 55—76].

So, the Western Balkans has not yet become separated RSC, but the question is what permanent form it will get: whether it will still be sub-region or it will be fully merged into Europe? There are also many other questions left like: What if the Western powers are already tired of Albanian mafia, Montenegrin corruption, continuous local violence in Kosovo, ethnic tensions in Bosnia and Hercegovina and Macedonia; etc. Buzan and Waever predict that Western Balkans is on the way to become eventually transformed into an integral part of Europe and not as a part without problems, but as a part with east-central European issues [Buzan, Waever 2003: 383—386].

Based on our research, we can finally confirm that RSCT is an effective methodological tool, which allows researchers to focus on international relations, to analyze regional international political processes in the field of security and their relationship in global context [Zhuravlev 2015: 4].

REFERENCES

- Buzan, B., Waever, O. (2003). *Regions and powers: The structure of international security*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buzan, B. (1983). *People, states, and fear: The national security problem in international relations*. Brighton: Wheatsheaf Books.
- Buzan, B., Waever, O., de Wilde, J. (1998). *Security: a new framework for analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, Inc.
- Busygina, I.M. (2001). Kontseptual'nyye osnovy yevropeyskogo regionalizma [Conceptual bases of European regionalism]. *Regiony i regionalizm v stranakh Zapada i Rossii*. Moscow.
- Cvijic, J. (1991). *Balkan peninsula*. 2nd ed., Vol. 2. Belgrade: SANU; NIRO Literary Gazette, pp. 14—15.
- Halilovich, E. (2012). *Postsovjetski geopoliticki prostor i Balkan*. Sarajevo: Dobra Knjiga.
- Kronja, J., Lopandich, D. (2012). *Regionalna saradnja u Jugoistočnoj Evropi i evropske integracije — u potrazi za neophodnom komplementarnošću*, Evropski pokret Srbija, Friedrich Ebert Stiftung Fondacija, regionalna stručna rasprava.
- Lukin, A.L. (2011). Teoriya kompleksov regional'noy bezopasnosti i Vostochnaya Aziya [The theory of regional security complexes and East Asia] *Regionovedcheskiye issledovaniya, Oykumena-nauchno-teoreticheskiy zhurnal*, 2 (17).
- Mikhaylenko, Ye.B. (2014). “Stariy” i “noviy” regionalism: teoreticheskiy diskurs [“Old” and “new” regionalism”: Theoretical discourse]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Mouritzen, H. (1997). *The Future of International Relations*. London: Routledge.
- Nikolic, G. (2010). Da li je etnicka i kulturolosko-religiozna razlicitost prepreka ekonomskom razvoju? *Međunarodni problemi*, 62(2), pp. 329—347.
- Pop, A. (2011). The Independent Statehood Between the Domino and the Boomerang Principles: The Case of Kosovo. *International Conference about Balkan and North Cyprus Relations: Perspectives*

tives in Political, Economic and Strategic Issues, Center for Strategic Studies, Eastern Mediterranean University, Famagusta, 81.

Pop, A. (2013). The Independence of Kosovo in the Light of Regional Security Complex Theory. *European Journal of Science and Theology*, 113.

Sokolova, P.S. (2007). *Balkanskiy region i yevropeyskaya bezopasnost': aktual'nyye problemy i puti ikh resheniya* [The Balkan region and European security: current problems and their solutions]. Moscow.

Tiri, E., Donila, P. (2009). *The European Perspective of Western Balkans*. Albania West University of Timișoara.

Todorova, M. (2006). *Imaginarni Balkan*. Beograd.

Tripkovich, M., Pusic, L., Shlhyukich, S. (2007). *Raskrsca Srbije*. Novi Sad, Odsek za Sociologiju.

van Willigen, N. (2013). East European Politics, The geopolitical battle for Serbia, Newsmagazine Federal Assembly-Parliament Russian Federation, *The Russian Federation today*, 9, pp. 429—450.

Volc, K. (2008). *Teorija međunarodne politike*, Centar za civilno — vojne odnose, Beograd.

Volkova, Y.G. (2002). *Regional'nyye issledovaniya*. [Regional studies]. Rostov n/D: Phoenix.

Vucic, S., Milenkovic, M. (2014). *Makedonija: Faktor stabilnosti ili nestabilnosti u regionalnom podkompleksu Zapadni Balkan?* pp. 423—442. DOI: 10.2298 / MEDJP1404423V.

Zambeli, N. (2010). Between the Balkans and the West: A problem of Croatian Identity in the Post Tadjman Period and Discursive Reconstruction of the Region. *Politicka Misao*, 1, pp. 55—76.

Zhuravlev, V.E. (2015). Ispol'zovaniye metodologiji teorii kompleksov regional'noy bezopasnosti v distipline "Geopolitika" [Use of Regional Security Complex Theory methodology in the Discipline of "Geopolitics"]. *REU Universitet imeni G.V. Plehanova, Inetput konferenciya*, Moscow.

Received: 16.03.2016

For citations: Pejic, J. (2016). Western Balkans in the Light of Regional Security Complex Theory. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (3), pp. 494—504.

ЗАПАДНЫЕ БАЛКАНЫ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ КОМПЛЕКСОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

И. Пейч

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В данной статье анализируются актуальные вопросы международной безопасности подкомплеса Западных Балкан при использовании теории комплексов региональной безопасности (ТКРБ) в качестве современного теоретического подхода.

Исследование позволяет не только идентифицировать ключевые элементы и основные черты ТКРБ, но и сформировать представление о том, насколько Западные Балканы являются гетерогенным и конфликтным регионом.

С целью подтверждения ТКРБ на примере подкомплеса Западных Балкан перед автором был поставлен ряд задач, среди которых: применение четырех уровней ТКРБ для анализа таких

вопросов безопасности на Западных Балканах как внутренняя безопасность, отношения между странами в регионе, отношения региона с соседними регионами и роль глобальных сил в регионе; другой задачей работы является анализ Западных Балкан как подкомплекса в рамках Европейского регионального комплекса безопасности. Этот вопрос является одной из причин, поясняющих, почему Балканы заслуживают особого внимания со стороны ТКРБ, так как в 90-е годы появилась возможность для того, чтобы в регионе сформировался отдельный комплекс региональный безопасности. В результате проведенного исследования автор дает три возможных сценария для развития подкомплекса Западных Балкан, чтобы стать частью Европейского регионального комплекса в будущем.

Основные выводы статьи заключаются в том, что Западные Балканы сохраняют свою специфику, которая требует отдельного исследования и особого подхода, и что ТКРБ является эффективным методологическим инструментом, который позволяет исследователям проанализировать региональные международные политические процессы в области безопасности на Западных Балканах и их связи в глобальном контексте.

Ключевые слова: Западные Балканы, региональный подкомплекс безопасности, ТКРБ, динамика безопасности, мировые державы, ЕС, интеграция.

Дата поступления статьи: 16.03.2016

Для цитирования: *Пейч И.* Западные Балканы в контексте теории региональных комплексов безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 494—504.

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

СОТРУДНИЧЕСТВО УЗБЕКИСТАНА И РОССИИ КАК СТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С.П. Базылева, Е.Ф. Черненко

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Уход президента Узбекистана И. Каримова побудил авторов статьи предпринять попытку анализа того наследия, которое он оставил после себя как крупный политический деятель современности, в том числе в контексте интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

В статье рассматриваются отношения Узбекистана и России в контексте активизации интеграционных процессов в Евразии на примере ЕАЭС и ШОС, происходящих в период повышенной турбулентности мировой системы в 2014—2016 гг., обострения отношений России с Западом в связи с введением антироссийских санкций и переориентации российской внешнеэкономической политики на Восток.

Авторы рассматривают развитие узбекско-российских отношений на широком историческом фоне в свете интересов обеих стран, возможностей повышения их конкурентоспособности в условиях усиления кризисных явлений в современном мире в целом и на евразийском экономическом пространстве, в частности. Объединение усилий двух стран в борьбе с международным терроризмом — одним из наиболее серьезных вызовов современности, участие в решении актуальных проблем международной безопасности на континенте в рамках интеграционных объединений могли бы придать дополнительный политический вес обеим странам.

Показана способность Узбекистана и России искать и находить компромиссы в процессе урегулирования спорных вопросов политического и экономического взаимодействия. В статье обращается внимание на нереализованные возможности узбекско-российских отношений, которые рассматриваются как возможный фактор развития интеграционных процессов в Евразии.

Ключевые слова: Россия, Узбекистан, санкции, сотрудничество, Запад, ЕАЭС.

Исследовательская цель — показать, что позитивное развитие отношений Узбекистана с Россией соответствует его национальным интересам, приносит экономическую выгоду, отражается на его интеграционной политике, повышает политический авторитет страны в современном мире, может способствовать решению проблем безопасности континентального и глобального масштаба.

Для достижения поставленной цели авторами были определены следующие **задачи исследования:**

- оценить роль Узбекистана и России в интеграционных процессах Евразии;
- изучить исторический фон, на котором развивались политические, социально-экономические и культурные отношения России и Узбекистана;
- выявить национальные интересы двух стран в ходе реализации совместных проектов и программ сотрудничества;
- дать анализ возможных альтернатив узбекско-российскому сотрудничеству;
- рассмотреть современное состояние и наметить возможные перспективы сотрудничества России и Узбекистана.

Исследование имеет практическое значение не только для узбекско-российских отношений, но и для углубления интеграционных процессов на пространстве Евразии.

Методология исследования определяется его целью и задачами, а также позицией авторов, которые осознают, что в силу актуальности заявленной темы последняя привлекает внимание и других авторов в разных странах. Однако авторы настоящего исследования предлагают комплексный анализ узбекско-российских отношений в контексте региональных интеграционных процессов с привлечением разнообразных информационных источников (в том числе таких, которые ранее не были включены в научный оборот), отражающих широкий спектр мнений и научных подходов.

Исследование является междисциплинарным и реализовано на стыке истории, экономики, международных отношений, права и других наук. Такой подход представляется наиболее продуктивным, так как позволяет всесторонне и объективно изучить предмет исследования.

Настоящее исследование основывается на системном подходе к истории отношений Узбекистана и России, изучению их динамики, проблем и перспектив с современных позиций, когда регионализация нередко вступает в противоречие с мегатрендом глобализации. Рассматриваемые явления и процессы имеют причинно-следственную связь. Авторами применен сравнительно-сопоставительный метод исследования, ивент-анализ для изучения эволюции узбекско-российских отношений в период 2014—2016 гг., выявления того, как развитие этих отношений отражается на активизации интеграционной политики Узбекистана.

Историография проблемы. Внимание российских исследователей (Ю.М. Иванов, О.Н. Меликян, Ю.В. Арутюнян, С.С. Савоскул) после распада СССР и нарастания на первых порах дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве привлекали, в первую очередь, проблемы национализма и межнациональных отношений, а также начавшая обсуждаться «проблема русскоязычного населения» в новых независимых государствах, в том числе Узбекистане.

Так, Ю.М. Иванов и О.Н. Меликян ищут причины всплеска национализма как в национальной политике, проводившейся в СССР со времени установления Советской власти (сталинская политика русификации и репрессирования целых

народов), так и в негативном взаимодействии ряда факторов в конце 1980-х — начале 1990-х гг. («национальное возрождение» на окраинах СССР, изменение языковой ситуации на фоне резкого ослабления роли союзного центра и последующего распада СССР). При этом подчеркивается особая стабилизирующая роль России на постсоветском пространстве, ее потенциальная способность урегулировать возникшие конфликты.

Ю.В. Арутюнян исследует проблемы трансформации социально-политического сознания русского и русскоязычного населения новых независимых государств на примере России, Эстонии и Узбекистана.

В 2014—2016 гг. Россия пережила необычайно сложное время. Обозначившийся в последние годы тренд на снижение темпов экономического роста еще более усугубился под негативным влиянием падения мировых цен на нефть, а также под давлением геополитических факторов. Кроме того, в связи с резким падением курса национальной валюты и инфляции возникли определенные трудности с формированием государственного бюджета России на 2016 г., вносятся соответствующие коррективы в финансово-кредитную политику. Влияние внешних причин, в свою очередь, существенным образом обостряет накопленные внутренние проблемы России в бизнесе и финансово-банковской сфере, усиливаются инфляционные ожидания и неуверенность в завтрашнем дне у части населения.

Поэтому прежние прогнозы развития экономики приходится пересматривать с поправкой на новые условия ведения бизнеса и конъюнктуру рынков. Узбекистан в своей политике официально никогда не высказывался негативно относительно действий России в отношении Крыма, а также событий на юго-востоке Украины, обеспечив себе тем самым позицию государства, в отношении которого Россия проводит политику наибольшего экономического благоприятствования.

Раздаются голоса об отсутствии «комплексного подхода к формированию российской среднеазиатской политики» и «внятной российской политики в регионе, сопряженной с ответами на угрозы национальной безопасности»; об инерционности этой политики и «отсутствии согласованного видения российских интересов и приоритетов»; о том, что «действия России в Центральной Азии в 1990-е гг. носили преимущественно реактивный характер».

Авторы настоящей статьи предлагают другой подход к этой проблеме взаимоотношений двух стран, а именно, анализ из «недр Средней Азии». Его «стержнем» будет формирование внешнеполитического курса в отношении России в Республике Узбекистан — государстве, которое в прошлом было *primus inter pares* (первым среди равных) в советской Средней Азии, а также в отношении интеграционных объединений, в которых Россия активно участвует (ЕАЭС, ШОС). Авторы рассматривают узбекско-российские отношения как фактор, потенциально способный содействовать решению многочисленных политико-экономических проблем (включая проблему международного терроризма) в регионе Евразии. Конечно, в рамках небольшой статьи сложно рассмотреть всю динамику внешней политики Узбекистана, причины «приливов» и «отливов» узбекско-российских отношений. Однако небольшой экскурс в историю необходим.

Еще в период существования СССР Узбекистан являлся одним из важнейших поставщиков плодовой, овощной, а также виноградной продукции и бахчевых культур для России и некоторых других республик СССР.

К примеру, в 1990 г. Узбекистан осуществил поставку в Общесоюзный фонд 18,5 тыс. тонн картофеля, 652,2 тыс. тонн овощей, 387,2 тыс. тонн бахчевых, 55,2 тыс. тонн плодов и ягод, 131,8 тыс. тонн винограда. В 1989 г. из Узбекистана было вывезено в другие республики СССР 156,0 тыс. тонн фруктов, в том числе и винограда, 38 млн банок консервированных овощей, 331,3 млн банок томатной пасты, 9,2 млн банок консервированной рыбы, 150 тыс. тонн растительного масла [Камалов 2015: 3].

Урожайности этих культур благоприятствовал природный климат и созданная сеть ирригационных сооружений и объектов хранения, механизированный труд, технологии переработки, что, в конечном итоге, позволило не только обеспечивать себя в полной мере указанной продукцией, но также вывозить «излишки». Тем не менее сам Узбекистан испытывал острую потребность в мясной и молочной продукции, которые ввозились в страну из Белоруссии, России, Украины и Казахстана. Оптимизация объемов производства и поставок определялась плановыми заданиями.

Распад Советского Союза неблагоприятно отразился на взаимопоставках, старые связи были утрачены, а новые, которые были основаны на других принципах, еще не заработали должным образом. Кроме того, в 1992—1993 гг. президент Узбекистана Ислам Каримов своими указами, изданными, якобы, в целях защиты внутреннего рынка, ограничил вывоз бахчевых, плодовых и овощных культур в Россию, что, в свою очередь, привело к самым неблагоприятным последствиям:

— внутренний рынок Узбекистана оказался перенасыщен вывозимой ранее продукцией, что спровоцировало резкое падение цен;

— сельскохозяйственные предприятия, а также многие фермеры понесли огромные убытки;

— были утрачены связи с российским рынком, так как туда стали осуществлять поставки собственной продукции такие страны, как Китай, Болгария, Венгрия, Польша и многие другие, что, в свою очередь, привело к уменьшению валютной выручки для узбекских экспортеров.

Дипломатические отношения России и Узбекистана были установлены только 20 марта 1992 г. 30 мая 1992 г. страны подписали «Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве»¹. В «Договоре о стратегическом партнерстве» от 16 июня 2004 г.² и «Договоре о союзнических отношениях

¹ Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан (подписан в г. Москве 30.05.1992) // Бюллетень международных договоров. 1994. № 9. С. 19—25.

² Договор о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан (подписан в г. Ташкенте 16.06.2004) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 11. Ст. 905.

ях» от 14 ноября 2005 г.³ Россия и Узбекистан зафиксировали приоритетные направления развития своего межгосударственного партнерства в военно-политической, торгово-экономической, а также гуманитарной сферах.

Договорно-правовую базу российско-узбекских отношений составляют более 270 двусторонних документов. В частности, можно отметить Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве, Договор о стратегическом партнерстве, Договор о союзнических отношениях, а также Программу экономического сотрудничества. Важнейшим документом в достижении существенного прогресса в производственном сотрудничестве предприятий ведущих отраслей экономики России и Узбекистана явилась Программа экономического сотрудничества на 2008—2012 гг.

Таким образом, отношения Узбекистана и России устанавливались на основе многолетних исторических связей, которые в настоящее время получили свое новое развитие. Россия одной из первых признала суверенитет Республики Узбекистан.

ДИНАМИКА СОТРУДНИЧЕСТВА УЗБЕКИСТАНА И РОССИИ

Сотрудничество Узбекистана и России авторы считают возможным рассматривать в контексте развития политических традиций и именно с точки зрения российского приоритета. Исторически сложилось так, что будущее Узбекистана во многом зависело от его отношений с Россией. Позиция Узбекистана по вопросам интеграции в постсоветский период всегда отличалась осторожностью и непоследовательностью. Однако Узбекистан в принятии важных решений всегда исходил исключительно из прагматических интересов. С 1999 г. Узбекистан входил в ГУУАМ (после его выхода в 2005 г. из этой организации она стала называться ГУАМ). Характерной чертой этого интеграционного объединения изначально была ориентация на европейские и международные структуры. Инициаторы союза действовали вне рамок СНГ. При этом высказывались мнения, что непосредственной целью союза было ослабление экономической, прежде всего энергетической, зависимости вошедших в него государств от России и развитие транзита энергоносителей по маршруту Азия (Каспий) — Кавказ — Европа в обход территории России.

На официальном сайте МИДа Узбекистана опубликован материал под названием «Участие Республики Узбекистан в Содружестве независимых государств», где отмечается, что «С момента образования Содружества Узбекистан был в числе тех государств, которые выступали за углубление экономической интеграции, сохранение хозяйственных связей на новой основе, без политизации этих процессов»⁴. Вместе с тем Узбекистан всегда очень чутко реагировал на по-

---

³ Договор о союзнических отношениях между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан (подписан в г. Москве 14.11.2005) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 44. Ст. 4542.

⁴ Официальный сайт МИД.РУ. URL: <http://mfa.uz/ru/cooperation/international/83/> (дата обращения: 12.02.2016).

литические изменения в своем регионе, в частности, в связи с ситуацией в Афганистане.

У Узбекистана и России много общего: это страны исторически преимущественно сельскохозяйственные, с сильными общинными традициями, приверженные сильной центральной власти, а значит с особым менталитетом, неспешностью в принятии решений. Долгий опыт пребывания в составе единого государства СССР тоже нельзя сбрасывать со счетов. Этот опыт дал не только осознание общности, но и знание особенностей друг друга, культурно-исторических, социально-психологических и других, язык общения — русский, немало смешанных браков и т.д. Сложились достаточно устойчивые направления и формы торгово-экономических связей. Однако после распада СССР и обретения Узбекистаном государственного суверенитета он опасался снова подпасть под влияние более сильного государства на постсоветском пространстве — России, но четвертьвековой опыт общения в новых условиях все больше склоняет Узбекистан на сближение с Россией и развитие разностороннего сотрудничества и может проложить путь в новое интеграционное образование на постсоветском пространстве — Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Узбекистан осознает экономическую выгоду от таможенного союза и других преимуществ интеграции со странами — членами ЕАЭС.

Долю взаимного торгового оборота в общем внешнеторговом обороте стран — членов ЕАЭС (%) отражает табл. 1.

Таблица 1

Взаимный торговый оборот в общем внешнеторговом обороте стран — членов ЕАЭС

2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
13,1	18,7	12,7	13,3	12,9	12,3	13,6

Источник: ЕЭК⁵

Как видно из табл. 1, в 2015 г. доля взаимного товарооборота в государствах ЕАЭС выросла.

Социально-экономический потенциал ЕАЭС значителен. Это территория свыше 20 млн км², 15 % мировой суши с населением на 1 января 2015 г. 182,1 млн человек. Динамика ВВП государств — членов ЕАЭС отражена в табл. 2.

Таблица 2

**ВВП государств — членов ЕАЭС
(январь—июнь 2015 г. в % к январю—июню 2014 г.)**

Страны — члены ЕАЭС	ВВП (в постоянных ценах)
Россия	96,6
Беларусь	96,7
Казахстан	107,7
Киргизстан	107,3
Армения	105,1

Источник: Статкомитет СНГ

⁵ Годовой доклад «Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств — членов Евразийского экономического союза и мерах, предпринятых государствами-членами в области макроэкономической политики». М., 2016.

Страны ЕАЭС представляют собой огромный рынок для сельскохозяйственной продукции Узбекистана. Крупнейшая страна — член ЕАЭС Россия, находясь под санкциями Запада, нуждается в узбекской сельскохозяйственной продукции. В России есть спрос и на промышленную продукцию Узбекистана (легкой промышленности, автомобилей местной сборки и т.д.). Кроме того, у России имеется немало того, что можно предложить узбекским потребителям из своего ассортимента экспортной продукции, как сырьевой, так и более высокой степени обработки.

В фокусе современной внешней политики Узбекистана находится и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в деятельности которой Россия играет заметную роль. Знаменательно, что 15-летний юбилейный саммит ШОС 23—24 июня 2016 г. проходил именно в Ташкенте. На сегодняшний день ШОС откровенно перерос свою изначальную задачу. Организация создавалась для решения территориальных споров между постсоветскими республиками и Китаем, сейчас же эти споры уже по большей части решены. С другой стороны, в регионе есть серьезный запрос на некую систему коллективной безопасности. Угрозы, исходящие от Афганистана, от ИГИЛ (организация, запрещенная в России) и от растущей напряженности в среднеазиатских странах лучше, а иногда даже и необходимо, решать сообща. И, судя по всему, лучшим форматом решения является именно ШОС. *В деятельности объединения участвуют 18 государств: 6 государств-учредителей, 6 наблюдателей и 6 партнеров по диалогу, на которые в совокупности приходится более 16 % глобального валового продукта. ШОС — это 45 % мирового населения*⁶. Помимо решения афганской и исламистской проблемы, страны — участницы ШОС, по мнению Президента России В.В. Путина, должны сконцентрироваться на создании транспортных коридоров, да и в целом способствовать экономическому росту всех стран региона.

В рамках Петербургского международного экономического форума в июне 2016 г., который проходил под девизом «На пороге новой экономической реальности», состоялась презентация аналитического доклада «Экономический пояс евразийской интеграции» о путях реализации проекта сопряжения интеграции Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути», о формировании торгово-экономического партнерства от Лиссабона до Владивостока и Шанхая. «Убежден, что подключение к этому интеграционному процессу всех участников ШОС, а также государств СНГ стало бы прологом к формированию большого евразийского партнерства», — заявил на саммите ШОС В.В. Путин⁷. Участие стран — членов ЕАЭС в проекте ЭПШП может принести реальные экономические и политические дивиденды. Это еще один аргумент в пользу присоединения Узбекистана к ЕАЭС.

---

⁶ *Итоги саммита ШОС*. URL: <http://www.gumilev-center.ru/shos-evropejskijj-arbitr/#more-42915> (дата обращения: 15.08.2016).

⁷ Выступление на расширенном заседании Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. Сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/52259> (дата обращения: 15.08.2016).

Рис. 1. Экономический пояс Шелкового пути

В последние годы взаимоотношения между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией развиваются по нарастающей во всех сферах и направлениях. Они основываются на исторических связях и традиционных узах дружбы между народами двух стран. Динамика двусторонних отношений характеризуется регулярными встречами на высшем и высоком уровнях. Стали традиционными межправительственные, межпарламентские, межведомственные контакты, форумы представителей деловых кругов, активизируется межрегиональное сотрудничество, идет взаимное обогащение по общественно-политическому, научному и культурному направлениям. Стороны всегда готовы развивать многогранное и взаимовыгодное сотрудничество, основанное на равных правах.

Важнейшим аспектом двусторонних отношений является экономическая составляющая. Россия — крупнейший внешнеторговый партнер Узбекистана, сегодня на ее долю приходится пятая часть всего товарооборота, свыше половины — со странами СНГ.

Первостепенное значение в узбекско-российских отношениях имеет взаимодействие в инвестиционной сфере, в том числе через осуществление масштабных совместных проектов в топливно-энергетическом комплексе, включая совместное проведение геологоразведочных работ, освоение на территории Узбекистана месторождений углеводородного сырья и его транспортировку. В стране успешно осуществляется инвестиционная деятельность таких российских компаний, как ЗАО «Зарубежнефтегаз» (дочернее предприятие ОАО «Газпром»), ОАО «ЛУКОЙЛ», МГНК «Союзнефтегаз» и др.

Примерами динамичного развития торгово-экономических связей являются топливно-энергетическая отрасль, области информационно-коммуникационных технологий, авиастроения и железнодорожного транспорта.

В настоящее время на территории Республики Узбекистан действуют 843 предприятия с участием российского капитала, чуть менее половины из которых (353 предприятия) созданы за последние три года. Только в течение 2009 г. создано 101 предприятие, в том числе 84 из них — совместные и 17 — российские предприятия. Общий объем российских инвестиций при формировании их уставного капитала превысил 500 млн долларов. Это еще раз подтверждает интенсивную динамику развития торгово-экономических отношений между двумя странами.

В Узбекистане аккредитованы представительства 132 фирм и компаний России. В свою очередь, на территории России созданы 395 предприятий с участием узбекского капитала.

Важную роль в развитии двусторонних деловых связей играет деятельность Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству. Она является координирующей структурой по определению приоритетов сотрудничества в экономической, научно-технической и других областях и реализации принимаемых решений. Очередное 12-е заседание узбекско-российской Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству состоялось в марте 2014 г. в Ташкенте. На заседании помимо развития торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между двумя государствами были также рассмотрены вопросы проведения согласованной политики по рациональному использованию водно-энергетических ресурсов трансграничных рек Центральной Азии.

Узбекистан и Россия имеют совпадающие или близкие позиции по основным вопросам международной и региональной политики, ведут работу по дальнейшему углублению взаимодействия в сфере внешней политики. Стороны осуществляют взаимную поддержку в рамках ООН, ШОС и СНГ, традиционно выступают за сохранение и укрепление мира и стабильности в регионе, объединение усилий в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, а также незаконным оборотом наркотиков и наркотрафиком.

Обе страны выступают за выстраивание равноправного и взаимовыгодного партнерства, выработку однозначной и принципиальной позиции по всем актуальным вопросам Центральной Азии. Руководство Узбекистана и России хорошо понимает, что достижение мира и стабильности в Афганистане является ключевым фактором обеспечения общерегиональной безопасности. Исходя из собственных национальных интересов и долгосрочных приоритетов регионального развития, стороны поддерживают усилия международного сообщества в Афганистане посредством реализации различных экономических и социальных проектов в этой стране.

Следует также отметить тесное взаимодействие правоохранительных органов двух стран в области борьбы с международным терроризмом, экстремизмом, наркотиками и другими угрозами и вызовами региональной безопасности.

Активно развивается культурно-гуманитарное сотрудничество, правовая основа которого была закреплена Межправительственным соглашением о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма, а также Соглашением о сотрудничестве в области

культуры между Министерством по делам культуры и спорта Узбекистана и Министерством культуры России. В развитии культурного сотрудничества значимым фактором является наличие русской и узбекской диаспор, соответственно, в Узбекистане и России.

В Узбекистане действует Русский культурный центр, который структурно объединяет 22 областных и городских общественных культурно-просветительских русских объединений. Действуют 769 школ с обучением на русском языке. Практически все вузы страны, средние специальные учебные заведения и колледжи имеют факультеты с обучением на русском языке.

В Ташкенте функционирует представительство Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при Правительстве РФ (Росзарубежцентр), функции которого с января 2009 г. перешли в новое Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество).

В последние годы успешно развивается сотрудничество в области образования, здравоохранения, науки и техники. В Узбекистане на протяжении ряда лет действует филиал Российской экономической академии им. Г. Плеханова. В сентябре 2006 г. в Ташкенте был открыт филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 13 января 2007 г. вышло постановление президента Узбекистана «Об организации деятельности филиала Российского государственного университета нефти и газа им. И. Губкина в Ташкенте».

Активизируется двустороннее сотрудничество и в сфере туризма. Осенью 2009 г. было подписано агентское соглашение между НК «Узбектуризм» и Российской туристической корпорацией о продвижении в Российской Федерации туристического потенциала Республики Узбекистан и увеличении туристического потока из России. В соответствии с соглашением российский туристический оператор назначен агентом НК «Узбектуризм» на территории России.

Таким образом, на протяжении времени после распада СССР взаимоотношения Узбекистана и России активно развиваются, их основа становится все более прочной.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Не следует считать, что узбекско-российские отношения развиваются беспроблемно. Так, на сегодняшний день существуют взаимные финансовые требования. 5 апреля 2016 г. ратифицировано соглашение между Правительством России и Правительством Узбекистана об урегулировании взаимных финансовых требований и обязательств от 10 декабря 2014 г., предусматривающее урегулирование всех имеющихся между Россией и Узбекистаном взаимных финансовых требований и обязательств, возникших по операциям бывшего СССР в связи с его распадом, а также по кредитам, предоставленным Узбекистану в 1992—1993 гг.⁸

---

⁸ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об урегулировании взаимных финансовых требований и обязательств — ратифицировано Федеральным законом от 05.04.2016, № 83-ФЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420346524>.

Необходимость в заключении такого соглашения возникла после того, как в 1998 г. узбекская сторона не только в одностороннем порядке прекратила платежи в погашение консолидированной задолженности, но и отказалась признавать легитимность соглашений о технических кредитах, а также выдвинула встречные финансовые требования, касающиеся активов Алмазного фонда СССР и так называемого внутреннего валютного долга бывшего СССР.

По состоянию на 1 ноября 2014 г. задолженность Республики Узбекистан Российской Федерации составила 889,3 млн долларов США, из которых по основному долгу — 500,6 млн долларов, по процентам — 388,7 млн долларов. Вся задолженность просрочена. Правительство Узбекистана признавало только часть задолженности в сумме 43,1 млн долларов США. В то же время объем встречных претензий оценивался партнерами в 1—2 млрд долларов.

Исполнение Россией обязательств по соглашению не повлечет за собой расходов из федерального бюджета. Вместе с тем его реализация позволит обеспечить поступление в бюджет денежных средств в размере 25 млн долларов США [Мещеряков 2013: 6].

Решение России от 7 августа 2014 г. в отношении стран-экспортеров — участников антироссийских экономических санкций о введении запрета на поставки говядины, свинины, фруктов, птицы, сыров и молока из стран ЕС, США, Австралии, Канады и Норвегии способно стимулировать внутреннее производство аграрной продукции в Узбекистане и экспорт ее в Россию. Для этого будет необходимо в экстренном режиме решить следующие вопросы:

— отрегулировать объемы и маршруты, интенсивность грузового железнодорожного сообщения между Россией и Узбекистаном, включая транзитную территорию — Казахстан;

— урегулировать вопросы эффективного использования собственных и аренды других железнодорожных вагонов, приспособленных для хранения скоропортящихся сельхозпродуктов;

— разрешить вопросы санитарного контроля и снижения таможенных пошлин;

— осуществить расширение деятельности торговых домов и экономических представительств Узбекистана в различных регионах России, особенно северных.

Президентские выборы в Узбекистане, состоявшиеся 29 марта 2015 г., принесли победу И. Каримову, что дало России на ближайшую перспективу основание для развития успехов двусторонних отношений, которые, главным образом, должны сосредоточиться на включении Узбекистана в ныне активный процесс евразийской интеграции. Все участники данного процесса осознают необходимость дальнейшего сближения стран — соседей с Узбекистаном ввиду его экономического, демографического и военного потенциала. Данное обстоятельство во многом должно обусловить формирование более четкого и прямого вектора, или даже отдельной стратегии, внешнеполитического курса России, направленного строго на отдельно взятые страны Центральной Азии, в частности на Республику Узбекистан.

После смерти И. Каримова в августе 2016 г., который руководил Узбекистаном на протяжении всего постсоветского периода, опасения тех, кто предрекал, что со сменой руководства может измениться и внешнеполитический курс страны, не оправдались. Узбекистан не только избежал обострения внутривнутриполитической ситуации, но и сохранил приверженность курсу, проводившемуся И. Каримовым. В настоящее время Узбекистаном руководят люди, фактически воспитанные бывшим президентом республики и разделяющие его политические взгляды. Так временно исполняющим обязанности президента стал премьер-министр Шавкат Мирзиёев.

В соответствии с конституцией страны в декабре 2016 г. в Узбекистане состоятся внеочередные президентские выборы. Есть основания надеяться, что народ Узбекистана, как и нынешнее руководство страны, проявит политическую мудрость и историческую зрелость, оказав доверие человеку, который продолжит взвешенную политику И. Каримова.

***

На основе проведенного анализа необходимо сделать следующие выводы.

Во-первых, развитие отношений Узбекистана с Россией соответствует его национальным интересам, приносит реальную экономическую выгоду, отражается на его интеграционной политике, повышает политический авторитет страны на мировой арене.

Во-вторых, история сотрудничества России и Узбекистана имеет длительное развитие.

В-третьих, в настоящее время Узбекистан использует санкции Европы и США против России как шанс для расширения своего экспорта в Россию, как возможность вернуть свои позиции на продовольственном рынке СНГ, ранее в значительной степени утраченные.

В-четвертых, сегодня Российская Федерация является основным внешне-торговым партнером Узбекистана, а динамика двусторонних отношений характеризуется регулярными встречами на высшем и высоком уровнях. Стали традиционными межправительственные, межпарламентские, межведомственные контакты, форумы представителей деловых кругов, активизируется межрегиональное сотрудничество, идет взаимное обогащение по общественно-политическому, научному и культурному направлениям. Стороны готовы развивать многогранное взаимовыгодное сотрудничество, основанное на долгосрочных интересах.

В-пятых, нынешний период при всех сложностях глобального масштаба, непростой ситуации в Евразийском регионе, объективно создает благоприятные условия для развития сотрудничества Республики Узбекистан и Российской Федерации в различных областях в интересах обоих государств и, как показывает исторический опыт, может способствовать укреплению международной безопасности в Евразии, ускорить присоединение Узбекистана к Евразийскому экономическому союзу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авилова В.В., Галлямова Д.Х. Роль РФ в обеспечении процесса вступления стран СНГ в ВТО // Вестник Казанского технологического университета. 2012. 15(4).

Каримов М.М. Прямые иностранные инвестиции как фактор повышения конкурентоспособности экономики Узбекистана // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. 2013. № 8.

Камалов О.А. Перспективы совершенствования гражданско-правовых норм Республики Узбекистан в сфере поставки товаров // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. 1(6). С. 20—24.

Майкова Г. Перспективы отношений России и Центральной Азии // Геополитика. Россия в Центральной Азии. 2007. Ч. 1.

Морозов Ю.В. Перспективы сотрудничества организаций и союзов в целях обеспечения стабильности и безопасности в Центрально-Азиатском регионе // Мировая политика: взгляд из будущего. М., 2009.

Мецераков К.Е. Российско-узбекские отношения в 2008—2012 годах: тенденции и проблемы развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1.

Парамонов В., Столповский О. Россия и Центральная Азия: двустороннее сотрудничество в военной сфере // Центральная Евразия. 2008. № 15.

Парамонов В., Столповский О. Россия и страны Центральной Азии: двустороннее сотрудничество в сфере безопасности. URL: <http://ores.su/ru/journals/tsentralnaya-aziya-i-kavkaz/2009-pomer-2-62/a191431> (дата обращения: 02.03.2016).

Попов В.В. Экономическое чудо переходного периода: как Узбекистану удалось то, что не удалось ни одной постсоветской экономике // Журнал Новой экономической ассоциации. 2014. 1(21).

Сабиров Р.Г. Эволюция военной политики России в отношении отдельных стран СНГ: Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан // Вестник Казанского технологического университета. 2014. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-voennoy-politiki-rossii-v-otnoshenii-otdelnyh-stran-sng-kazahstan-uzbekistan-kyrgyzstan> (дата обращения: 02.03.2016).

Толипов Ф. К вопросу о «большой стратегии» Узбекистана // Центральная Азия и Кавказ. 2011. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-bolshoy-strategii-uzbekistana> (дата обращения: 02.03.2016).

Хорак С. Динамика российско-кыргызстанских отношений: от ситуации Центр-периферия к односторонней зависимости. URL: <http://ores.su/ru/journals/tsentralnaya-aziya-i-kavkaz/2007-pomer-5-53/a191573> (дата обращения: 02.03.2016).

Черненко Е.Ф. Восточная ориентация внешней политики России: интересы, трудности и перспективы // Ежегодник «Россия: тенденции и перспективы развития». М.: ИНИОН РАН, 2013. 8(1). С. 364—368.

Черненко Е.Ф. Евразийская интеграция: геоэкономический контекст // Безопасность Евразии. 2014. 2(48). С. 349—354.

Buzan B. People, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Boulder: Lynne Rienner Publisher, 1991.

Krol H., George A. Statement of Krol, Hon. George A, Deputy assistant secretary of State, Bureau of South and Central Asian Affairs, department of State, Washington, DC // Senate Hearing 111—433. Hearing before the subcommittee on near Eastern and South and Central Asia affairs of the Committee of Foreign Relations United States Senate one hundred eleventh congress first session. December, 15 2009. U.S. Government Printing Office. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-111shrg56492/html/CHRG-111shrg56492.htm> (accessed: 02.03.2016).

Lumpe L. A timeline of U.S. military aid cooperation with Uzbekistan // Occasional Paper Series. 2010. № 2.

Swanstrom N. The prospects for multilateral conflict prevention and regional cooperation in Central Asia // Central Asian survey. 2004. P. 41—54.

Tompson W. Putin's challenge: The politics of structural reform in Russia // Europe — Asia. — Philadelphia. 2002. № 6.

Yuldashev R. Investment factor of economic development in Uzbekistan // Perspectives of Innovations, Economics and Business. 2010. 5 (2).

Дата поступления статьи: 05.09.2015

Для цитирования: *Базылева С.П., Черненко Е.Ф.* Сотрудничество Узбекистана и России как стабилизирующий фактор на евразийском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 505—520.

EVOLUTION OF RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND UZBEKISTAN

S.P. Bazileva, E.F. Chernenko

RUDN University, Moscow, Russia

In the article the relations of Uzbekistan and Russia are examined in the context of making integration process more active in Eurasia based on the example of EAEU and SCO, proceeding in the period of increased turbulence of world system in 2014—2016, the aggravations of Russian relations with the West in connection with the introduction of anti-Russian sanctions and reorientation of Russian foreign economic policy to the East. The authors examine the development of Uzbek — Russian relations on the wide historical background in the light of interests of both countries, possibilities of increasing their competitive ability under the conditions of strengthening the crisis phenomena in the contemporary world as a whole, and on the Eurasian economic space, in particular. The association of the efforts of the two countries in the fight against international terrorism — one of the most serious calls of the present, participation in the solution of the vital problems of international safety on the continent within the framework of integrated associations could give additional political weight to both countries. The ability of Uzbekistan and Russia to search for and to find compromises in the process of regulating debatable questions of political and economic interactions is shown. In the article the attention is paid to the unrealized possibilities of the Uzbek — Russian relations, which are considered as the possible factor of the development of integration process in Eurasia. The authors consider the absence of any other alternative to further positive development of relations between Russia and Uzbekistan and to strengthening the many-sided contacts between them, which sources were placed in the distant past. The idea is defended about the fact that joining EAEU could bring essential political and economic dividends to Uzbekistan. Through the economic collaboration with Uzbekistan Russia can have the specific effect on its integrative policy.

Key words: Russia, Uzbekistan, sanctions, cooperation, West, EAEU.

REFERENCES

- Avilov, V.V., Galliamova, D.H. (2012). Rol' RF v obespechenii protsessa vstupleniya stran SNG v VTO [Russian's role in the process of accession of CIS countries to the WTO]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 15(4).
- Buzan, B. (1991). *People, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. Boulder: Lynne Rienner Publisher.
- Chernenko, E.F. (2013). Vostochnaya orientatsiya vneshnei politiki Rossii: interesy, trudnosti i perspektivy [Eastern orientation of foreign policy of Russia: interests, difficulties and prospects for development]. *Ezhegodnik «Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya»*. Moscow: The publishing house INION of Russian Academy of Sciences, 8(1), pp. 364—368.
- Chernenko, E.F. (2014). Evraziiskaya integratsiya: geoekonomicheskii kontekst [Euroasian integration: geoeconomic context]. *Bezopasnost' Evrazii*, 2(48), pp. 349—354.
- Horak, C. *Dinamika rossiisko-kyrgyzstanskikh otnoshenii: ot situatsii Tsentri-periferiya k odnostononnoi zavisimosti* [Dynamics of Russian-Kyrgyz relations: the situation Center-periphery to the one-sided dependence]. URL: <http://ores.su/ru/journals/tsentralnaya-aziya-i-kavkaz/2007-nomer-5-53/a191573> (accessed: 02.03.2016).
- Karimov, M.M. (2013). Pryamyne inostrannye investitsii kak faktor povysheniya konkurentosposobnosti ekonomiki Uzbekistana [Foreign direct investment as a factor in increasing the competitiveness of the economy of Uzbekistan]. *Sovremennaya ekonomika: problemy, tendentsii, perspektivy*, 8.
- Kamalov, O. (2015). Perspektivy sovershenstvovaniya grazhdansko-pravovykh norm Respubliki Uzbekistan v sfere postavki tovarov [Prospects for civil law improvement in the Republic of Uzbekistan in the sphere of goods delivery]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 1(6), pp. 20—24.
- Krol, H., George, A. (2009). Statement of Krol, Hon. George A, Deputy assistant secretary of State, Bureau of South and Central Asian Affairs, department of State, Washington, DC // *Senate Hearing 111-433. Hearing before the subcommittee on near Eastern and South and Central Asia affairs of the Committee of Foreign Relations United States Senate one hundred eleventh congress first session*. U.S. Government Printing Office. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-111shrg56492/html/CHRG-111shrg56492.htm> (accessed: 02.03.2016).
- Lumpe, L. (2010). A timeline of U.S. military aid cooperation with Uzbekistan. *Occasional Paper Series*, 2.
- Maikova, G. (2007). Perspektivy otnoshenii Rossii i Tsentral'noi Azii [Prospects of relations between Russia and Central Asia]. *Geopolitika. Rossiya v Tsentral'noi Azii*, 1.
- Morozov, Y.V. (2009). Perspektivy sotrudnichestva organizatsii i soyuzov v tselyakh obespecheniya stabil'nosti i bezopasnosti v Tsentral'no-aziatskom regione [Prospects of cooperation between organizations and unions in order to ensure stability and security in Central Asia]. *Mirovaya politika: vzglyad iz budushchego*. Moscow.
- Meshcheryakov, K.E. (2013). Rossiisko-uzbekskie otnosheniya v 2008—2012 godakh: tendentsii i problemy razvitiya [Russian-Uzbek relations in 2008-2012: trends and problems of development]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 1.
- Paramonov, V., Stolpovsky O. (2008). Rossiya i Tsentral'naya Aziya: dvustoronnee sotrudnichestvo v voennoi sfere [Russia and Central Asia: bilateral cooperation in the military sphere]. *Tsentral'naya Evraziya*, 15.
- Paramonov, V., Stolpovsky O., Rossiya i strany Tsentral'noi Azii: dvustoronnee sotrudnichestvo v sfere bezopasnosti [Russia and Central Asian countries: bilateral cooperation in the sphere of security]. URL: <http://ores.su/ru/journals/tsentralnaya-aziya-i-kavkaz/2009-nomer-2-62/a191431> (accessed: 02.03.2016).
- Popov, V.V. (2014). Ekonomicheskoe chudo perekhodnogo perioda: kak Uzbekistanu udalos' to, chto ne udalos' ni odnoi postsovetsoi ekonomike [The economic miracle of the transition period: how could Uzbekistan that could not be any post-Soviet economy]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, 1(21).

Sabirov, R.G. (2014). Evolyutsiya voennoi politiki Rossii v otnoshenii otdel'nykh stran SNG: Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan [Evolution of Russian military policy in respect of certain CIS countries: Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-voennoy-politiki-rossii-v-otnoshenii-otdelnyh-stran-sng-kazahstan-uzbekistan-kyrgyzstan> (accessed: 02.03.2016).

Swanstrom, N. (2004). The prospects for multilateral conflict prevention and regional cooperation in Central Asia. *Central Asian survey*, pp. 41—54.

Tolipov, F. (2011). K voprosu o “bol'shoi strategii” Uzbekistana [On the “grand strategy” of Uzbekistan]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*, 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-bolshoy-strategii-uzbekistana> (reference date: 02.03.2016).

Tompson, W. (2002). Putin's challenge: The politics of structural reform in Russia. *Europe — Asia*, 6.

Yuldashev, R. (2010). Investment factor of economic development in Uzbekistan. *Perspectives of Innovations, Economics and Business*, 5/ 2.

Received: 05.09.2015

For citations: Bazileva, S.P., Chernenko, E.F. (2016). Cooperation between Uzbekistan and Russia as a stabilizing factor in Eurasia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16(3), pp. 505—520.

© Базылева С., Черненко Е., 2016

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

СМЕНА ПРИОРИТЕТОВ В СТРАТЕГИЯХ ВЕДУЩИХ ДОНОРОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОМОЩИ В 2014—2016 ГГ.: ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ

А.В. Максимова

Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики, Москва, Россия

Статья обращается к вопросу о том, что движет странами-донорами при изменении стратегий содействия международному развитию (СМР). Были проанализированы программные документы девяти доноров, принявших свои стратегии в 2014—2016 гг. В выборку попали в основном традиционные доноры, а также новые европейские доноры Польша и Россия. Для изучения изменений, произошедших в последнее время, стратегии изучались парами: новые, принятые в 2014—2016 гг., документы сравнивались с прежними программными документами. Анализ выявил четыре основных кластера причин или факторов, которые побуждали доноров к пересмотру своих стратегических документов в 2014—2016 гг. или определяли изменение курса данных стратегий: вопросы безопасности, принятие повестки устойчивого развития, экономический и внешнеполитический факторы. В целом, доноры становятся гораздо более открытыми в признании своих целей при оказании помощи развитию.

Связка «безопасность—развитие» стала сильнее проявляться почти во всех рассмотренных стратегиях и особенно характерна для Великобритании и Японии. Международная повестка устойчивого развития обуславливает принятие новых стратегий СМР в таких странах, как Германия, Финляндия и Польша. Для ряда доноров, например для Австралии, определяющим оказался экономический фактор. В новой российской стратегии в сфере СМР заметно усиление роли внешнеполитической мотивации при оказании помощи.

Ключевые слова: содействие международному развитию, СМР, цели устойчивого развития, безопасность и развитие, мягкая сила.

В последнее время многие страны-доноры пересматривают свои стратегии международной помощи, руководствуясь различными причинами как внутреннего, так и внешнего характера. Целый ряд глобальных изменений может служить движущим фактором, обуславливающим изменение стратегических документов доноров.

Принятая в 2015 г. Повестка устойчивого развития до 2030 г. предполагает, что доноры приведут свои стратегии помощи в соответствие с Целями устойчивого развития (ЦУР). Принятие ЦУР также окончательно ознаменовало сопряжение

повестки развития и борьбы с изменением климата [Sachs 2015: 55]. Парижское соглашение 2015 г. предусматривает, что развитые страны окажут помощь развивающимся странам по адаптации к изменению климата. Процесс разработки стратегий в русле новой повестки ЦУР во многих странах-донорах подстегивается усилиями неправительственных организаций. Общественные организации Великобритании, Японии, Нидерландов, Швеции и Германии уже представили свое видение этого процесса¹. Россия пока не обнародовала свою программу по внедрению ЦУР в практику содействия международному развитию (СМР), однако в прошлом Россия строго придерживалась своих международных обязательств, в том числе в рамках целей развития тысячелетия [Larionova, Rakhmangulov, Verenson 2014: 32—35].

В условиях мирового экономического кризиса правительствам доноров стало сложнее обосновывать перед налогоплательщиками затраты на благосостояние обездоленных, но далеких от них бенефициаров программ официальной помощи развитию (ОПР). Заявления о взаимовыгодности СМР, которые раньше можно было встретить лишь в экспертных дискуссиях и в дискурсе доноров Юг—Юг [de Renzio and Seifert 2014: 1872], начинают звучать и у традиционных доноров. Сложно судить о том, свидетельствует ли это о смене подходов к СМР или просто о большей открытости ранее закрытой информации [Максимова 2015: 61].

Нарастающая нестабильность и конфликтность в мире, особенно в близких к основным европейским донорам регионах, рекордное количество беженцев, рост угрозы терроризма выступают еще одним важнейшим фактором, влияющим на СМР. После терактов 2001 г. США обозначили преодоление отставания в развитии как один из элементов войны с терроризмом, связка «безопасность—развитие» прочно вошла в профессиональный и экспертный дискурс в сфере СМР [Бартенев 2015: 81—82].

Таким образом, целый спектр причин может обуславливать желание стран-доноров пересмотреть свои подходы к оказанию помощи развитию. Изменения могут проявляться при принятии финансовых решений, как например при существенном сокращении австралийского бюджета или, наоборот, стремлении Великобритании утвердиться в элитной группе стран, достигнувших цели в 0,7 % ВВП на цели ОПР. Новое понимание целей и задач помощи развитию может стимулировать административную реформу в СМР: привести к слиянию, переподчинению или отделению административных единиц, отвечающих за помощь развитию,

---

¹ Implementing the SDGs in the UK. URL: https://www.bond.org.uk/sites/default/files/resource-documents/bringing_the_goals_home_implementing_the_sdgs_in_the_uk.pdf (accessed: 07.07.2016); Prescriptions for effective implementation of the Sustainable Development Goals in Japan. URL: http://www.post2015.jp/wp-content/uploads/2016/02/SDGs-prescriptions_english.pdf (accessed: 07.07.2016); Sustainable Development Goals in the Netherlands. URL: http://www.pbl.nl/sites/default/files/cms/publicaties/pbl-2016-sustainable-development-in-the-Netherlands_1966.pdf (accessed: 07.07.2016); Sustainable Development Goals for Sweden: Insights on Setting a National Agenda. URL: <https://www.sei-international.org/mediamanager/documents/Publications/SEI-WP-2015-10-SDG-Sweden.pdf> (accessed: 07.07.2016); Implementation of the Global 2030 Agenda for Sustainable Development in and by Germany. URL: http://www.forumue.de/wp-content/uploads/2016/03/SDG_PP_Agenda_2030_engl_16_03_16.pdf (accessed: 07.07.2016).

как это недавно произошло в Канаде и Австралии [Gulrajani 2015: 155]. Почти всегда меняющаяся стратегия донора находит свое отражение в соответствующих программных документах в сфере СМР.

Данная статья рассматривает программные документы доноров в сфере СМР с целью определить основные факторы, которые движут странами при пересмотре своих подходов к оказанию помощи, охарактеризовать текущие изменения в сфере СМР и вычленил группы стран, придерживающихся схожих подходов. С одной стороны, важно изучить, как меняются подходы доноров к декларированию своей политики СМР в публичных стратегиях, в том числе оценить предположение о том, что доноры начинают открыто заявлять о своих интересах. С другой стороны, публично провозглашаемые цели являются отражением (хоть и со всеми присущими ему искажениями) мотивации доноров, и анализ стратегических документов представляется важным для понимания изменений в политике доноров. Изучение декларируемых целей становится еще более актуальным при рассмотрении вопроса национальных интересов стран через призму конструктивизма, согласно которому национальные интересы не представляют собой статичную объективную сущность, а создаются посредством процесса артикуляции и интерпретации участниками внешнеполитических процессов [Weldes 1996]. С этой точки зрения, анализ изменений в декларируемых донорами целях может способствовать пониманию процесса артикуляции странами своих национальных интересов в отношении СМР.

МЕТОДОЛОГИЯ

С целью изучения последних тенденций в подходах доноров временной период для анализа был ограничен 2014, 2015 и 2016 гг. Безусловно, внешние и внутренние факторы оказывают влияние на стратегию СМР с отложенным эффектом. Однако, в 2014 г. уже активно велась подготовка к принятию новых целей устойчивого развития и можно предположить, что стратегии, принятые в данном временном периоде, будут отражать основные изменения глобального характера.

На первом этапе были отобраны программные документы в сфере СМР (стратегия, концепция, белая книга, программа на долгосрочный или среднесрочный период и т.д.). В первоначальную выборку вошли все страны-доноры, информация о которых доступна: 28 двусторонних доноров КСР ОЭСР, страны БРИКС, Турция, ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, в общей сложности 38 стран. Из них 12 доноров приняли программный документ в 2014—2016 гг. Далее для проведения анализа были отобраны лишь те страны, которые имели предшествующие программные документы для сравнения. В итоговый список вошли 9 доноров: Австралия, Великобритания², Германия, Новая Зеландия, Польша, Россия, Финляндия, Швейцария³ и Япония (см. табл. на с. 525—527).

² Формат программного документа в британском СМР изменился. В 2011 г. таким документом выступал бизнес-план, представленный коалиционным правительством, а в 2015 г. была разработана полноценная стратегия.

³ Для анализа были использованы официальные сокращенные англоязычные версии депеш по международному сотрудничеству. Оригиналы депеш на немецком языке занимают более 450 страниц, что значительно затрудняет их анализ.

Китай не был включен в список стран для финального рассмотрения, так как белые книги, принятые им в 2014 и 2011 гг., представляют собой скорее отчеты о проделанной работе, нежели программные документы о подходах к оказанию помощи. США не были включены в выборку, поскольку в открытом доступе не было обнаружено единой стратегии или программного документа для всей сферы СМР, а не только для отдельного агентства USAID, чья последняя рамочная стратегия была принята в 2011 г.⁴ Высока вероятность того, что общая стратегия СМР для всех государственных органов США может быть закрытой, как это было с президентской директивой по глобальному развитию, которая была принята в 2010 г., рассекречена в 2014 г. и излагает общее стратегическое видение международной помощи со стороны США⁵.

Второй этап представлял собой дискурс-анализ [Jorgensen, Phillips 2002]. Выбор дискурс-анализа в качестве метода был продиктован самим объектом исследования — репрезентацией декларируемых донорами целей СМР в своих стратегиях. Таким образом, дискурс-анализ стремился «воспроизвести реальность»⁶, в которой оперировали доноры при написании новых и прежних стратегий СМР.

Для выявления изменений, произошедших в последнее время, стратегии изучались парами: новые, принятые в 2014—2016 гг., документы сравнивались с прежними программными документами. В рамках первичного прочтения новых и предшествующих им стратегий были выделены основные семантические поля или понятийные группы. Последующий анализ текстов был направлен на количественное определение доминирующих понятийных групп и выявление основных изменений между двумя версиями документов. Количественный анализ служил одним из инструментов исследования в дополнение к общему прочтению документов и дискурс-анализу с позиций качественного подхода.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ девяти пар программных документов доноров позволяет говорить о четырех основных кластерах причин или факторов, которые побуждали доноров к пересмотру своих стратегий в 2014—2016 гг. или определяли изменение курса данных стратегий: фактор «2015», экономический фактор, фактор безопасности и внешнеполитический фактор (см. табл. на с. 525—527). За рамками анализа могли остаться внутренние причины, о которых невозможно судить по тексту стратегий, но представляется, что данные изменения могли выступать прокси факторами по отношению к выявленным причинам. Например, новая стратегия могла быть принята ввиду назначения нового руководства направлением СМР, однако сама смена руководства свидетельствует об изменениях в политике СМР.

---

⁴ USAID Policy Framework 2011—2015. URL: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1870/USAID%20Policy%20Framework%202011-2015.PDF> (accessed 08.10.2016).

⁵ Presidential Policy Directive on Global Development, 2010. URL: <http://www.foreffectivegov.org/files/info/global-development-policy-directive-usaid-release.pdf> (accessed 08.10.2016).

⁶ Carta C. Discourse Analysis and International Relations: What for? 2014. URL: <https://italianpoliticalscience.com/2014/06/15/discourse-analysis-and-international-relations-what-for/> (accessed 08.10.2016).

Таблица

Стратегии рассматриваемых стран-доноров и основные изменения

Донор	Новая стратегия, название, год	Прежняя стратегия, название, год	Фактор «2015» (ЦУР и климат)	Фактор безопасности	Экономический фактор	Внешнеполитический фактор
Австралия	Австралийская помощь: содействуя процветанию, снижая бедность, способствуя стабильности, 2014 ¹ .	Австралийская помощь: содействуя росту и стабильности, 2006 ² .	Значение фактора уменьшается.	Значение фактора уменьшается.	Определяющее значение как в прежней, так и в новой стратегии. Наблюдается усиление за счет внимания к торговле и экономической дипломатии.	Неоднозначный результат, дипломатия упоминается чаще в 2014 г., однако национальные интересы и австралийские ценности чаще в 2006 г.
Великобритания	Стратегия ОПР. Помощь Великобритания: отвечая на глобальные вызовы в целях национального интереса, 2015 ³ . Хартия будущего. Один мир — одна ответственность, 2014 ⁵ .	Бизнес-план на 2011—2015 гг., 2011 ⁴ .	Средняя значимость фактора.	Определяющий фактор. Значение растет.	Важный фактор. Значение возрастает.	Традиционно важный фактор.
Германия	Хартия будущего. Один мир — одна ответственность, 2014 ⁵ .	Мышление перемен — открывающие возможности, 2011 ⁶ .	Значение сильно увеличивается, особенно в вопросах равенства, устойчивого развития и климата.	Значение фактора немного увеличивается.	Значимость фактора остается на прежнем уровне. Он важен.	Значение фактора сильно уменьшилось.

¹ Australian aid: promoting prosperity, reducing poverty, enhancing stability. URL: <https://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/australian-aid-development-policy.pdf> (accessed: 09.10.2016).

² Australian Aid: Promoting Growth and Stability. URL: <http://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/whitepaper.pdf> (accessed: 09.10.2016).

³ ODA strategy. UK aid: tackling global challenges in the national interest. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478834/ODA_strategy_final_web_0905.pdf (accessed: 09.10.2016).

⁴ Business Plan 2011—2015. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/67658/DFID-business-plan.pdf (accessed: 09.10.2016).

⁵ Charter for the future. One world — our responsibility. URL: https://www.bmz.de/en/publications/type_of_publication/information_flyer/information_brochures/Materialie244a_zukunftscharta.pdf (accessed: 09.10.2016).

⁶ Minds for change — enhancing opportunities. URL: http://www.bmz.de/en/publications/archiv/type_of_publication/information_flyer/information_brochures/Materialie212_Minds_for_Change.pdf (accessed: 09.10.2016).

Продолжение таблицы

Донор	Новая стратегия, название, год	Прежняя стратегия, название, год	Фактор «2015» (ЦУР и климат)	Фактор безопасности	Экономический фактор	Внешнеполитический фактор
Новая Зеландия	Стратегический план программы помощи Новой Зеландии на 2015—2019 гг., 2015 ⁷ .	Комплексная стратегия правительства Новой Зеландии по международному содействию развитию, 2011 ⁸ .	Средняя важность фактора. Изменения не значительны.	Значение фактора снижается.	Средняя важность фактора. Изменения не значительны.	Значение фактора велико, ориентация на соседний регион, важность интересов и ценностей. Изменения не значительны.
Польша	Многолетняя программа по сотрудничеству в интересах развития на 2016—2020 гг., 2015 ⁹ .	Многолетняя программа по сотрудничеству в интересах развития на 2012—2015 гг. «Солидарность, демократия, развитие», 2011 ¹⁰ .	Определяющий фактор и его значение возрастает.	Важный фактор, хотя значение убывает.	Неприоритетный фактор.	Важный фактор, ориентация на восточное партнерство.
Россия	Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, 2014 ¹¹ .	Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию, 2007 ¹² .	Фактор глобальной повестки дня был важен в 2007 г., его значение существенно снизилось.	Важный фактор, изменения между двумя версиями не существенны.	Средняя важность фактора.	Фактор крайне важен и значение сильно утилось.

⁷ New Zealand Aid Programme Strategic Plan 2015—19. URL: https://www.mfat.govt.nz/assets/_securedfiles/Aid-Program-docs/New-Zealand-Aid-Programme-Strategic-Plan-2015-19.pdf (accessed: 09.10.2016).

⁸ The New Zealand Government's overarching policy on international development assistance. URL: https://www.mfat.govt.nz/assets/_securedfiles/Aid-Program-docs/2012-Aid-Policy.pdf (accessed: 09.10.2016).

⁹ Multiannual development cooperation programme 2016—2020. URL: https://www.polskapomoc.gov.pl/Documents.and,Publications,208.html#dok_strategiczne (accessed: 09.10.2016).

¹⁰ Multiannual development cooperation programme 2012—2015 "Solidarity, democracy, development". URL: https://www.polskapomoc.gov.pl/Documents.and,Publications,208.html#dok_strategiczne (accessed: 09.10.2016).

¹¹ Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию. URL: <http://archive.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272bfa34209743256c630042d1a9/00cc9154529e1c7fc32575bc002c6bb5> (accessed: 09.10.2016).

¹² Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию. URL: http://archive.mid.ru/bpr_4.nsf/0/571FEF3D5281FE45C32573050023894F (accessed: 09.10.2016).

Окончание таблицы

Донор	Новая стратегия, название, год	Прежняя стратегия, название, год	Фактор «2015» (ЦУР и климат)	Фактор безопасности	Экономический фактор	Внешнеполитический фактор
Финляндия	Один мир, общее будущее — к устойчивому развитию, 2016 ¹³ .	Программа стратегии Финляндии по содействию развитию, 2012 ¹⁴ .	Значение крайне высоко. ЦУР интегрированы в стратегию по каждому направлению.	Важны вопросы миротворчества, однако тема безопасности не ведущая.	Не ведущий фактор, однако важны вопросы торговли.	Внешнеполитические интересы малозначимы в обеих стратегиях, однако в документе 2016 г. важную роль играют финские ценности.
Швейцария	Делегация Швейцарии по международному сотрудничеству в 2017—2020 гг. Основные положения, 2016 ¹⁵ .	Послание о международном сотрудничестве на 2013—2016 гг. Основные положения, 2012 ¹⁶ .	Определяющее значение.	Значение существенно возросло.	Значимый фактор в обеих стратегиях.	Средняя значимость фактора.
Япония	Хартия сотрудничества в интересах развития. Для мира, процветания и лучшего будущего для всех, 2015 ¹⁷ .	Хартия официальной помощи развитию Японии, 2003 ¹⁸ .	Легкий рост, но фактор малозначим в обеих стратегиях.	Важный фактор в обеих стратегиях, наблюдается небольшой рост значимости.	Важный фактор в обеих стратегиях, наблюдается небольшой рост значимости.	Важный фактор, наблюдается большой рост значимости.

¹³ One world, common future — towards sustainable development. URL: <http://formin.finland.fi/public/default.aspx?contentid=341918&contentlan=2&culture=en-US> (accessed: 09.10.2016)

¹⁴ Finland's Development Policy Programme. URL: <http://www.formin.fi/public/default.aspx?contentid=251855> (accessed: 09.10.2016).

¹⁵ Dispatch on Switzerland's International Cooperation 2017—2020. Key points in brief. URL: https://www.eda.admin.ch/content/dam/eda/en/documents/publications/EntwicklungszusammenarbeitundHumanitareHilfe/Botschaft-IZA-2017-2020_EN.pdf (accessed: 09.10.2016).

¹⁶ Message on International Cooperation 2013—2016. Key points in brief URL: https://www.eda.admin.ch/content/dam/deza/en/documents/publikationen/Diverses/208211-botschaft-zusammenarbeit-kuerze_EN.pdf (accessed: 09.10.2016).

¹⁷ Development Cooperation Charter. For peace, prosperity and a better future for everyone. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000067701.pdf> (accessed: 09.10.2016).

¹⁸ Japan's official development assistance charter. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/oda/reform/revision0308.pdf> (accessed: 09.10.2016).

ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ

Большинство рассматриваемых доноров стали уделять больше внимания вопросам безопасности в своих стратегиях СМР (рис. 1). Наиболее значительный рост демонстрируют такие европейские доноры, как Великобритания и Швейцария, принявшие свои новые стратегии в 2015 и 2016 гг. соответственно. Можно предположить, что упоминаемый в стратегиях приток беженцев в Европу придал новый импульс осознанию взаимозависимости развития стран-получателей и безопасности донора. Также все более очевидным становится обозначение в стратегических документах связки вопросов развития / отсутствия развития с проблемой терроризма. Рассматривая данную тенденцию в терминах Копенгагенской школы [Buzan, Waever 2009], анализирующей то, как осмысливается безопасность государствами, можно предположить, что недостаточное развитие стран становится одной из тем в рамках макросекьюритизации войны с терроризмом. То есть проблема бедности стран возводится в ранг проблем безопасности, а следовательно, повышается ее значимость во внешнеполитических стратегиях.

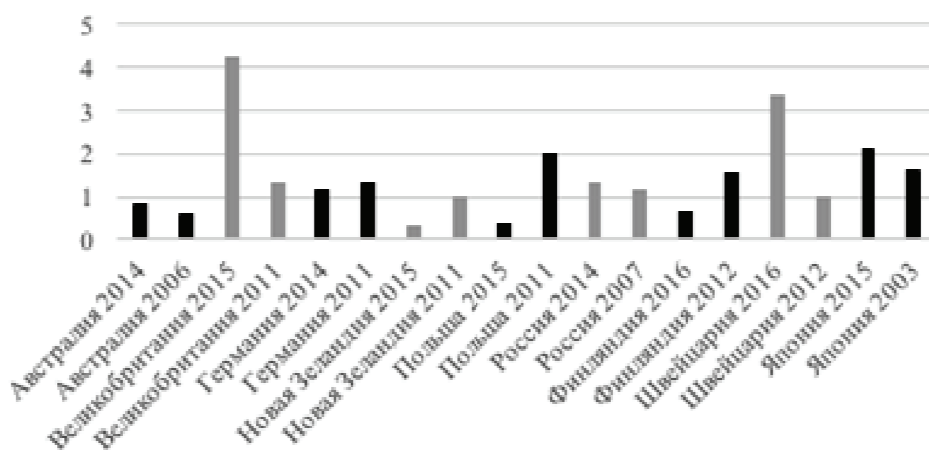

Рис. 1. Частота употребления понятия «безопасность» на 1000 слов

Источник: составлено автором

В британской стратегии вопросы безопасности напрямую увязаны с необходимостью отчитываться перед налогоплательщиками о том, что их налоги тратятся в соответствии с национальными интересами страны. В качестве примеров проявления данных интересов в СМР приведены эпидемия Эболы, кризис с беженцами, терроризм и изменение климата. Возросшую роль безопасности в британском СМР отметили все комментаторы новой стратегии. Некоторые из них были крайне обеспокоены тем, что вслед за новой стратегией может произойти перераспределение бюджета ОПР в сторону финансирования активностей, больше связанных с обороной, нежели с развитием [Vernon 2015]. Использованию помощи в целях борьбы с наплывом беженцев была посвящена первая речь нового премьер-министра Великобритании на Генеральной Ассамблее ООН. Тереза Мэй предлагает

использовать средства британского бюджета на ОПР для возвращения беженцев в страны их происхождения⁷. Таким образом, можно ожидать, что императивы безопасности, изложенные в стратегии прошлого кабинета, будут лишь усиливаться в политике нового правительства Великобритании.

Однако в ближайшем времени мы можем стать свидетелями развития еще одного тренда: усиления роли экономического фактора, уже присутствующего в стратегии Великобритании. Новый министр международного развития Прити Пател ранее выступала за расформирование теперь возглавляемого ею Министерства Великобритании по международному развитию (DFID) и создание вместо него ведомства, поддерживающего торговлю с развивающимися странами⁸. В одном из первых выступлений после назначения Пател заявила, что она будет стремиться «укрепить место Великобритании в мире, осуществляя борьбу с бедностью и другими вызовами нашего времени, что соответствует национальным интересам Великобритании»⁹. Данная риторика сильно отличается от риторики предыдущей главы DFID Джастин Грининг, она смещает фокус в сторону интересов Великобритании, а борьба с бедностью становится как бы попутной задачей.

Япония традиционно уделяет большое внимание вопросам безопасности, включая «человеческую безопасность» (human security) [Kitaoka 2016]. При этом японские программные документы в сфере СМР значительно часто оперируют понятием «мир» (peace). Наличие в тексте новой стратегии упоминания о том, что средства СМР могут быть использованы на обеспечение безопасности в рамках «невоенных операций», вызвало реакцию, подобную обеспокоенности в Великобритании, о том, что размытость определений может привести к серьезному перетоку финансирования, изначально предназначенного на цели развития [Bizzarri 2016: 92]. По мнению некоторых исследователей, в силу обусловленных конституцией ограниченных военных возможностей Япония может начать обеспечивать безопасность своих партнеров по АСЕАН, вовлеченных в территориальные споры с Китаем в Южно-Китайском море, посредством увеличения их дотации по каналам СМР [Bizzarri 2016: 5].

Усиление компонента безопасности в российской концепции СМР ряд экспертов связывают с развитием украинского кризиса и обострением отношений со странами Запада, обуславливая это тем, что Концепция государств

---

⁷ £100m of UK aid budget to be spent controlling immigration from Africa. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2016/sep/20/100m-uk-aid-budget-returning-north-african-refugees> (accessed 08.10.2016).

⁸ Some countries do not need our money any more, says Andrew Mitchell. URL: http://www.telegraph.co.uk/news/politics/10122842/Some-countries-do-not-need-our-money-any-more-says-Andrew-Mitchell.html?utm_content=bufferd2aab&utm_medium=social&utm_source=twitter.com&utm_campaign=buffer (accessed 31.07.2016).

⁹ Priti Patel tweet on July 17th 2016. URL: <https://twitter.com/patel4witham/status/754641504757514240> (accessed 31.07.2016).

венной политики Российской Федерации в сфере СМР была принята 20 апреля 2014 г. [Кокошин, Бартенев 2015: 10]. Авторы статьи верно отмечают, что Россия рассматривает СМР как один из инструментов укрепления своей национальной безопасности. Представляется, что это более концептуальный подход на протяжении длительного периода и события на Украине не были триггером его начала, а скорее влились в общую канву. Концепция 2014 г. во многом повторяет положения концепции 2007 г. в части противодействия возникновению очагов напряженности и конфликтов¹⁰. Также, проект концепции 2014 г. был подготовлен для представления Президенту Российской Федерации уже в начале ноября 2013 г. до начала столкновений на Майдане¹¹. Утверждение концепции в апреле 2014 г. можно во многом объяснить процедурными аспектами принятия подобного рода документов.

ГЛОБАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ИЛИ ФАКТОР «2015»

Фактор «2015» отражает изменение курса всего международного сообщества в связи с принятием в 2015 г. новой повестки развития и целей устойчивого развития, новых задач в области финансирования развития, одобренных летом 2015 г. в Аддис-Абебе, а также усилением роли климата в развитии благодаря принятию Парижского соглашения в конце 2015 г.

Фактор глобальной повестки является решающим для новой стратегии Финляндии, которая, судя по всему, была принята в 2016 г. именно с целью обновить программные документы страны по итогам принятия ЦУР. Значимость данного фактора вполне укладывается в логику скандинавского подхода к СМР. Швейцария также приняла новую депешу о СМР в 2016 г. и естественным образом фактор «2015» оказался для нее значим. Несмотря на большую, чем у остальных рассматриваемых доноров приверженность «идеалистическим» подходам в СМР, эти доноры также упоминают взаимовыгодность помощи. Стратегия Финляндии 2016 г. начинается со слов о том, что СМР важно не только для тех стран, которые получают поддержку, но также и для самой Финляндии¹².

Польша строит свою политику СМР в соответствии с обязательствами в рамках Европейского союза. Возможно, приверженность многосторонним форматам может объяснить значительное внимание, которое данный новый донор уделяет в программе СМР 2015 г. повестке развития на период до 2030 г.

---

¹⁰ Небольшие изменения в частоте словоупотребления могут быть объяснены тем, что концепция 2014 г. в два раза короче концепции 2007 г.

¹¹ Press release. On the meeting of the Russia's MFA board. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/268EB5CF146D295B44257C1B00390F9C (accessed: 07.07.2016) (in Russian).

¹² Government Report on Development Policy: One World, Common Future — Toward sustainable development (2016). URL: <http://formin.finland.fi/public/default.aspx?contentid=341918&nodeid=49540&contentlan=2&culture=en-US> (accessed: 07.07.2016).

Большое внимание вопросам устойчивого развития, равенства и изменения климата уделяется в стратегии (хартии) Германии 2014 г. Все страны отмечают глобальную взаимозависимость в своих стратегиях. Однако если, например, Великобритания отмечает угрозы и вызовы, которые могут прийти в страну издалека, то германская стратегия призывает к гуманистическим идеалам своих граждан и напоминает им о том, что почти все, что они потребляют, было произведено людьми на других континентах, порой в нечеловеческих условиях, и о том, что Германия несет свою долю ответственности за деградацию земель, снижение биоразнообразия и т.д. Примечательно, что по сравнению с прежней стратегией в хартии меньше упоминаются внешнеполитические интересы страны. Это может быть обусловлено тем, что в отличие от документа 2011 г., стратегия 2014 г. разрабатывалась с широким участием общественности, включая НКО. На данный момент не ясно, приведет ли принятие новой идеалистически-ориентированной стратегии к изменениям в германском ОНР, распределение которого долгое время отражало геостратегические и экономические интересы донора [Dreher, Nunnenkamp, Schmaljohann 2015: 60].

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Экономический фактор, состоящий в усилении связки помощи и внешнеэкономических целей, может проявляться в стратегиях СМР в виде отсылок к экономической взаимовыгодности оказания помощи. Среди рассматриваемых доноров он особенно значим для Австралии. Стратегия была принята через год после того, как в 2013 г. ранее полуавтономное Австралийское агентство по международному развитию было объединено с Министерством иностранных дел и торговли Австралии. Ряд экспертов увидели в новой австралийской стратегии проявления эгоизма [Ware 2015: 51], в то время как другие [Corbett, Dinnen 2016: 87], наоборот, полагают, что новая стратегия находится в русле прогрессивной мысли в сфере СМР (решающая роль бизнеса для развития, важность институтов, связка безопасности и развития, роль внешней политики).

Однако анализ показывает, что вопросы торговли и экономики и ранее, в 2006 г., были важны для австралийского СМР. Но в новой стратегии 2014 г. более ярко обозначилась связка дипломатии и экономики. Текст содержит много отсылок к «экономической дипломатии», ни разу не упоминавшейся в 2006 г. По словам министра иностранных дел Д. Бишоп, экономическая дипломатия будет «в сердце» политики СМР Австралии: «также как целью традиционной дипломатии является мир, целью экономической дипломатии является процветание»¹³. О процветании (*prosperity*) говорится во многих стратегиях, особенно у Великобритании, Японии, Новой Зеландии, но ни в одной из них этой цели не уделяется столько внимания, как в австралийском документе.

---

¹³ Перевод автора. Оригинал: «Just as the goal of traditional diplomacy is peace, the goal of economic diplomacy is prosperity». Australian aid: promoting prosperity, reducing poverty, enhancing stability (2014). URL: <http://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/australian-aid-development-policy.pdf> (accessed: 07.07.2016).

Примечательно, что экономический фактор оказался наиболее ярко выраженным именно у Австралии, объемы ОПР которой на момент принятия новой концепции находились на явном нисходящем тренде, в то время как помощь других рассматриваемых доноров, за исключением Финляндии, либо увеличивалась, либо стагнировала (рис. 2). Вероятнее всего, ориентация на взаимовыгодность СМР призвана уберечь бюджет ОПР Австралии от еще больших сокращений, а также содействовать привлечению новых доходов в бюджет.

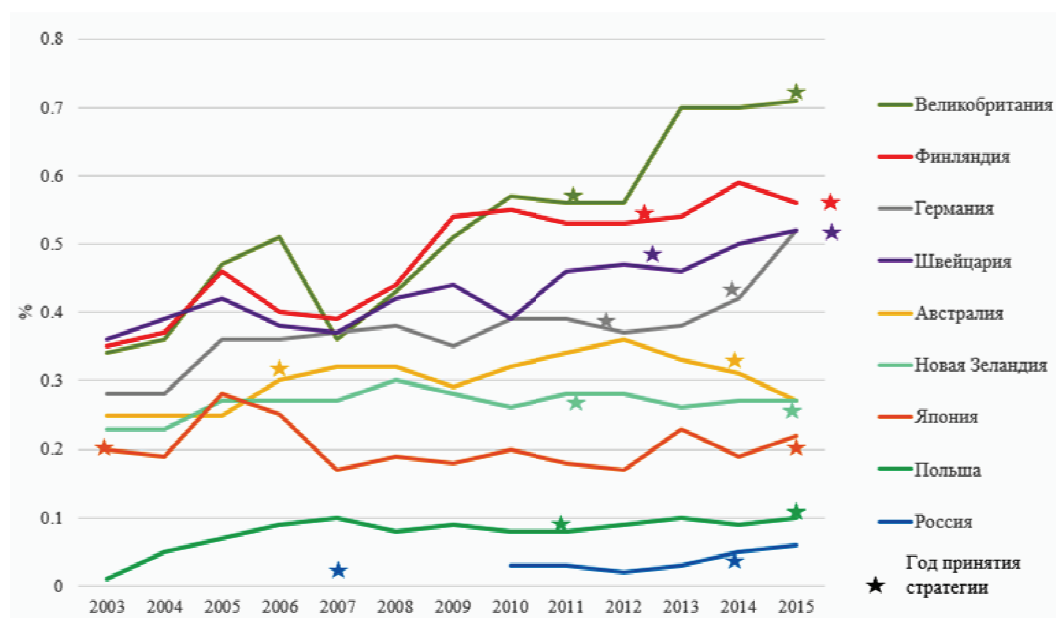

Рис. 2. Соотношение ОПР к ВВП в % и даты принятия стратегий СМР

Источник: составлено автором на основе данных ОЭСР

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Внешнеполитическая мотивация донора тесно переплетена с вопросами безопасности и экономики. Однако наряду с экономической выгодой и интересами безопасности данный фактор также может включать продвижение ценностей и культуры донора [Дегтерев 2012: 53—55].

Почти все анализируемые страны стали более открытыми в признании своих внешнеполитических интересов в части СМР. Если ранее почти никто из них не включал формулировки о национальном интересе в программные документы, то теперь это делают почти все (рис. 3). Исключение составляют лишь Польша, Финляндия и отчасти Германия, для которых, как было отмечено выше, решающим оказался фактор «2015», свидетельствующий об их приверженности идеалистическому подходу при позиционировании своего СМР. Упомянутый выше открытый процесс разработки германской стратегии 2014 г., видимо, определил выбор в сторону идеалистического дискурса и отход от частого упоминания национальных интересов, как это было в 2011 г.

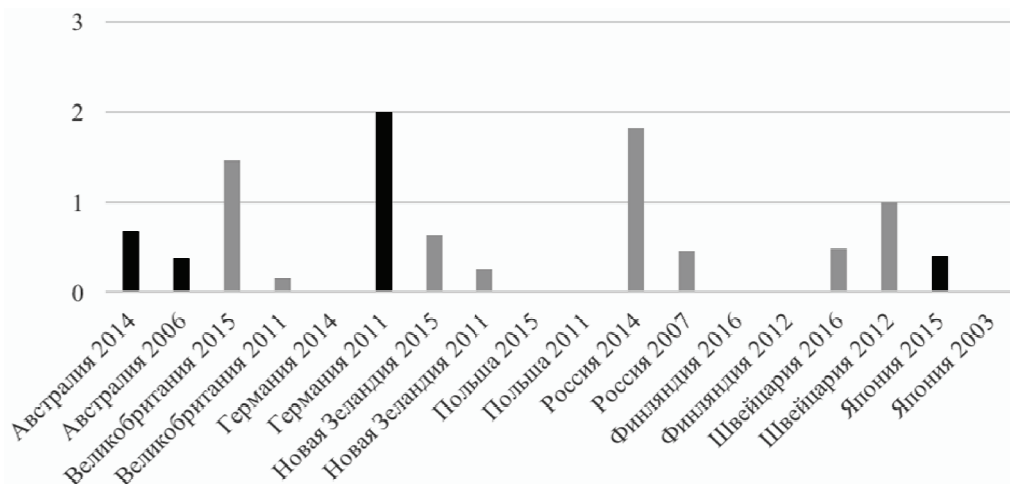

Рис. 3. Частота употребления понятия «национальный интерес» на 1000 слов

Источник: составлено автором

Японская хартия официальной помощи развитию, принятая в 2015 г., существенно отличается от документа 2003 г. своим вниманием к вопросам национального интереса, сопряжения СМР с дипломатическими усилиями страны. Япония обозначает важность продвижения своей культуры, языка и ценностей в рамках СМР. Новый документ также предполагает введение в качестве критерия результативности СМР оценку с точки зрения дипломатии (evaluation from a diplomatic point of view).

Япония и Великобритания являются единственными донорами, чьи стратегии содержат словосочетание «мягкая сила» в отношении их помощи. Однако в случае Великобритании проходящий золотой нитью по всему тексту «национальный интерес» все же чаще относится к вопросам безопасности и экономики. Российская концепция 2014 г. также содержит отсылку к позитивному восприятию России и ее культурно-гуманитарному влиянию в мире, однако термин «мягкая сила» не употребляется в явном виде.

Россия существенно выделяется на фоне других доноров в части отсылок к внешней политике. Значение внешнеполитического фактора при определении приоритетов российской политики в СМР значительно возросло. Разное авторство двух концепций может быть одной из причин [Gray 2015: 283]. Тот факт, что концепция 2007 г. разрабатывалась в основном под эгидой Минфина России, а ее пересмотром в 2013—2014 гг. занимался МИД России, свидетельствует о смене подходов к СМР. В концепции 2007 г. было заявлено о базировании политики России в СМР на Целях развития тысячелетия ООН, положениях Концепции внешней политики Российской Федерации и Концепции национальной безопасности Российской Федерации. Согласно концепции 2014 г. формирование и реализация государственной политики в сфере СМР осуществляются в соответствии с Концепцией внешней политики Российской Федерации. Стратегия национальной безопасности также упоминается, но в разделе общих положений. А роль ми-

ровой повестки дня в области развития и вовсе отошла на задний план. Согласно концепции 2014 г. национальные интересы России во многом заключаются в обеспечении безопасности, но также включают в себя «достижение максимальной отдачи от оказываемой помощи» (не вполне ясно, идет ли речь об экономической выгоде), «формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами», «укрепление прочных позиций в мировом сообществе и в конечном счете создание благоприятных внешних условий для развития Российской Федерации»¹⁴.

***

Доноры в целом становятся более открыты в своих мотивах при оказании помощи. Интересы в сферах безопасности, экономики и внешней политики все чаще упоминаются в их стратегиях. Вопросы безопасности и внешнеполитических интересов особенно актуальны для таких стран, как Великобритания, Швейцария, Япония, Россия и, отчасти, Новая Зеландия. На фоне сокращения расходов на ОПР Австралия приоритизирует вопросы торговли и экономической взаимовыгодности. Глобальная повестка развития наиболее значима в стратегиях Финляндии, Польши, Швейцарии и Германии.

Приведенный обзор изменений стратегий доноров лишь немного расширяет наши знания о сложных и многовекторных переменных, происходящих в сфере СМР под влиянием глобальных процессов. Дальнейший анализ меняющихся подходов доноров, например, в части влияния новых стратегий на изменение географических и секторальных приоритетов, выбор каналов доведения помощи до получателей и новых инструментов содействия развитию, может способствовать более глубокому пониманию происходящих изменений и учету современных тенденций при построении российской политики СМР. В качестве примера можно упомянуть содержащееся в стратегии Великобритании намерение полностью отказаться от общей поддержки бюджета стран-получателей (*general budget support*), хотя совсем недавно эта модальность считалась одной из наиболее эффективных. В свою очередь Швейцария в новой стратегии начала полагаться на свой опыт и экспертизу при выборе приоритетных секторов содействия, тем самым помогая там, где ее опыт и экспертиза имеют наибольшую добавленную стоимость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бартенев В.И. Связка «безопасность—развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к концептуализации // *Международные процессы*. 2015. № 3. С. 78—97.

Дегтерев Д.А. Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. № 2. С. 47—58.

¹⁴ Concept of the Russian Federation's State Policy in the Area of International Development Assistance (2014). URL: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/64542?p_p_id=101_INSTANCE_CptICk6BZ29&_101_INSTANCE_CptICk6BZ29_languageId=ru_RU (accessed: 06.07.2016).

Кокошин А.А., Бартечев В.И. Проблемы взаимозависимости безопасности и развития в стратегическом планировании в Российской Федерации: от целеполагания к прогнозированию // Проблемы прогнозирования. 2015. № 6. С. 6—17.

Максимова А.В. Что ценим, то и оцениваем: оценка результативности содействия международному развитию // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. № 1. С. 56—79.

Bizzarri R. The new Japanese Development Cooperation Charter and the South China Sea disputes. 2016. URL: <http://dSPACE.unive.it/bitstream/handle/10579/8192/988060-1195064.pdf?sequence=2> (accessed 07.07.2016).

Buzan B., Waever O. Macrosecuritisation and Security Constellations: Reconsidering Scale in Securitisation Theory // Review of International Studies. 2009. 35 (2). P. 253—276.

Corbett J., Dinnen S. Examining Recent Shifts in Australia's Foreign Aid Policy: New Paradigm or More Incremental Change? // Australian Journal of International Affairs. 2016. 70 (1). P. 87—103.

de Renzio P., Seifert J. South-South Cooperation and the Future of Development Assistance: Mapping Actors and Options // Third World Quarterly. 2014. 35 (10). P. 1860—1875.

Dreher A., Nunnenkamp P., Schmaljohann M. The Allocation of German Aid: Self-interest and Government Ideology // Economics & Politics. 2015. 27 (1). P. 160—184.

Gray P.A. Russia as a Recruited Development Donor // The European Journal of Development Research. 2015. 27 (2). P. 273—288.

Gulrajani N. Dilemmas in Donor Design: Organisational Reform and the Future of Foreign Aid Agencies // Public Administration & Development. 2015. 35 (2). P. 152—164.

Kitaoka Sh. Sustainable Development Goals and Japan's Official Development Assistance Policy: Human Security, National Interest, and a More Proactive Contribution to Peace // Asia-Pacific Review. 2016. 23 (1). P. 32—41.

Larionova M.V., Rakhmangulov M.R., Berenson M.P. The Russian Federation's International Development Assistance Programme: A State of the Debate Report. Institute of Development Studies (IDS). Series "Rising Powers in International Development". 2014. No. 88.

Phillips L., Jorgensen M. Discourse Analysis as Theory and Method. SAGE Publications, 2002.

Sachs J. Achieving the Sustainable Development Goals // Journal Of International Business Ethics. 2015. 8(2). P. 53—62.

Vernon Ph. What's not to like about the UK's new Aid Strategy? 2015. URL: <http://www.international-alert.org/blog/whats-not-about-uks-new-aid-strategy#sthash.miHTX5St.Z7cWu6qr.dpbs> (accessed 07.07.2016).

Ware H. Cosmopolitanism, National Interest, Selfishness and Australian Aid // Social Alternatives. 2015. 34 (1). P. 51—57.

Weldes J. Constructing National Interests // European Journal of International Relations. 1996. 3 (2). P. 275—318.

Дата поступления статьи: 18.07.2016

Для цитирования: Максимова А.В. Смена приоритетов в стратегиях ведущих доноров международной помощи в 2014—2016 гг.: цели устойчивого развития и фактор безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 521—537.

CHANGING PRIORITIES IN STRATEGIC DOCUMENTS OF DONOR COUNTRIES IN 2014—2016 SUSTAINABLE DEVELOPMENT AGENDA AND SECURITY FACTOR

A.V. Maximova

Higher School of Economics, Moscow, Russia

The article discusses driving forces behind the changing strategies of the bilateral donors of international development assistance. It considers the donors that have adopted their strategies in 2014—2016. The group comprises mainly traditional development actors, however a new European donor Poland and a reemerging donor Russia have also made it into the sample. To identify the changing narratives and potential driving forces behind them the strategies were analyzed in pairs: a strategy adopted in 2014—2016 and its predecessor. Based on the analysis four clusters of the potential driving forces were identified: new global development agenda, security concerns, economic interests and foreign policy considerations.

The article demonstrates how donors are becoming more open about their security and political interests in provision of development aid. This trend is especially visible in countries such as the U.K., Japan, Russia, and Switzerland. Australia seems to prioritize the economic dimension of the mutual interest in development assistance. Finland, Germany and Poland are adhering to the global sustainable development agenda.

Key words: official development assistance, Sustainable Development Goals, security-development nexus, soft power.

REFERENCES

- Bartenev, V.I. (2015). Svyazka “bezopasnost'-razvitiye” v sovremennykh zapadnykh issledovaniyakh: ot dekonstruktsii k kontseptualizatsii [Security-development nexus in modern western research: from deconstruction to conceptualization]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 3, pp. 78—97.
- Buzan, B., Waever, O. (2009). Macrosecuritisation and security constellations: reconsidering scale in securitisation theory. *Review of International Studies*, 35(2), pp. 253—276.
- Corbett, J., Dinnen, S. (2016). Examining recent shifts in Australia's foreign aid policy: new paradigm or more incremental change? *Australian Journal of International Affairs*, 70 (1), pp. 87—103.
- Degterev, D.A. (2012). Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument prodvizheniya vneshnepoliticheskikh i vneshneekonomicheskikh interesov [International development assistance as an instrument to promote foreign policy and economy interests]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2, pp. 47—58.
- de Renzio, P., Seifert, J. (2014). South–South cooperation and the future of development assistance: mapping actors and options. *Third World Quarterly*, 35 (10), pp. 1860—1875.
- Dreher, A., Nunnenkamp, P., Schmaljohann, M., 2015. The Allocation of German Aid: Self-interest and Government Ideology. *Economics & Politics*, 27 (1), pp. 160—184.
- Gray, P.A. (2015). Russia as a Recruited Development Donor. *The European Journal of Development Research*, 27 (2), pp. 273—288.
- Gulrajani, N. (2015). Dilemmas in Donor Design: Organisational Reform and the Future of Foreign Aid Agencies. *Public Administration & Development*, 35 (2), pp. 152—164.
- Kitaoka, Sh. (2016). Sustainable Development Goals and Japan's Official Development Assistance Policy: Human Security, National Interest, and a More Proactive Contribution to Peace. *Asia-Pacific Review*, 23 (1), pp. 32—41.
- Kokoshin, A.A., Bartenev, V.I. (2015). Problemy vzaimozavisimosti bezopasnosti i razvitiya v strategicheskoy planirovaniy v Rossiiskoy Federatsii: ot tselepolaganiya k prognozirovaniyu [Issues with the security-development nexus in Russia's strategic planning: from goal setting to forecasting]. *Problemy prognozirovaniya*, 6, pp. 6—17.

Larionova, M.V., Rakhmangulov, M.R., Berenson, M.P. (2014). *The Russian Federation's International Development Assistance Programme: A State of the Debate Report*. Institute of Development Studies (IDS). Series "Rising Powers in International Development". 88.

Maksimova, A.V. (2015). Chto tsenim, to i otsenivaem: otsenka rezul'tativnosti sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu [Treasure what you measure: evaluation of the development assistance effectiveness]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*, 1, pp. 56—79.

Phillips, L., Jorgensen, M. (2002). *Discourse Analysis as Theory and Method*. SAGE Publications.

Sachs, J. (2015). Achieving the Sustainable Development Goals. *Journal Of International Business Ethics*, 8(2), pp. 53—62.

Vernon, P. (2015). *What's not to like about the UK's new aid strategy?* URL: <http://www.international-alert.org/blog/whats-not-about-uks-new-aid-strategy#sthash.miHTX5St.Z7cWu6qr.dpbs> (accessed 07.07.2016).

Ware, H. (2015). Cosmopolitanism, National Interest, Selfishness and Australian Aid. *Social Alternatives*, 34 (1), pp. 51—57.

Weldes, J. (1996). Constructing National Interests. *European Journal of International Relations*, 3 (2), pp. 275—318.

Received: 18.07.2016

For citations: Maximova, A.V. (2016). Changing priorities in strategic documents of donor countries in 2014—2016: sustainable development agenda and security factor. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16(3), pp. 521—537.

ФРАНКО-АРМЯНСКИЕ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ОПЫТ ПРИКЛАДНОГО АНАЛИЗА

Д.А. Хачатурян

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Франция занимает приоритетное положение во внешнеполитическом курсе Армении. Двусторонние отношения находятся на высоком уровне и оба государства их характеризуют как привилегированные. Для уточнения структуры франко-армянских отношений автор использует прикладные методы анализа: проведен контент-анализ отчета деятельности МИД Армении, количественный анализ двусторонних визитов и встреч, группы дружбы в парламенте Франции, децентрализованного сотрудничества, голосования в ГА ООН и ПАСЕ.

Высокому уровню сотрудничества соответствует совпадение позиций более чем в половине случаев в ходе голосования в ООН. Регулярные визиты во Францию показывают большую значимость французского вектора. Благодаря активной деятельности армянской общины Франции, Армения может опираться на группу сторонников во французском парламенте, в ПАСЕ, Европейском парламенте и т.д., децентрализованное сотрудничество с Францией не уступает взаимодействию Армении с другими странами в этой сфере.

Ключевые слова: количественные методы анализа, контент-анализ, голосование, Франция, Армения, внешняя политика, международные отношения.

Франция занимает приоритетное направление во внешней политике Армении. Уже в 1990-е гг. Армению и Францию объединяли надежные и устойчивые партнерские связи, позволив Армении осуществлять взаимодействие с европейскими структурами [Акопян 2015]. Крупная армянская диаспора во Франции «превратилась в устойчивый фактор поддержки стабильных и в целом дружественных отношений Франции и Армении» [Акопян 2015: 141]. Благодаря активной деятельности, в дело признания геноцида, становление и развитие межгосударственных отношений вносят огромный вклад представители армянского сообщества Франции, оказывая влияние на политику Франции. Франция закрепила законодательно в 2001 г. признание геноцида армян [Masseret 2001, 2002; Кртян 2011] и пытается криминализировать отрицание, несмотря на охлаждение франко-турецких отношений [Marian 2011, 2012; Duclert 2013; Vaisse 2008]. Франция также способствует продвижению международного признания геноцида, учитывая влияние страны в ЕС или в Международной организации Франкофонии (например, заявление Генерального секретаря МОФ в контексте 100-летней годовщины геноцида армян¹, резолюция «по предотвращению геноцидов» 31-й мини-

---

¹ La Secrétaire générale de la Francophonie s'associe aux commémorations du centenaire du génocide arménien. Communiqué de presse. OIF. 24.042015. URL: http://www.francophonie.org/IMG/pdf/communiqué_19_commemoration_centenaire_genocide_armenien_24-04-2015.pdf (accessed: 03.07.2016).

стерской сессии МОФ²). Признание геноцида армян также является одним из составляющих элементов политики Франции по отношению к Турции [Ходжаян 2011, 2015].

Франция вовлечена в процесс мирного урегулирования карабахского конфликта, которая действуя в качестве посредника в рамках Минской группы ОБСЕ стремится занимать сбалансированную позицию, вместе с тем «история процесса урегулирования свидетельствует об определенной близости Франции к дипломатической позиции Армении» [Акопян 2015: 125]. Еще в 2001 г. Франция играла довольно активную роль и был зарегистрирован значительный прогресс, выработаны так называемые Парижские принципы, которые заложены в документ в Ки-Уэсте³. Высокий уровень армяно-французского сотрудничества не в достаточной мере подкреплен в военной сфере [Акопян 2015: 58], что обусловлено ролью Франции в качестве посредника в процессе урегулирования карабахского конфликта [Բաղդասարյան 2014].

Инвестиционная политика Франции в Армении активизировалась в 2007—2008 гг. Франция — второй крупнейший иностранный инвестор в реальный сектор армянской экономики, на конец 2013 г. объем инвестиций Франции превысил 1 млрд долларов. Французские инвестиции несколько компенсируют ее слабое участие в торговле с Арменией. Исторические связи, несомненно, являются фактором влияния на развитие современных франко-армянских отношений [Ter Minasian 2000]. Наличие богатого исторического опыта сотрудничества в самых разных областях является той основой, на которой строятся и динамично развиваются современные политические, экономические, культурные отношения между Францией и Арменией.

Договорно-правовое поле межгосударственных отношений активно развивается, в период президентства Н. Саркози и Ф. Олланда заметно расширилось поле взаимодействия. Сотрудничество в научно-культурной сфере наращивается в рамках программ МОФ, децентрализованного сотрудничества, академий, вузов, музеев Франции и Армении [Акопян 2015: 79]. Культурно-гуманитарные связи подкрепляют межгосударственное политическое и экономическое взаимодействие. Культурная дипломатия Франции в отношении Армении в значительной степени предшествует экономической. Принимая во внимание, что отношения между Арменией и Францией находятся на высоком уровне, оба государства характеризуют их как привилегированные. Для уточнения структуры взаимодействия между странами автор прибегает к применению прикладных методов анализа, что в отечественной международно-политической науке находится на начальном этапе [Дегтерев 2015]. Надо обязательно упомянуть о том, что Франция —

---

² Résolution sur la prévention du genocide. 31-me session de la Conférence ministérielle de la Francophonie Erevan 2015. URL: http://francophonieerevan2015.am/page_files/documents/Resol_genocide_CMF_31_11102015.pdf (accessed: 03.07.2016).

³ Интервью министра иностранных дел Э. Налбандяна телеканалам «Общественный», «Армения», «Армньюз» и «Центр». 28.01.2012. URL: http://www.mfa.am/ru/interviews/item/2012/01/28/nalbandian_TVinterview/ (accessed: 08.07.2016).

член ЕС и НАТО и существует довольно жесткая блоковая дисциплина. Поэтому многие вопросы необходимо рассматривать в контексте Общей внешней политики и политики в сфере безопасности и обороны (ОВПБ и ЕПБО), так как «в Евросоюзе доминирует стремление придерживаться комплексного регионального подхода к Южному Кавказу» [Болгова 2008: 342].

Нами был проведен контент-анализ ежегодного отчета деятельности МИД Армении 2008—2015 гг.⁴ Был рассмотрен один аспект — частота употребления названий внешнеполитических партнеров данной страны — Франция, США, ЕС, РФ. Результаты исследования наглядно показывают направление активности во внешней политике Армении.

Таблица 1

Частота упоминания внешнеполитических партнеров в ежегодном отчете МИД Армении

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Россия	8	17	25	23	24	27	16	25
ЕС	17	20	14	15	14	21	14	21
США	13	12	16	10	10	9	16	21
Франция	6	7	4	12	9	17	13	12

Источник: подготовлено автором на основе данных сайта МИД Армении

Проведенный подсчет визитов показывает, что из европейских стран именно Францию президент Армении посещал больше всего (табл. 2а), что доказывает правоту мнения о влиянии Франции на это государство и значимости Франции для внешней политики Армении. Нами были подсчитаны все двусторонние встречи президентов Франции и Армении с 2008 г. по 2015 г. и результаты показывают, что президенты двух стран встречаются регулярно и «сверяют часы» (11 раз). Увеличилось также количество визитов президента Франции в Армению в данный период.

Таблица 2а

Количество визитов президента Армении в европейские страны в 2008—2015 гг.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Всего
Франция	1	1	1	3	1	1	1	2	10
Бельгия	1	—	1	—	2	1	1	2	8
Германия	—	2	1	1	—	—	—	—	4
Великобритания	—	—	1	—	1	—	1	1	4

Источник: составлено автором на основе данных сайта президента Армении

Таблица 2б

Двусторонние встречи президентов Франции и Армении в 2008—2015 гг.

во Франции	в Армении	Прочие
6	3	2

Источник: составлено автором на основе данных сайтов президентов Франции и Армении

⁴ Ежегодный отчет деятельности Министерства иностранных дел Армении. URL: <http://www.mfa.am/hy/annualreport> (accessed: 08.07.2016).

Нами были подсчитаны визиты министра иностранных дел Армении во Францию и США и двусторонние встречи с госсекретарем США и министром иностранных дел Франции. В период с 2008 г. по 2015 г. министр иностранных дел РА Э. Налбандян регулярно посещал Францию, участвовал в переговорах с коллегой (8 раз). В ходе своего визита во Францию, помимо переговоров с министром, Э. Налбандян постоянно встречался (5 раз) с советником Н. Саркози по дипломатическим вопросам и проблемам внешней политики Жан-Давидом Левитом. После своего назначения в 2008 г. на пост министра иностранных дел Э. Налбандян в первую очередь с официальным визитом посетил именно Францию, где он с 1999 г. вплоть до своего назначения представлял Армению в должности посла⁵. Несмотря на более частые визиты Э. Налбандяна во Францию, нежели в США, госсекретарь Х. Клинтон дважды посещала с визитом Армению в рассматриваемый период, в отличие от министра иностранных дел Франции.

Таблица 3

**Визиты министра иностранных дел Армении
и двусторонние встречи с коллегами в 2008–2015 гг.**

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Всего
Франция	1	2	—	1	1	1	2	—	8
США	1	2	—	1	—	1	—	—	5

Источник: составлено автором на основе данных сайта МИД Армении

Нами был проведен количественный анализ визитов министра диаспоры Армении по состоянию на 2015 г. с момента создания соответствующего министерства в составе правительства РА в 2008 г. Результаты анализа показывают огромную значимость армянской диаспоры Франции и США для армянского государства и регулярные визиты министра диаспоры в эти страны. Подсчеты объясняют правоту точки зрения, что армянская диаспора имеет солидный опыт лоббирования политических и экономических интересов Армении, прежде всего во Франции и США [Кртян 2010], а по некоторым утверждениям самое мощное армянское лобби действует во Франции [Галстян 2012]. И, несмотря на то, что в России проживает самая крупная по численности армянская община, Россию посещали с визитом в основном заместители министра диаспоры и другие сотрудники ведомства.

Таблица 4

Количество визитов министра диаспоры Армении в 2008–2015 гг.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Всего
Франция	—	2	1	1	1	2	2	1	10
США	1	3	—	2	—	—	—	1	7
Ливан	—	1	2	1	—	—	—	2	6
Италия	—	1	1	—	2	—	—	1	5
Грузия	—	2	—	1	—	—	—	—	3

Источник: подготовлено автором на основе данных сайта министерства диаспоры Армении

⁵ Интервью министра иностранных дел Э. Налбандяна «Второму армянскому телеканалу». 21.05.2008. URL: <http://www.mfa.am/hy/interviews/item/2008/05/21/h2> (accessed: 08.07.2016).

Был использован прикладной метод анализа при рассмотрении группы дружбы «Франция—Армения» в Национальной ассамблее и Сенате. В Национальной ассамблее группа дружбы «Франция—Армения» на данный момент насчитывает 67 депутатов из 577 мест, т.е. 11,6 %, а в Сенате — 24 сенатора из 348 мест, что составляет 6,9 % от всего состава палаты на количество французов армянского происхождения, насчитывающего около 400 тыс. человек. Хотя в Национальном собрании в ходе последних выборов социалисты получили 280 мест из 577, а правая партия «Союз за народное движение» (ныне «Республиканцы») — 185 мест. А также несмотря на то что Социалистическая партия имеет тесные связи с партией дашнаков и традиционно выступает в защиту армянских требований, результаты анализа наглядно показывают (табл. 5), что в группах дружбы количественно больше представлены «Республиканцы» нежели Социалистическая партия. Количественный анализ также показывает, что в группах дружбы представлены в основном три региона Франции, где собственно и проживает армянское сообщество. После парламентских выборов 1997 г. в группе дружбы были больше всего представлены партии «Союз за французскую демократию» (21), «Либеральная демократия» (19) и социалисты (16). Помимо парламентариев от трех традиционных регионов значительно был представлен регион Земли Луары на западе Франции. Анализ данной группы представляет интерес тем, что в годы деятельности XI Национальной ассамблеи был принят законопроект о признании геноцида армян.

Таблица 5

Группы дружбы «Франция—Армения» в Национальной ассамблее и Сенате

	Члены группы	Республиканцы	Социалисты	Прочие
Национальная ассамблея	67	35	23	9
Сенат	24	12	8	4

Овернь-Рона-Альпы	Прованс-Альпы-Лазурный берег	Иль-де-Франс	Прочие
20	17	14	16
10	5	5	4

Источник: составлено автором на основе данных сайтов парламента Франции

Благодаря активной деятельности армянской общины территориальные власти Франции динамично развивают отношения с местными властями Армении. Первые контакты между французским городом Баньё и армянским городом Кировакан (ныне Ванадзор) были установлены еще в 1964 г. при поддержке посольства СССР во Франции и Всемирной федерации городов-побратимов, а спустя четыре года был подписан акт сотрудничества между городами⁶. Данные министерства иностранных дел Франции показывают, что 25 территориальных вла-

⁶ Parution du guide “fédérer les initiatives, promouvoir la coopération décentralisée en arménie”. Conclusions de l'étude conduite par le groupe interparlementaire d'amitié France-Arménie (septembre 2011). URL: <http://www.senat.fr/ga/ga101/ga101.pdf> (accessed: 08.07.2016).

стей осуществляют 54 проекта сотрудничества с 30 армянскими органами местного самоуправления⁷. В этой связи проведен анализ децентрализованного сотрудничества в сравнительном контексте на примере г. Еревана. В приведенной таблице 6 подсчитаны основные города-побратимы и города-партнеры г. Еревана по странам. Как видно, активно развиваются отношения в этом направлении с Францией и Россией.

Таблица 6

Города-побратимы г. Еревана

Россия	Франция	США
Волгоград Ставрополь Ростов-на-Дону Новосибирск	Ницца Марсель Антони	Лос-Анджелес Кембридж
4	3	2

Города-партнеры г. Еревана

Франция	Россия
Лион Париж Иль-де-Франс Ле-Плесси-Робинсон Вьен Арнувиль	Санкт-Петербург Москва Калининград Краснодар Ханты-Мансийск
6	5

Источник: подготовлено автором на основе данных сайта мэрии Еревана

Сотрудничество также происходит в ПАСЕ между делегациями Армении и Франции. Например, под декларацией по случаю столетия геноцида армян подписались 174 представителя (в том числе 23 из Франции), она была инициирована председателем национальной делегации Франции Рене Руке, который является также председателем группы дружбы «Франция—Армения» в Национальной ассамблее⁸. Кроме того, во время обсуждения резолюции «Функционирование демократических институтов в Азербайджане» неблагоприятная для Армении формулировка «оккупация территорий» была заменена на «карабахский конфликт», принята поправка к проекту резолюции, в том числе по предложению Рене Руке⁹. В ПАСЕ

⁷ Projets Arménie sur l'Atlas français de la coopération décentralisée et des autres actions extérieures, et Bourse projets de la coopération décentralisée, CNCD / MAEDI. URL: <https://pastel.diplomatie.gouv.fr/cncdext/dyn/public/atlas/rechercheAtlasMonde.html?criteres.paysId=121> (accessed: 08.07.2016).

⁸ Commemoration of the Centennial of the Armenian genocide. Written declaration No. 591, Doc. 13770, 16.07.2015. Parliamentary Assembly of the Council of Europe. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=22003&lang=en> (accessed: 08.07.2016).

⁹ The functioning of democratic institutions in Azerbaijan. Resolution 2062 (2015). Parliamentary Assembly of the Council of Europe. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=21953&lang=en> (accessed: 08.07.2016); The functioning of democratic institutions in Azerbaijan. Amendment No. 2, Doc. 13801, 22.06.2015. PACE. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=21853&lang=en> (accessed: 08.07.2016).

в составе французской делегации представлено значительное количество парламентариев, которые являются членами группы дружбы «Франция—Армения».

Для определения позиции Армении по тем или иным вопросам международной повестки был проведен анализ на основе голосования стран в Генеральной ассамблее ООН с 48-й по 70-ю сессии (1993—2016 гг.) с использованием данных Информационно-библиографической системы ООН¹⁰, были выявлены сходства и расхождения позиции страны с внешнеполитической позицией Франции в процентном соотношении. Сравнение позиций позволяет обнаружить точки соприкосновения внешнеполитических курсов, говорить с большой точностью о влиянии на внешнюю политику страны и оценить степень независимости внешней политики армянского руководства. Процедура принятия решений в ГА ООН непосредственно связана с подсчетом голосов и количественными оценками [Дегтерев 2014а].

Как показывают результаты исследования (см. табл. 7), позиция Армении в ходе голосования в ГА ООН совпадает с позицией Франции чуть более чем в половине случаев (в среднем получается 57,8 %). Из приведенной таблицы видно, что стороны не часто противоположно голосуют, расхождение позиций постепенно увеличилось до 13 единиц, а совпадение соответственно немного уменьшилось. Это обусловлено позицией Франции по вопросам прав человека и ядерного оружия. Позиция Франции расходится с Арменией также по таким острым проблемам, как украинский кризис, ситуация в Иране и Грузии. Страны, имеющие отношение к резолюциям, находятся в непосредственной близости от Армении, поэтому по каждой из резолюций страна имеет свою, четко выраженную позицию [Дегтерев 2014б]. Как видно, максимальное совпадение при голосовании в ООН позиций Армении и Франции (до 70 %) наблюдалось в ходе 51—52-й сессии ГА ООН (1996—1998 гг.), а затем оно все время сокращалось, причем минимум (48 %) был в ходе 64—65-й сессии ГА ООН (2009—2010 гг.). Максимум совпадает с началом президентского срока Жака Ширака и связанными с этим изменениями во французской внешней политике, а минимум с инициативами Н. Саркози. Известно, что при Шираке Франция вернулась к политике голлизма и определенным образом дистанцировалась от США, а к 2007—2008 гг. наметилось обновление внешнеполитического курса, что сопровождалось пересмотром подходов к трансатлантическим отношениям [Зверева 2014: 210].

Второй столбец приведенной ниже таблицы указывает на количество резолюций, по которым Армения и Франция проголосовали одинаково; третий столбец — количество случаев, когда взгляды данных стран относительно той или иной резолюции разошлись. Процент совпадений (шестой столбец) рассчитывается как отношение одинаковых голосов к общему количеству резолюций (пятый столбец).

---

¹⁰ United Nations Bibliographic Information System. URL: <http://unbisnet.un.org> (accessed: 08.07.2016).

Сравнение голосования в ГА ООН Армении и Франции

Сессия ГА ООН	Совпадение позиций	Несовпадение позиций	Воздержалась при голосовании или не голосовала	Общее количество резолюций	% совпадений
70	37	13	23	73	50,68 %
69	41	13	27	81	50,60 %
68	33	12	19	64	51,56 %
67	39	10	23	72	54,16 %
66	38	9	23	70	54,28 %
65	35	11	27	73	47,94 %
64	33	10	26	69	47,82 %
63	47	11	18	76	61,84 %
62	45	12	22	79	56,96 %
61	54	8	25	87	62,06 %
60	44	6	26	76	57,89 %
59	42	6	23	71	59,15 %
58	47	8	21	76	61,84 %
57	44	6	23	73	60,27 %
56	40	7	20	67	59,70 %
55	40	5	22	67	59,70 %
54	41	3	24	68	60,29 %
53	37	2	22	61	60,65 %
52	48	1	20	69	69,56 %
51	52	3	21	76	68,42 %
50	46	2	34	82	56,09 %
49	42	6	20	68	61,76 %
48	38	4	22	64	59,37 %

Источник: рассчитано автором по данным United Nations Bibliographic Information System (UNBISnet)

***

Подводя итоги исследования, отметим следующее. Проведенный прикладной анализ позволяет выявить ряд моментов: армяно-французским привилегированным отношениям соответствует совпадение позиций чуть более чем в половине случаев в ходе голосования стран в ГА ООН. Регулярные визиты главы государства, внешнеполитического ведомства и министерства диаспоры Армении во Францию показывают большую значимость французского вектора во внешней политике Армении. Благодаря активной деятельности армянской общины Франции, Армения может опираться на группу сторонников не только во французском парламенте, но соответственно и в ПАСЕ, Европейском парламенте и т.д., децентрализованное сотрудничество с Францией динамично развивается и не уступает взаимодействию Армении с другими странами в этой сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акопян Э.Г. Основные направления развития двусторонних отношений Республики Армения и Франции (1992—2008 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2015.

Болгова И.В. Политика Европейского Союза на Южном Кавказе // Кавказский сборник. 2008. 5(37). С. 338—350.

Галстян А.С. Армянское лобби — важный фактор мировой политики. Вопросы истории, международных отношений и документоведения: сборник материалов Всероссийской молодежной научной конференции (18—20 апреля 2012 г.) / Науч. ред. П.П. Румянцев. Томск: Томский государственный университет, 2012. Вып. 8. С. 183—186.

Дегтерев Д.А. Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы. 2015. 13(2). С. 35—54.

Дегтерев Д.А. Механизмы принятия решений в международных организациях и коллективных наднациональных органах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14: Право. 2014а. № 1. С. 88—96.

Дегтерев Д.А., Дегтерев А.Х., Никулин М.А., Оганесян А.Л. Прикладной анализ внешней политики стран СНГ // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2014б. № 4. С. 176—184.

Зверева Т.В. Основные направления внешней политики Франции в условиях глобализации: Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2014.

Кртян Л.А. Особенности институциональной структуры армянской диаспоры Франции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 301—305.

Кртян Л.А. Влияние армянской диаспоры на процесс признания Французской Республикой геноцида армян в Османской империи // Власть. 2011. № 2. С. 159—161.

Ходжсян К.Г. Роль армянской общины в формировании позиции Франции в отношении евроинтеграционных процессов Турции // Լրաբեր Հասարակական Գիտությունների. 2011. № 1—2. С. 103—108. URL: [http://raber.asj-oa.am/5838/1/2011-1-2_\(103\).pdf](http://raber.asj-oa.am/5838/1/2011-1-2_(103).pdf) (accessed: 08.07.2016).

Ходжсян К.Г. Вопрос криминализации отрицания геноцида армян во франко-турецких отношениях // Լրաբեր Հասարակական Գիտությունների. 2015. № 1. С. 70—76. URL: <http://raber.asj-oa.am/6387/1/70.pdf> (accessed: 08.07.2016).

Duclert V. Faut-il une loi contre le négationnisme du génocide des Arméniens? Un raisonnement historien sur le tournant de 2012. Partie I: Vie et mort de la loi Boyer. Histoire@Politique. 2013. (20). P. 181—230.

Duclert V. Faut-il une loi contre le négationnisme du génocide des Arméniens? Un raisonnement historien sur le tournant de 2012. Partie II: Les pouvoirs de la recherche. Histoire@Politique. 2013. (21). P. 167—192.

Marian M., Makarian Ch. Les Arméniens de France et la Turquie: la possibilité d'un dialogue? Note de l'Ifri franco-turque. 2011. № 5. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/notefrancoturque5marianmakarian1.pdf> (accessed: 08.07.2016).

Marian M. Loi de pénalisation du génocide arménien: le mauvais fruit de l'immobilisme du gouvernement turc. Esprit. 2012. 382 (2). P. 6—9.

Masseret O. «La France reconnaît le génocide arménien de 1915». Loi pour la mémoire ou geste diplomatique? Confluences Méditerranée. 2001. No. 39. P. 141—152.

Masseret O. La reconnaissance par le Parlement français du génocide arménien de 1915. Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 2002. No. 73. P. 139—155.

Ter Minassian A. Les Arméniens de France: Les temps modernes. Paris: Privat, 2000.

Vaisse J. Slamming the Sublime Porte? Challenges in French-Turkish Relations from Chirac to Sarkozy. The Brookings Institution. 2008. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/0128_turkey_vaisse.pdf (accessed: 08.07.2016).

Բաղդասարյան Տ. Հայ-ֆրանսիական համագործակցությունը ռազմական ոլորտում (1993—2013 թթ.). Կանթեղ. Գիտական հոդվածների ժողովածու. 2014. № 1. P. 42—51. URL: <http://kantegh.asj-oa.am/1469/1/42.pdf> (accessed: 08.07.2016).

Дата поступления статьи: 08.07.2016

Для цитирования: Хачатурян Д.А. Франко-армянские привилегированные отношения: опыт прикладного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 538—548.

FRENCH-ARMENIAN PRIVILEGED RELATIONSHIPS: AN ATTEMPT TO USE APPLIED ANALYSIS

D.A. Khachaturyan

RUDN University, Moscow, Russia

France takes a priority position in the foreign policy of Armenia. Bilateral relations are at high level and both countries characterize them as privileged relationships. To clarify the structure of relations between the countries, the author realizes a content analysis of the activity reports of the Ministry of Foreign Affairs of Armenia, quantitative analysis of the bilateral visits and meetings, friendship groups at the parliament of France, decentralized cooperation, as well as vote in the UN General Assembly and cooperation at the PACE are analyzed. Armenian-French privileged relationships correspond to the coincidence of more than half of the voting of the countries in the UN General Assembly. Regular visits of the President, the Minister of Foreign Affairs and the Minister of Diaspora of Armenia to France show the important French vector in foreign policy of Armenia. Due to the activities of the Armenian community of France, Armenia can rely on the group of supporters not only in the French Parliament, but, respectively, in the PACE, the European Parliament, etc., and decentralized co-operation with France develops dynamically and is not inferior to the interaction of Armenia with other countries in this area.

Key words: quantitative methods of analysis, content analysis, voting, France, Armenia, foreign policy, international relations.

REFERENCES

Akopyan, E.G. (2015). Osnovnye napravleniya razvitiya dvustoronnikh otnoshenii Respubliki Armeniya i Frantsii (1992–2008 gg.). [Main directions of development of bilateral relations of the Republic of Armenia and France] Dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Nizhnii Novgorod.

Bolgova, I.V. (2008). Politika Evropeiskogo Soyuzha na Yuzhnom Kavkaze [The European Union's policy in the South Caucasus]. *Kavkazskii sbornik*, 5 (37), pp. 338–350.

Galstyan, A.S. (2012). Armyanskoe lobbi — vazhnyi faktor mirovoi politiki [The Armenian lobby — an important factor in world politics]. *Voprosy istorii, mezhdunarodnykh otnoshenii i dokumentovedeniya: sbornik materialov Vserossziiskoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii (18–20 aprelya 2012 g.) / nauch. red. P.P. Romyantsev*. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 8, pp. 183–186.

Degterev, D.A. (2015). Kolichestvennye metody v mezhdunarodnykh issledovaniyakh [Quantitative methods in international studies]. *Mezhdunarodnye processy*, 13(2), pp. 35–54.

Degterev, D.A. (2014a). Mehanizmy prinjatija reshenij v mezhdunarodnykh organizacijah i kolektivnykh nadnacional'nykh organah [Decision-making mechanisms in international organizations and collective supranational bodies]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 14: Pravo*, 1, pp. 88–96.

Degterev, D.A., Degterev, A.Kh., Nikulin, M.A., Oganessian, A.L. (2014b). Prikladnoi analiz vneshnei politiki stran SNG [Applied analysis of the foreign policy of CIS countries]. *Vestnik RUDN. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya»*, 4, pp. 176–184.

Zvereva, T.V. (2014). Osnovnye napravleniya vneshnei politiki Frantsii v usloviyakh globalizatsii, [Main directions of foreign policy of France in the context of globalization], Dissertatsiya na soiskanie stepeni doktora politicheskikh nauk. Moscow.

Krtyan, L.A. (2010). Osobennosti institutsional'noi struktury armyanskoj diasporj Frantsii. [Some features of the institutional structure of the Armenian diaspora in France]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 6, pp. 301–305.

Krtyan, L.A. (2011). Vliyanie armyanskoi diaspory na protsess priznaniya Frantsuzskoi Respublikoi genotsida armyan v Ottomanskoi imperii [Influence of the Armenian Diaspora on the process of recognition of the Armenian Genocide in the Ottoman Empire by the French Republic]. *Vlast'*, 2, pp. 159—161.

Khodzhayan, K.G. (2011). Rol' armyanskoi obshchiny v formirovanii pozitsii Frantsii v ot-noshenii evrointegratsionnykh protsessov Turtsii. [The Role of the Armenian Community in De-veloping the Disposition of France to Euro-integration Processes in Turkey]. *Herald of the Social Sciences*, 1—2, pp. 103—108.

Khodzhayan, K.G. (2015). Vopros kriminalizatsii otritsaniya genotsida armyan vo frantsuzsko-turetskikh otnosheniyakh. [Armenian Genocide Denial Criminalization Issue in Franco-Turkish Relations]. *Herald of the Social Sciences*, 1, pp. 70—76.

Duclert, V. (2013). Faut-il une loi contre le négationnisme du génocide des Arméniens? Un raisonnement historien sur le tournant de 2012. Partie I: Vie et mort de la loi Boyer. *Histoire@Politique*, 20, pp. 181—230.

Duclert, V. (2013a). Faut-il une loi contre le négationnisme du génocide des Arméniens? Un raisonnement historien sur le tournant de 2012. Partie II: Les pouvoirs de la recherche. *Histoire@Politique*, 21, pp. 167—192.

Marian, M., Makarian, Ch. (2011). Les Arméniens de France et la Turquie: la possibilité d'un dialogue?. *Note de l'Ifri franco-turque*, 5. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/notefrancoturque5marianmakarian1.pdf> (accessed: 08.07.2016).

Marian, M. (2012). Loi de pénalisation du génocide arménien: le mauvais fruit de l'immobilisme du gouvernement turc. *Esprit*, 382 (2), pp. 6—9.

Masseret, O. (2001). «La France reconnaît le génocide arménien de 1915». Loi pour la mémoire ou geste diplomatique?. *Confluences Méditerranée*, 39, pp. 141—152.

Masseret, O. (2002). La reconnaissance par le Parlement français du génocide arménien de 1915. *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*, 73, pp. 139—155.

Ter Minassian, A. (2000). *Les Arméniens de France: Les temps modernes*. Paris.: Privat.

Vaisse, J. (2008). *Slamming the Sublime Porte? Challenges in French-Turkish Relations from Chirac to Sarkozy*. The Brookings Institution. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/0128_turkey_vaisse.pdf (accessed: 08.07.2016).

Baghdasaryan, T. (2014). Armenian-French cooperation in the military sphere during the pe-riod 1993—2013. *KANTEGH. Articles*, 1, pp. 42—51.

Received: 08.07.2016

For citations: Khachatryan, D.A. (2016). French-Armenian privileged relationships: an attempt to use applied analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (3), pp. 538—548.

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ: ИСТОКИ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

Интервью с **ВИКТОРОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ КРЕМЕНИОКОМ**,
доктором исторических наук, профессором
Института США и Канады РАН

Интервью с профессором В.А. Кременюком, российским американистом, экспертом в области истории международных отношений и внешней политики, посвящено анализу особенностей отечественной школы конфликтологии и методологии урегулирования современных конфликтов. Ученый рассказывает о предпосылках зарождения советской школы исследования международных конфликтов в годы холодной войны, когда остро встал вопрос об истощении ресурсов противоборствующих сторон. В.А. Кременюк выявляет отличия российской конфликтологии от западных школ. Рассматриваются особенности процесса урегулирования наиболее сложных конфликтов современности, в частности, узла противоречий на Ближнем Востоке, а также кризиса в российско-американских отношениях. Ученый подчеркивает важность контроля над состоянием конфликта и переговоров как инструмента урегулирования конфликтов, обращая особое внимание на многоаспектность процесса урегулирования любого конфликта, необходимость учета огромного количества различных факторов в ходе переговоров, а также на важность осознания великими державами своей глобальной ответственности. На примере деятельности Международного института прикладного системного анализа (ИИАСА) исследователь акцентирует внимание на роли международных научных центров как связующего звена между научным сообществом и властью.

Ключевые слова: конфликтология, урегулирование конфликтов, переговоры, Ближний Восток, российско-американские отношения, Международный институт прикладного системного анализа (ИИАСА).

Кременюк Виктор Александрович родился в 1940 г. в Одессе. В 1963 г. окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР, а в 1964 г. — курсы военных переводчиков при Военном институте иностранных языков. В 1967 г. Виктор Александрович завершил обучение в заочной магистратуре МГИМО, а в 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1968—1970 гг. работал в журнале «Международная жизнь», в 1970 г. поступил на работу в Институт США и Канады Академии наук СССР.

В 1980 г. Виктор Александрович защитил докторскую диссертацию. В том же году в составе группы ученых Академии наук удостоен Государственной премии СССР в области науки и техники за серию закрытых аналитических разработок по международным конфликтам в развивающемся мире.

В 1990 г. удостоен ученого звания профессора.

В 1988—1996 г. Виктор Александрович был сотрудником-исследователем Международного института прикладного системного анализа (Австрия), был координатором проекта по изучению переговоров.

Виктор Александрович является приглашенным профессором ряда американских, европейских и ближневосточных университетов, членом Национального географического общества США и Международной ассоциации конфликтологии.

Сфера научных интересов: анализ состояния и перспектив российско-американских отношений; исследование эволюции внешней политики США; деятельность институтов и учреждений американского государства; политические институты и процессы в американском обществе; переговоры как инструмент урегулирования конфликтов.

22 декабря 2011 г. Виктор Александрович был избран членом-корреспондентом Российской академии наук.

— Конфликтология в качестве самостоятельного научного направления выделилась сравнительно недавно. Причем за рубежом, в частности в США и странах Северной Европы, исследования в данной области получили наибольшее развитие. В чем отличие зарубежной и отечественной школ конфликтологии? Какие школы конфликтологии сформировались за последние годы в России? Есть ли направления, по которым отечественная конфликтология находится на ведущих позициях в мире? Куда в последние годы смещается тематический фокус конфликтологии?

— Конечно, российская конфликтология идет вслед за американскими исследованиями конфликтов, которые начали проводиться после выхода в свет работы Томаса Шеллинга «Стратегия конфликта» [Schelling 1960], где рассматривается проблема сочетания конфликта и сотрудничества в отношениях между странами. Томас Шеллинг понимал, что чистый конфликт — это война. Но иногда и на войне решаются политические вопросы. Однако чаще всего конфликт — это сочетание соперничества и сотрудничества. На этой идее он начал строить всю свою теорию, теорию управления конфликтом, на базе которой вслед за Т. Шеллингом другие американские и европейские авторы начали проводить исследования конфликтов.

О чем изначально шла речь? О затяжном конфликте двух сверхдержав. Американские ученые, в первую очередь, стремились исследовать, что это за конфликт, что определяет его развитие, каковы особенности этого развития, каковы возможности выхода из конфликта, что было наименее исследовано. И научное

сообщество СССР также включилось в работу по изучению конфликта, в частности, ваш покорный слуга даже две книги написал по этому поводу [Кременюк 1977; Кременюк 1979]. Потому что советских ученых это тоже очень интересовало, хотя важно подчеркнуть, что долгое время в Советском Союзе не признавали, что между Москвой и Вашингтоном существует конфликт. А вся теория конфликтов на тот момент была изложена в вышедшей в 1963 г. книге «Военная стратегия» [Военная стратегия 1963] под редакцией маршала В.Д. Соколовского, т.е. была ограничена вопросами ведения боевых действий.

К счастью, когда в США начали активно развиваться исследования в области теории конфликта, в Советском Союзе к власти пришел А.Н. Косыгин, который оказал огромное влияние на процесс становления школы отечественной конфликтологии. Алексей Николаевич — один из самых квалифицированных, разумных, образованных руководителей Советского Союза. Он понял, что сформировались все условия для выхода из холодной войны. Он был экономистом, а не политиком, и он прекрасно понимал: истощаются ресурсы до опасного предела, когда действительно будет нечем поддерживать Союз. Поэтому надо выходить из состояния конфликта.

В моей книге «Уроки холодной войны» есть целая глава [Кременюк 2015: 146—184], посвященная тому, как в 1967 г. А.Н. Косыгин поехал в Нью-Йорк на заседание Генеральной ассамблеи ООН по вопросам Ближнего Востока, и там попросил о встрече с президентом США Линдоном Джонсоном. Я в свое время встретил Макджорджа Банди, который в те годы был советником Л. Джонсона по национальной безопасности. Он сказал, что когда в Вашингтоне узнали о желании А.Н. Косыгина встретиться, глава Белого дома не знал, как на это реагировать. Дискуссии были долгими, и восторжествовала позиция, что с А.Н. Косыгиным надо встречаться. Это человек умный, не идеологизированный, с ним можно о чем-то говорить.

Как раз после возвращения А.Н. Косыгина из Нью-Йорка осенью 1967 г. создали Институт США и Канады, чтобы он обеспечивал альтернативную политику. И альтернативную в каком смысле: не воевать с США, уходить от противостояния, не теряя своих позиций. Это то, что сегодня пытаются решать, но не совсем успешно. Все понимают, что воевать нельзя, мы не готовы и не хотим этого, но не за счет того, чтобы сдавать свои позиции. Значит надо искать решение.

Конечно, труд Т. Шеллинга оказал большое влияние на отечественных исследователей конфликтов. Правда, Т. Шеллинг все-таки выступал за победное окончание холодной войны для США, но его работа помогла советскому руководству принять мысль о том, что выход из холодной войны — это не разовое действие, а длительный процесс, в ходе которого наша задача — балансировать, стремиться сохранять равновесие, не принимать поспешных и плохо продуманных решений. Было необходимо, во-первых, держать конфликт под контролем. Во-вторых, в самом этом конфликте следовало находить какие-то новые стадии, определять общий интерес — вот что было важно, потому что даже в самом свирепом конфликте у противоборствующих сторон есть общий интерес. И вот,

так сказать, вся сумма этих вещей стала содержанием нового этапа в отношениях между Москвой и Вашингтоном.

Двадцать лет СССР и США искали выход. Это мало кому известно, но все время велись переговоры о том, как сторонам выйти из состояния конфликта, потому что остро стояла проблема ресурсов. Стоял вопрос, насколько их хватит. Как проблема ресурсов может сказаться на состоянии отношений в СССР и США, на состоянии экономики, на состоянии межнациональных отношений? Это большая проблема, но она является неотъемлемой частью изучения конфликта и конфликтного поведения. Таким образом, встала проблема анализа конфликтов, распространения сферы действия конфликта и на учет ресурсов, и, соответственно, определение возможных перспектив того, что может из этого получиться.

Итак, хоть и не в России зародилась конфликтология, к нашей чести, отечественные исследователи не уронили достоинства, приняв эстафету в исследованиях у своих американских коллег. Совместно с ними мы нашли достойный выход из состояния конфликта, не воюя.

Что касается современной конфликтологии в России, то здесь необходимо отметить следующее. Наш подход, наша школа четко распадается на две части — с одной стороны, исследование зарубежных конфликтов, с другой — внутренних конфликтов. Хотя в России не принято говорить о внутренних конфликтах, подобные, безусловно, есть. Война в Чечне подчеркнула степень их опасности и интенсивности. И если действительно ничего не предпринимать, «заметать весь мусор под ковер», то это может привести к печальным последствиям. Пока, к сожалению, не разработан алгоритм выхода из такого рода конфликтов.

Но справедливости ради стоит отметить, что с урегулированием конфликтов у всех всегда возникают сложности. Вот я пишу в своей книге о том, что закончилась холодная война. Но документа нет. Существует традиция: наблюдалось состояние войны между двумя державами, они ссорились, спорили, воевали, но когда это все прекращалось, подписывался мирный договор, который устанавливал факт конфликта, определял *post factum* причины его возникновения, определял цену конфликта и намечал пути дальнейшего сосуществования и выхода из конфликта. Очень важный документ, он помогал ориентироваться. Фактически после окончания холодной войны не было подписано такого документа. Разговоры об этом шли, я сам участвовал в них. Но Советский Союз распался. С кем подписывать? Американцы наотрез отказывались подписывать подобный документ с Россией, поскольку по факту противостояли не ей.

— Международные конфликты сегодня стали одним из ведущих факторов нестабильности в мировой политике. Какие недостатки вы видите в деятельности ведущих акторов международных отношений по предупреждению и управлению конфликтами? Что необходимо для их устранения в целях стабилизации ситуации в тех регионах, где она остается напряженной?

— К сожалению, недостатков немало. Но есть одно достоинство — все международные акторы хотят контролировать конфликты, и это их объединяет. Всех нас волнует вопрос контроля, мы не хотим пускать дела на самотек, мы боимся

этого. Потому что еслипустишь на самотек, все может появиться, даже ядерное оружие. Поэтому то, что объединяет Россию с Соединенными Штатами, с НАТО — это желание контроля. Это зарекомендованное правило со времен холодной войны — не дать спонтанным решениям, спонтанным событиям захватить инициативу и дальше развиваться по своим траекториям. Необходимо все контролировать. Мне кажется, одна из главных целей для мировой политики, для крупных держав — это контроль над состоянием конфликта.

Но второе — это то, чем обеспечивается контроль, т.е. равновесием. Вот почему, допустим, Россия и США выступают на одной стороне по проблеме Северной Кореи. КНДР хочет нарушить равновесие, создать асимметрию, потому что для нее враг — это Южная Корея, которая живет богаче, вообще больше, в международных отношениях влиятельнее. Пхеньян стремится нарушить равновесие. Этого мы не хотим, и американцы, китайцы — никто этого не хочет. То есть проблема состоит в том, чтобы обеспечить равновесие, и на базе этого равновесия уже устанавливать механизмы контроля за состоянием конфликта.

Третье — это жертвы среди гражданского населения. Понятно, что ни один конфликт, особенно вооруженный, не обходится без человеческих жертв. Но опыт подсказывает, что надо ограничивать число жертв, потому что есть даже понятия «комбатанты» и «некомбатанты». К сожалению, развитие военной техники в XIX—XX вв. шло по линии увеличения доли жертв среди некомбатантов. Только сейчас под влиянием чисто человеческих, гуманных соображений начинает появляться идея о том, что так дальше нельзя. Понятно, что есть военные, профессиональные военные, приученные рисковать жизнью. Но надо стремиться ограничить число жертв среди гражданского населения, т.е. решить, какое оружие применять — массового поражения или какое-то другое. Это тоже средство управления конфликтом, которое может позволить держать ситуацию под контролем. Допустить оружие массового поражения или не допустить? Здесь у нас с американцами абсолютно одинаковые позиции.

И последнее, что объединяет всех международных акторов — стремление искать выход, урегулировать конфликты. Это самая сложная задача, потому что тут необходимо учитывать огромное количество факторов: что потеряли, чего хочет каждая из сторон, сколько это может стоить. Сначала все эти вопросы решаются на уровне отдельных публикаций, потом на уровне бесед. Как надо выходить? Алексей Николаевич Косыгин предложил хорошую формулу — переговоры. Обрисовка структуры проблемы, ее дробление и переговоры. Скажем, сегодня переговоры по инцидентам в открытом море и в воздушном пространстве, затем по поставкам оружия, и т.д. Ставили последовательно отдельные вопросы под контроль и подписывали соглашения.

Есть у меня хороший знакомый в США, Барри Блекман (Barry Blechman), который пишет иногда по конфликтам. Вместе со своими коллегами он опубликовал книгу о сотрудничестве СССР и США в области обеспечения безопасности [Unblocking the Road to Global Zero 2009]. Так там только по частным вопросам собрано 23 двусторонних соглашения, которые создали почву для того, чтобы перейти к решению коренных вопросов.

Важно, чтобы была методология. Конечно, есть конфликт или угроза конфликта. Мы оцениваем степень опасности, степень вероятности, мы рассчитываем возможную цену, которую придется заплатить каждому из участников, и только после этого уже можно принимать решение — идти дальше на обострение конфликта или начинать тормозить. Здесь хорошо, чтобы было какое-то универсальное правило, но его нет. Еще один важный вопрос состоит в том, чьи интересы ставятся на карту. Потому что, как писал Дж. Оруэлл в романе «Скотный двор»: «Все животные равны. Но некоторые животные более равны, чем другие»¹. Это очень сложная вещь, нужно учитывать, что определяет и для кого определяет то или иное действие.

— По словам верховного правителя (рахбара) Ирана аятоллы Али Хаменеи, весь ближневосточный регион представляет собой «пороховой склад», и если в него попадет искра, «будущее предсказать будет невозможно». Как вы считаете, чем обусловлен непрекращающийся рост региональной конфликтности? Что мешает выработать общий образ будущего Ближнего Востока? Можно ли заменить унитарные государства (если их сохранить невозможно) на децентрализованные образования по этноконфессиональному признаку?

— Не хотелось бы лицемерить в духе существующей литературы. Конфликт между христианством и исламом продолжается тысячу лет и никогда не прекращался. Он переходил в разные фазы — более острые, менее острые, но, тем не менее, он продолжается со времен крестовых походов. Конфликт не решался, потому что он имеет характер религиозного, а религиозные конфликты невозможно урегулировать. Побеждает либо одна доктрина, либо другая. Но при этом, начиная с позднего Средневековья, когда европейцы развили производство огнестрельного оружия, преимущество было на их стороне. Поэтому когда ставили под контроль Ближний Восток, действовал, конечно, фактор оружия. В Первую мировую войну разгромили Османскую империю, потом быстро поделили ее по соглашению Сайкса—Пико, и держали регион под контролем.

Во-первых, в пользу моего вывода говорит то, что ни в одной стране ислам и христианство не уживаются, возможно, только ливанский Бейрут — это исключение: там мусульмане и христиане живут вместе на протяжении длительного времени, но несмотря на это, не так давно там бушевала гражданская война из-за палестинцев. А если взять Боснию и Герцеговину, Кипр или Кавказ, то везде увидим конфликты. Значит, во-первых, противостояние между христианством и исламом уже давно переросло рамки межгосударственного, межплеменного и межэтнического. Это действительно конфликт мировоззренческий.

Во-вторых, богословы ни христианской, ни мусульманской стороны не нашли в источниках своей мудрости достаточной аргументации в пользу сосуществования. Правда, богословы христианской стороны научились за годы колониализма, что надо быть осторожнее, но целиком все равно не отвергли доктрину

---

¹ Оруэлл Дж. Скотный двор // Все романы в одном томе (сборник). М.: АСТ, 2014. С. 949.

доминирования. Поэтому доктрины той и другой стороны больше нацелены на победу над другой стороной. Еще раз подчеркну: конфликт носит религиозный характер.

Что такое победа ислама? Признание того, что единственная настоящая вера — это ислам, он должен победить, потому что Аллах стоит за этим, а раз Аллах стоит за этим, значит, ничто другое не важно.

То же самое Запад: цивилизация должна победить, ведь мы же не можем согласиться с тем, чтобы рубили головы, это варварство. А мы цивилизованные, поэтому мы должны победить. Но ресурсы и той, и другой стороны достаточно ограничены, чтобы добиться окончательной победы. Окончательная победа — это когда другая сторона откажется от своих «заблуждений», т.е. от своих верований, и согласится с оппонентом. Однако это маловероятно. Поэтому вопрос нерешаемый.

Теперь это накладывается на региональный конфликт, региональные особенности Ближнего Востока. Но в регионе произошли серьезные перемены, особенно после окончания холодной войны. Исчез целый ряд стимулов, которые оправдывали и предопределяли контроль со стороны Запада над этим регионом. Поэтому Тунис, Египет и прочие взялись менять режимы, устанавливать новые, и т.д. Но все это попало в рамки религиозных доктрин.

— В настоящее время военные действия в Сирии периодически сменяются переговорным процессом. На ваш взгляд, владеют ли искусством компромисса участники данных переговоров? Допустимо ли было исключить курдов из числа приглашенных на женевскую встречу?

— Что касается Сирии, то я здесь задаю вопросом: а правильно ли было нам вмешиваться в конфликт? Потому что мы вмешивались там только в интересах Башара Асада, больше я не знаю группировок, которые хотели бы нашего вмешательства. Я могу согласиться с аргументацией, которая прозвучала у президента России В.В. Путина, что без Б. Асада там вообще будет бардак, и здесь у него есть резоны, потому что пока есть Б. Асад, Сирия не подконтрольна Турции. Без Асада турки ее затопят. А нам не нужна мощная Турция на юге, потому что есть наши интересы в Черном море, на Кавказе. И если здесь возникнет сильная большая Турция, тем более союзная НАТО, это будет для нас большой проблемой.

Курды, в свою очередь, традиционно, начиная с XIX в., были нашими союзниками. Это была русская колонна, которая громила турок. В России учились их дети, здесь они получали деньги, оружие, здесь они лечились... И в XX в. тоже. Однажды даже мне кто-то сказал, что в каждом курдском шалаше стоит швейная машинка подольского завода. Это были наши люди, и они нам активно помогали, но мы их предали. Б.Н. Ельцин выдал Анкаре А. Оджалана, худшей ошибки нельзя себе представить. Нельзя было этого делать. Во-первых, это против русских канонов. Русский канон был: «С Дону выдачи нет». Во-вторых, потенциально курды — очень серьезный фактор. Конечно, они расколоты. Есть курды турецкие, которые настроены антитурецки, они нас любят и ждут нашей помощи; есть курды иранские, они другие; есть курды сирийские, иракские. Есть разные

курды. Они не могут между собой поладить, потому что нет государства, нет механизма, который свел бы их интересы воедино. Это же 40 млн человек, причем «антитурки», это для нас была бы богатейшая возможность держать Турцию под контролем.

Нужно поставить задачу создания пророссийского курдского государства, почему нет? Курдистан — это потенциально наш союзник, воспитанный веками и готовый принимать участие в ближневосточных политических процессах. Мысль о том, чтобы помочь курдам создать свое правительство и свое государство и тем самым ослабить Турцию — она существовала.

В современных же условиях Россия на Ближнем Востоке мало что может сделать, у нас нет своей агентуры в регионе, но, может быть, именно на базе антитурклизма удастся что-то изменить.

Я вижу позитив в исключении курдов из переговорного процесса в Женеве, потому что сейчас рано их подключать. Ведь технологии урегулирования конфликтов означают не просто по полочкам разложить все средства, но еще и по срокам согласовать. Понятно, что курды — это серьезная карта. Конечно, они расколоты, но там есть мощнейшие 20 млн «наших», я бы сказал, курдов, т.е. турецких курдов, иранские и иракские курды тоже хотят иметь свое государство, и имеют на это все права. Реджеп Тайип Эрдоган это знает, поэтому он боится, потому что если у него сорвется что-то, то будет распад Турции. Это цена. Так что сейчас участие курдов в переговорном процессе по Сирии только спутает все карты и блокирует возможности.

Мы в свое время, когда выходили из состояния холодной войны, так как сразу, начиная еще с посылов А.Н. Косыгина, определили круг вопросов, где мы с американцами вполне могли понять друг друга и договориться: это контроль над стратегическими вооружениями и пр. Остальные вопросы тоже существовали, но было еще рано их поднимать. Это, в частности, вопросы региональных конфликтов, скорее, проблема новых игроков в этих конфликтах. Например, одним из условий урегулирования Карибского кризиса было не допускать Ф. Кастро до участия, потому что он игрок со своими правами и полномочиями, но он бы вмешался и мог поссорить «слона с бегемотом». Нельзя было этого допустить.

Так и в вопросе с участием курдов в сирийском урегулировании: нам нельзя на данном этапе привлекать тех, кто может сорвать возможное соглашение и договориться по этому вопросу. А потом можно будет и привлечь курдов, потому что их проблема — это вопрос фактического создания курдского государства. У России есть все основания, даже несмотря на ошибку Ельцина, полагать, что она в этом может сыграть большую роль, особенно сейчас, когда Москва показывает свои военные возможности в Сирии, спасает Б. Асада от неминуемого краха. Россия в данном случае обладает возможностями, поэтому без нее решать ничего не надо.

— Каких действий следует ждать от России на сирийском треке с учетом недавнего вывода войск из арабской республики?

— Прекращения конфликта. Я не уверен, потому что не знаю, какие в Кремле планы существуют. Я считаю, что тут президент В.В. Путин правильно поставил

вопрос: мы не держимся за Б. Асада, но он — опора стабильности, нам нужно стабилизировать этот регион. Значит задача сейчас состоит в стабилизации Ближнего Востока путем укрепления сирийской государственности. Если это удастся решить, тогда уже можно будет ставить вопросы большего масштаба и подключать к их решению ту же самую Сирию, тот же Иран, т.е. какое-то другое созвездие стран, которое пока не считается друзьями Запада, но без них не решить сирийский вопрос. И тем самым мы создаем такие условия, чтобы Запад не то чтобы «прижать», но предложить ему схему, когда без России он ничего не сможет решить. Это сейчас одна из главных задач В.В. Путина, потому что борьба идет за то, насколько Россия останется в числе великих держав, насколько это будет принято американцами и насколько нам удастся разработать с ними некую общую линию поведения. Если это все получится, то хорошо. Сейчас как раз ситуация, в которой определяются только исходные условия. Заранее предсказать ничего невозможно, слишком много переменных. Но по идее даже все эти переменные можно направить в определенное русло и на этой базе выстроить соответствующую модель возможного урегулирования. Но не раньше, потому что были случаи, когда пытались протолкнуть уже заранее готовую модель. И ни разу подобные стремления не увенчались успехом.

— Решением Барака Обамы санкции против России были продлены еще на один год. С чем связан подобный вердикт и каким образом он может отразиться на двусторонних отношениях? Вернется ли Москва к жесткому агрессивному тону в отношении Вашингтона либо сохранит примирительный настрой, заданный в последнее время Владимиром Путиным?

— Это обусловлено только одним — Б. Обама не может себе позволить сейчас отменить санкции. А что касается новой администрации — все будет зависеть от того, как она победит, с каким счетом. Приближающиеся выборы в США будут тестом на зрелость, ответственность, понимание происходящего для всего американского населения. Кого они назначат выборщиками, и что решат выборщики? Я не исключаю, что выборщики могут просто выкинуть Д. Трампа из президентской гонки.

Если все-таки победит Хиллари Клинтон, то голосование будет достаточно убедительным, и то при этом все равно республиканцы будут продолжать контролировать конгресс, и не учитывать этот фактор нельзя, и предлагать действия, которые могут вызвать сопротивление конгресса, нельзя, потому что нельзя с ним ссориться. Ведь тогда ни денег не дадут, ничего. Я думаю, вопрос санкций будет в таком состоянии, как поправка Джексона—Вэника: все знают, что она есть, но не работает. Мне кажется, и здесь будет так же, без какого-то торжественного акта об отмене санкций. Ведь что на другой стороне уравнения? Украина. Отмена санкций будет значить, что Россия где-то проигрывает Украину. Пока у власти в России нынешний режим, никто на это не пойдет.

Я думаю, В.В. Путин нашел абсолютно правильную интонацию: дело ваше, ввели санкции и ввели, мы от этого не помираем и не собираемся помирать. Остальное решайте сами. То есть это не смертельное ранение, хотя то, что у нас

на 10 % снизился ВВП, это серьезный удар, но пока еще ничего, население терпит. Но к позитивным изменениям это привести не может, если не будет амнистии капитала.

— Гарольд Никольсон отмечал, что «существуют определенные нормы в ведении переговоров, которые являются общепринятыми и постоянными. Кроме этих всеобщих норм, существует определенная разница в теории и практике... Эта разница произошла из-за различия в национальном характере, традициях и нуждах». Обращаясь к проблематике международных переговоров, в этой связи возникает вопрос: какую роль в сглаживании таких различий между США и СССР, в разработке единого шаблона, общего стиля ведения переговоров сыграл Международный институт прикладного системного анализа (International Institute for Applied Systems Analysis (IIASA))².

— Несомненно, определенную роль IIASA сыграл. Он был открыт в 1972 г. в рамках как раз одной из договоренностей А.Н. Косыгина с Л. Джонсоном: никакой политики в деятельности института. Были вопросы безопасности, вопросы продовольствия, ресурсов, народонаселения, ради решения которых этот институт и был создан. Говарда Райфу, американского специалиста по переговорам, еще на стадии обсуждения создания института привлек к работе Макджордж Банди. Г. Райфа работал в Гарвардской школе Джона Ф. Кеннеди и в Гарвардской школе бизнеса. Он был одним из тех, кто говорил: одним из предметов весомости IIASA должны стать переговоры. Переговоры — это не дипломатия, отнюдь, это форма управления экономикой, в Америке во всяком случае. Отрабатывая какие-то методы управления, нужно говорить о переговорах. Сначала от этого отмахнулись, и только в 1982 или 1983 г., когда в Москву прибыл Дэвид Гамбург, врач по образованию, тогдашний президент корпорации Карнеги, которая делает миллиардные вклады в научные исследования, ситуация начала меняться. А я в те годы занимался темой урегулирования конфликтов. По просьбе директора Института США и Канады академика Г.А. Арбатова я встретился с Д. Гамбургом, и он меня начал спрашивать: переговоры и урегулирование конфликтов — насколько они сочетаются? Я ему пространно это пояснил. Он сказал, что нужно сохранять контакт, надо эту тему развивать.

Д. Гамбург также встречался с Пономаревым Борисом Николаевичем, секретарем ЦК, после этого Д. Гамбурга в СССР начали воспринимать серьезно. Некоторое время спустя институт направил меня в Вену, в IIASA. В делегации также были Вадим Луков из МГИМО, он в лаборатории тоже переговорами занимался, и дама из Моисеевского вычислительного центра, которая занималась моделированием переговоров. В Вене мы встретились с многочисленной делегацией из Гарварда, с факультета права, и там целая компания была — Р. Фишер, очень интересный человек, У. Юри [Фишер, Юри 1992; Юри 1993]. Их было человек пять или шесть, включая Т. Шеллинга. Эта группа тогда была на слуху у всех, все хо-

---

² International Institute for Applied Systems Analysis official website. URL: <http://www.iiasa.ac.at>.

тели их заполучить. Американцы создали при Гарварде консультативную фирму по переговорам и тому, как вести переговоры. Они меня потом пригласили участвовать в их работе.

МИД СССР, несмотря на свою косность, договорился с Госдепом США, чтобы провести консультации с целью сближения наших переговорных стилей, не позиций, а стилей переговоров, и сформулировал перед нами задачу — сделать так, чтобы мы понимали американцев, а они понимали нас. И вот мы месяц работали в Вене, и в результате составили общую бумагу с обоснованием, что проблематику переговоров надо разрабатывать совместно. Как всегда денег не было, но появился Дэвид Гамбург, который выделил полмиллиона долларов американской стороне, потому что граждане и организации США не имеют права финансировать зарубежные исследования. Они у себя создали такую структуру, через которую деньги и проводились. Через год уже начали формировать группу.

— Начиная с 1988 г. вы являетесь постоянным участником группы PIN Project в ПАСА, занимающейся процессом международных переговоров. Какая задача возложена именно на вас? Над какими проектами вы работаете в настоящее время и какие планируются в обозримом будущем?

— В 1987 г. прошла большая конференция по переговорам, я на нее не попал, хотя послал доклад, который был опубликован. Где-то в 1988 г. пост директора ПАСА занял очень умный, хороший человек, американец Р. Прай. Он со мной раз побеседовал, а потом прислал письмо, что хочет видеть меня руководителем проекта по переговорам. Но директор ИСК Г.А. Арбатов сказал, что я ему здесь нужен. Меня не отпустили, поэтому процесс формирования группы затянулся. И поскольку Р. Прай никого больше не хотел видеть руководителем группы, он предложил создать рабочий комитет, куда бы вошли представители СССР, США, Франции, Германии. Мы собрались, познакомились и начали формировать программу исследований. Вышла одна книга — *International Negotiations: Analysis, Approaches, Issues* — первое издание в 1991 г., а через 10 лет — второе издание [*International Negotiations 1991; International Negotiations 2002*].

Потом в группе начались всякие неурядицы, каждый тянул одеяло на себя. Лет 5 назад я сказал новому директору ПАСА, что группа уже не функционирует. Он сказал, чтобы я написал бумагу. Я и написал, и программу решили закрыть.

Недавно мне предлагали стать директором ПАСА. Я вернулся в Москву, переговорил с Комитетом системного анализа, органом по взаимодействию с институтом. Там очень хороший человек такой, Алексей Гвишиани, поддержал мою кандидатуру. Я написал заявку. В конкурсе я прошел один этап, потом второй этап, меня туда пригласили выступить, но при решении вопроса сыграли роль два фактора. Первое, все-таки, что я русский, это проблема. А второй — возраст, мне уже к 70 годам шло. А мой главный конкурент был — бывший чех, который в свое время уехал в Данию или в Голландию, натурализовался там, паспорт получил, работает, известный ученый довольно, на 18 лет моложе.

Сейчас я фактически не участвую в работе института. Раньше СССР и США были странами класса А, которые выделяли на работу института ежегод-

но по 2 млн долларов США. Я туда ездил недавно на 40-летие института, выступал на тему своевременности создания института, но, конечно, там уже сменились поколения, там уже другие люди.

— Как вы считаете, насколько важны такие научно-исследовательские форматы, как ПАСА для консолидации усилий академических кругов РФ и США? Можно ли перезагрузить американо-российское сотрудничество в рамках данной организации?

— Потенциал у таких центров есть, конечно. Они в состоянии, например, разработать коллективное предложение и направить в свои правительства. Особенно, скажем, если это в области переговоров, то предложения направляются в МИД. Когда приходят подобного рода бумаги, хочешь — не хочешь, но приходится о них докладывать, следить, в общем, реакция есть, может, далеко не такая позитивная, как хотелось бы, но она есть, а это уже к чему-то обязывает. Безусловно, это хорошая идея. Когда в свое время создавался этот институт, он создавался ради нас, СССР и США, все, остальные просились, чтобы их включили. Вопросы, которые предполагалось решать только в двустороннем формате — это стратегические вооружения, распространение ОМУ и конфликты. Но есть еще вопросы глобального плана, в которых была возможность для обеих сверхдержав продемонстрировать степень своей глобальной ответственности за состояние экономик, мира и т.д. Так вот вторая группа вопросов — преимущественно связанных с окружающей средой — была интересна и другим странам, особенно освободившимся от колониализма. Возникли проблемы, и надо было исследовать их, желательно на международном уровне.

— Какую методологическую платформу вы бы предложили в качестве наиболее эффективной для гармоничного развития двух держав?

— У меня есть, конечно, своя концепция, но, возможно, сейчас она будет звучать немного надуманно. Когда обе стороны понимают меру своей ответственности за все, что происходит, и в состоянии договориться о том, как реагировать, тогда от них зависит почти все. Вот Китай сейчас поднимается: казалось бы, богатая страна, но они думают только о себе, их все остальные не интересуют — ни Европа, ни Африка. А эти две страны — они открыты окружающему миру и привыкли заботиться о других: Россия — о своих, американцы — о своих. Поэтому когда они начинают совместно заниматься проблемами мироустройства, все получается.

У России сейчас сложнее с осознанием глобальной ответственности, потому что нужно нести ответственность за себя, союзников почти нет. Мы большая богатая страна, а иногда думаем только о себе. США тоже иногда так поступают: большая страна с колоссальными доходами, но думают только о себе.

Я не знаю ни одной страны, которая занималась бы другими странами всерьез, в основном все любят получать. Но иногда для того, чтобы получить, нужно отдать. Вот когда это в головах правителей укладывается, и они понимают, что надо дать, помочь, тогда и получу в ответ. Это подход, основанный на здравом смысле и на совести. Но если я не сделаю этого, что обо мне подумают? Вот по-

чему китайцев не очень любят? Потому что они ничего лишнего никогда не делают. Такая культура. Мы с американцами в этом отношении другие. Такую роскошь, как жить по принципам могут себе позволить только крупные державы. Великие должны вести моральную политику, задавать нормы, стандарты, принципы, правила поведения.

Беседовала О.С. Чикризова

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Военная стратегия / Под ред. В.Д. Соколовского. М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1963.

Кременюк В.А. Политика США в развивающихся странах. Проблемы конфликтных ситуаций (1945—1976). М.: Международные отношения, 1977.

Кременюк В.А. США и конфликты в странах Азии (70-е годы XX в.). М.: Наука, 1979.

Кременюк В.А. Уроки холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2015.

Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или Переговоры без поражения / Пер. с англ. А. Гореловой; предисл. В.А. Кременюка. М.: Наука, 1992.

Юри У. Преодолевая «нет», или Переговоры с трудными людьми / Отв. ред. В.А. Кременюк. М.: Наука, 1993.

International Negotiation: Analysis, Approaches, Issues / Ed. by Victor A. Kremenuyk. Jossey-Bass Inc Pub, 1991.

International Negotiation: Analysis, Approaches, Issues. 2nd Edition / Ed. by Victor A. Kremenuyk. Jossey-Bass, 2002.

Schelling T. The Strategy of Conflict. Harvard University Press, 1960.

Unlocking the Road to Global Zero: Russia and the United States / Ed. by B. Blechman. Washington DC: The Henry L. Stimson Center, 2009.

Дата поступления статьи: 10.07.2016

Для цитирования: Исследование международных конфликтов в России: истоки, современное состояние и тенденции. Интервью с Виктором Александровичем Кременюком, доктором исторических наук, профессором Института США и Канады РАН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 549—562.

PEACE STUDIES IN RUSSIA: FOUNDATIONS, CURRENT STATUS AND TRENDS

Interview with VICTOR A. KREMENYUK, Institute for the U.S.
and Canadian Studies, Russian Academy of Science

The interview is devoted to analysis of peculiarities of Peace Studies in Russia and methodology of the present-day conflicts resolution. The scientist is concerning prerequisites of the origin of the Soviet school of peace studies during the Cold War when the problem of resources exhaustion arouse. Victor A. Kremenuyk uncovers differences between Russian and Western schools of peace studies.

The researcher reviews specificities of resolution process for the most difficult present0day conflicts, especially knot of contradictions in the Middle East and crisis in Russia — U.S. relations. The scientist emphasizes importance of control over the conflict status and negotiations as a tool of conflict resolution. He focuses on a complexity of a conflict resolution process and necessity to take into account a lot of different factors during negotiations, and also how important for the Great Powers to realize their global responsibility. By the example of IIASA the researcher demonstrates a role of such international scientific centers as a link between scientific community and authorities.

Key words: peace studies, conflict resolution, negotiations, Middle East, Russia — U.S. relations, International Institute for Applied Systems Analysis (IIASA).

REFERENCES

- Fisher, R., Yuri, U. (1992). *Put' k soglasiyu, ili peregovory bez porazheniya* [Getting to Yes. Negotiating Agreement Without Giving In] / Transl. by A. Gorelova; introd. by V.A. Kremenyuk. Moscow: Nauka.
- International Negotiation: Analysis, Approaches, Issues.* (1991). Ed. by Victor A. Kremenyuk. Jossey-Bass Inc Pub.
- International Negotiation: Analysis, Approaches, Issues.* (2002). 2nd Edition. Ed. by Victor A. Kremenyuk. Jossey-Bass.
- Kremenyuk, V.A. (1977). *Politika SShA v razvivayushchikhsya stranakh. Problemy konfliktnykh situatsii (1945—1976)* [The U.S. Policy Towards Developing Countries. Problems of Conflict Situations (1945—1976)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Kremenyuk, V.A. (1979). *SShA i konflikty v stranakh Azii (70-e gody XX v.)* [The USA and Conflicts in Asian Countries (70's of 20th Century)]. Moscow: Nauka.
- Kremenyuk, V.A. (2015). *Uroki kholodnoi voiny* [Lessons of the Cold War]. Moscow: Aspekt Press.
- Schelling, T. (1960). *The Strategy of Conflict*. Harvard University Press.
- Unblocking the Road to Global Zero: Russia and the United States.* (2009). Ed. by B. Blechman. Washington DC: The Henry L. Stimson Center.
- Voennaya strategiya* [Military Strategy]. (1963). Ed. by V.D. Sokolovskiy. Moscow: Voennoe izd-vo Ministerstva obrony SSSR.
- Yuri, U. (1993). *Preodolevaya «net», ili Peregovory s trudnymi lyud'mi* [Getting Past No. Negotiating with Difficult People] / Chief ed. V.A. Kremenyuk. Moscow: Nauka.

Received: 10.07.2016

For citations: Peace studies in Russia: foundations, current status and trends. Interview with Professor Victor A. Kremenyuk, Institute for the U.S. and Canadian studies, Russian Academy of Sciences. (2016). *Vestnik RUDN. International Relations*, 16(3), pp. 549—562.

CONFLICTS IN THE XXI CENTURY

Interview with Professor JOHAN GALTUNG

Johan Galtung, professor of Peace Studies, was born in 1930 in Oslo, Norway. He is a mathematician, sociologist, political scientist and the founder of the discipline of Peace Studies. He founded the International Peace Research Institute, Oslo (PRIO, 1959), the world's first academic research center focused on Peace Studies, as well as the influential *Journal of Peace Research* (1964). He has helped to found dozens of other peace centers around the world. He is currently the president of the Galtung-Institute for Peace Theory & Peace Practice.

He has mediated in over 150 conflicts between states, nations, religions, civilizations, communities, and persons since 1957. His contributions to peace theory and practice include conceptualization of peace-building, conflict mediation, reconciliation, nonviolence, theory of structural violence, theorizing about negative vs. positive peace, peace education and peace journalism.

In his interview, he speaks about today's conflicts, the sources of cultural violence and the golden rule of mediation. He also touches the problem of regional security in Europe and Asia, development of Peace Studies and the greatest challenges facing the world today.

Key words: Peace Studies, conflicts, mediation, regional security, US Empire, global challenges.

— **Conflicts are an integral part of the modern international system. Why the aggression and violence are so actively manifested and reproduced in our society? What are the specific characteristics of today's conflicts? In what way and why conflicts have been changed over the past decades?**

— Conflict, meaning incompatible goals, is an integral part of all levels of human organization — from individuals to regions. The closer we come to each other, like now, the more incompatibilities appear. We may change the goals or make them compatible in a new reality. Or, else: get frustration and aggression, violence. Or else, get apathy, giving up, resigning. Conflicts matter, and deeply!

— **Distinguished professor Galtung, you have greatly contributed to the development of the sociology of IR and conflict resolution. You have a huge personal experience in mediation of extremely complicated international conflicts. You have got an international experience, working in many IOs, including the UN. You managed to found SIPRI, the *Journal of Peace Research* and, finally, *Transcend*. What are**

the proper conditions for a good conflict resolution and stability in international relations? What is your personal golden rule in conflict prevention and mediation?

— Golden rules: talk with all the parties to understand what they want, test what they want against law/human rights/basic needs for legitimacy, try to bridge legitimate goals or to change illegitimate goals. Do all that through dialogue, questioning, searching!

— In your papers you stress the existence of economic and social inequalities, “asymmetrical interdependence”, when more developed world centers suppress and exploit the periphery. This process is characterized by the so-called cultural violence. What is the role it plays in the emergence and development of current conflicts?

— Nowadays the cultural violence comes basically from the “science” of economics, accepting inequality as compensation for taking risks. Economics has to be revised from the very basis, bringing into it the supremacy of nature and humans, with their needs, but not the supremacy of capital and growth.

— You have worked in many countries, being engaged in research projects and teaching activities, including India. You are familiar with the philosophy of Gandhi. What impact has philosophy of Gandhi's non-violence had on you and on your theory of peaceful conflict transformation?

— Above all Gandhi's concrete action as opposed to general values, his achievements as opposed to goals only, his optimism as opposed to resignation.

— Conflict solution as a science has got a huge development mostly in the West — the United States and Scandinavian countries. What schools of conflict solution you might identify as the most contributing? What are their priorities in terms of research areas? Who has made, in your opinion, the greatest success? Are there any new prospective national schools of conflict resolution?

— Not conflict solution, but Peace Studies are found in the places you name. Conflict solution is built into Chinese civilization, itself as eclectic combination of daoism, confucianism and buddhism. In the West being Right, having Right, is more important than acceptable (to all) and sustainable solutions.

— A great success was the French initiative to invite post-Nazi Germany to join the “European family”, and then starting it in 1950.

— XXth century is a bright period of the emergence and flourishing of Western schools of international relations theory, which finally had a tremendous influence on other theoretical traditions. Will we witness in the XXIst century the rapid development of non-Western IR theories that are still underway? Or do you share the opinion that globalization contributed to the erosion of national specificities of scientific schools and they have lost the “binding” to the national borders?

— I do not see it that way. First of all, the name is wrong; they are not inter-nation but inter-state, the nation being cultural, the state territorial. Second, their inter-state theory is very static, based on laws of the past. Third, it is hierarchic, vertical, very weak on equitable relations. Fourth, the USA are over-accepted by others which see its hegemonic belligerence as “normal”. All that has to go in favor of better theories. My book *A Theory of Peace* [Galtung 2012] is an effort.

We do not have globalization, except as the US effort to dominate the world economy, but we do have several regionalizations with the effects you mention.

— **It is well known that “in its own country — there is no prophet”. But this statement is obviously not about you. In 1980 you predicted that the end of the Soviet empire would come ten years after the fall of the Berlin wall, highlighting its 6 destructive contradictions. In 2009, you made your second bold prediction, announcing the collapse of the American empire by 2020, based on 15 interrelated contradictions. Today's world and international system are evolving and transforming under the conditions of chaos and uncertainty. Until a landmark date are still 4 years to pass. Perhaps you have some adjustments to add to your forecast and to the list of current contradictions of the American empire?**

— I think the US empire, in the sense of making elites in peripheral countries, killing and ruling for them, is rapidly disappearing, much before 2020. The USA increasingly has to kill alone, like Obama does, with drones and SEALs. They will wake up one day, leading politicians like Cruz and Trump already question the belligerence, Hillary Clinton not — she may become a disaster for the world.

— **In recent years, unfortunately, we have been witnessing a certain degree of deterioration of relations between Russia and the West, which evidently has a negative impact on the international climate. In addition, these tensions prevent or, at least, do not contribute to the conflict resolution in “hot spots”, such as the Middle East. What is the practical way out of this situation?**

— An old Western tradition from the split of the Roman empire in 395 in Catholic and Orthodox, confirmed in 1054, with West spreading its Christianity, attacking, or provoking eastward like the Templars, Napoleon and Hitler, like WWI and WWII, like in the Cold War. A smart Ukrainian federation between the two parts, cooperating, would help. So would recognizing Palestine, with a two-states solution inside a six states community of Israel with its five Arab neighbors inside a 20 states Organization for Security and Cooperation in West Asia. Syria is very complex, but a loose federation with protection of minorities might help.

— **I would like to know your personal opinion — what would be the XXIst century? What are the great challenges facing the world today? What is your personal most challenging concern about today's world?**

— Most serious: economically rampant capitalism with built-in inequality and suffering at the bottom, militarily NATO vs SCO; politically 2000 nations inside 200 stated wanting equality with the dominant nations, culturally West vs Islam, socially the many fault-lines, with nature, gender, generation, race, class, nation, territory. For me right now the priority is: East Asia: USA-Japan against Russia, the two Chinas, the two Koreas, proposing solutions for contested islands, a Northeast Asia Community, Association of Northeast Asian Nations.

Interviewed by Elena SAVICHEVA

REFERENCES

Galtung, J. (2012). *A Theory of Peace: Building Direct Structural Cultural Peace*. TRANSCEND University Press.

Received: 10.08.2016

For citations: Conflicts in the XXI century. Interview with Professor Johan Galtung. (2016). *Vestnik RUDN. International Relations*, 16(3), pp. 563—566.

КОНФЛИКТЫ В XXI ВЕКЕ

Интервью с профессором ЙОХАНОМ ГАЛТУНГОМ

Йохан Галтунг, профессор исследований по проблемам мира, родился в 1930 г. в Осло, Норвегия. Он математик, социолог, политолог и основатель дисциплины исследований по проблемам мира. Он основал Международный институт исследований проблем мира, Осло (PRIO, 1959), первый в мире академический научно-исследовательский центр, ориентированный на изучение конфликтов, а также влиятельный Журнал исследований мира (*Journal of Peace Research*, 1964). Он помог основать десятки других аналогичных центров по всему миру. В настоящее время он президент Галтунг-института по теории и практике мира.

С 1957 г. он выступал посредником в более чем 150 конфликтах между государствами, нациями, религиями, цивилизациями, сообществами, а также лицами. Его вклад в теорию и практику мира включает в себя концептуализацию миростроительства, урегулирования конфликтов, примирения, отказа от насилия, теории структурного насилия, концептуализации негативного и позитивного мира, образования и журналистики в области исследования мира.

В своем интервью он говорит о современных конфликтах, источниках культурного насилия и золотом правиле медиации. Он также затрагивает проблемы региональной безопасности в Европе и Азии, развития исследований по вопросам мира и самые большие вызовы, стоящие сегодня перед миром.

Ключевые слова: исследования мира, конфликты, посредничество, региональная безопасность, США, глобальные вызовы.

Дата поступления статьи: 10.08.2016

Для цитирования: Конфликты в XXI веке. Интервью с профессором Йоханом Галтунгом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 563—566.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

РОЛЬ АБДЕЛЬ АЗИЗА БУТЕФЛИКИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ВНУТРИАЛЖИРСКОГО КОНФЛИКТА

М.А. Сапронова

МГИМО МИД России, Москва, Россия

В статье рассматривается политическая деятельность президента Алжира Абдель Азиза Бутефлика, находящегося на этом посту с 1999 г. За это время страна пережила серьезные политические трансформации, вышла из гражданской войны, восстановила позиции на международной арене, сделала рывок в экономической сфере. Этим успехам во многом способствовала личность президента страны — опытного политика и дипломата, сумевшего в сложный для страны период сплотить алжирское общество и предложить пути выхода из кризиса. Под руководством А. Бутефлика Алжир добился существенных успехов, прежде всего, в борьбе с терроризмом. В 2000-е гг. властям удалось резко снизить уровень насилия, практически подавить радикальное исламское движение и начать процесс восстановления гражданского согласия в обществе. Переизбрание Бутефлика на четвертый президентский срок подтвердило, что значительная часть алжирцев продолжает поддерживать политический курс президента и воспринимает его в качестве общенационального лидера. Проведение политических реформ в 2011 г., инициированных президентом, позволило Алжиру избежать новых революционных потрясений, охвативших другие арабские страны.

Ключевые слова: Алжир, урегулирование, политическая история, реформы, экономический кризис, Абдель Азиз Бутефлика.

Важное место в современной политической истории Алжирской Народной Демократической Республики занимает ее действующий президент Абдель Азиз Бутефлика, почти шестнадцать лет возглавлявший Министерство иностранных дел Алжира, а с 1999 г. и до настоящего времени являющийся главой этого государства. С учетом столь долгого пребывания у власти, деятельность А. Бутефлика, равно как и его биография¹, получили достаточно полное освещение в отечественной и зарубежной литературе и публицистике.

В апреле 2014 г. А. Бутефлика был переизбран на четвертый срок, одержав победу в первом туре голосования и набрав 81,53 % голосов избирателей (в 1999 г.

---

¹ Biographie officielle du President. URL: <http://www.el-mouradia.dz/francais/president/biographie/biographie.HTM> (accessed: 30.05.2016).

он набрал 74 % голосов, в 2004 г. — 85 %, в 2009 г. — 90,24 %). Многие задавались вопросом: способен ли 77-летний Бутефлика в очередной раз возглавить государство. Однако большинство избирателей видели в нем гаранта политической стабильности страны, что было на тот момент наиболее важным с учетом переживаемых арабским регионом трансформационных процессов и потрясений. «Он олицетворяет безопасность, он обеспечил нам стабильность и дал мир», — говорили избиратели². Для многих алжирцев А. Бутефлика — спаситель народа, травмированного гражданской войной, длившейся на протяжении почти всех 1990-х годов. Именно этот образ широко использовался его предвыборным штабом.

События «арабской весны» не обошли стороной и Алжир. Массовые акции протеста начались в Алжире раньше чем в Тунисе, в декабре 2010 г., и были вызваны безработицей и другими накопившимися социальными проблемами. 12 января 2011 г. в столице состоялась многотысячная акция протеста, а уже 3 февраля президент Алжира Абдель Азиз Бутефлика сообщил о начале проведения политических реформ, направленных на дальнейшую демократизацию общественно-политической жизни, в рамках которых было подготовлено несколько важных законопроектов. Процесс обсуждения этих реформ проходил открыто, с привлечением представителей оппозиции, профсоюзов, молодежных организаций, дебаты транслировались по телевидению. Кроме того, правительство увеличило минимальную заработную плату госслужащим, было отменено чрезвычайное положение (действовавшее почти 20 лет). С этого момента волна выступлений стала быстро спадать, внутривнутриполитическая ситуация нормализовалась.

Таким образом, Алжиру фактически удалось избежать тех потрясений, которые пережили соседние арабские страны, в чем немалая заслуга и самого президента страны, его авторитета среди алжирцев, которые считали, что если изменения в стране и назрели, то проходить они должны в рамках закона и без насилия.

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКА

Абдель Азиз Бутефлика родился 2 марта 1937 г. в марокканском городе Уджде. Его отец, выходец из Тлемсена, занимавшийся мелким предпринимательством, поселился в 1930-х гг. в столице восточного Марокко. Будущий президент алжирского государства провел свое детство и юность в этом городе. Получив среднее образование, уже с раннего возраста А. Бутефлика начал углубленно изучать философию. На выбор жизненного пути молодого человека, в 18 лет получившего степень бакалавра (по окончании арабской медресе, где он изучал арабский язык и литературу, и французского лицей), повлияла ведущаяся на родине война против французского колониализма. Эту войну возглавил Фронт национального освобождения Алжира (ФНО), возникший в результате многолетнего сопротивления алжирского народа французскому колониальному господству. Важно отметить, что

---

² Абдель Азиз Бутефлика — невидимый президент Алжира [Abdelaziz Buteflika — nevidimyi president Algira] URL: <http://ru.euronews.com/2014/04/14/algeria-s-invisible-presidential-candidate/> (accessed: 30.05.2016) (in Russian).

среди колониальных владений Франции у Алжира было особое положение, поэтому национально-освободительная борьба была крайне ожесточенной и продолжительной. По словам французского исследователя Ж. Шальяна, колониальная ситуация Алжира была настолько иной, чем в других странах, что «с политической, экономической и культурной точек зрения алжирское общество явилось одним из наиболее обездоленных в мире» [Комар 1985: 106]. В районе Орана (недалеко от Уджды) была сформирована Армия национального освобождения (АНО) — вооруженное крыло ФНО, которое призвало всех студентов и лицеистов идти в партизаны. Бутефлика внял этому призыву и, нелегально перейдя границу в 1956 г., влился в одно из боевых подразделений АНО, которым командовал Хуари Бумедьен — будущий второй президент Алжира. Первоначально АНО насчитывала 3 тыс. бойцов, но уже к концу 1955 г. в ее рядах сражалось до 15—20 тыс. бойцов [Ланда 1999: 108].

Молодой А. Бутефлика довольно быстро добился успехов в служебной карьере, продемонстрировав командирские способности и талант организатора. Вскоре, после выполнения ряда важных миссий по стране, он был переведен в штаб командования пятой вилайи (подразделения АНО). Основной ставкой командования стала Уджда, где были созданы учебно-тренировочные лагеря. В этой вилайе А. Бутефлика получил возможность установить и поддерживать постоянные контакты с высшим руководством АНО; он начинает выполнять наиболее сложные поручения.

Военный псевдоним А. Бутефлики — Абдель Кадер. Однако в 1958 г., выполняя задание Х. Бумедьена по структуризации воинских подразделений на юго-западе страны на границе с Мали, он получил и прозвище «малиец». Несмотря на свой молодой возраст — 21 год, он обладал мужеством и смелостью, что помогло ему проложить важный в стратегическом отношении для алжирской пограничной армии «соляной путь» от алжирского Туат Гураара до малийских городов Томбукту и Мопти [Богучарский 2007: 268]. Х. Бумедьен доверял молодому Бутефлике самые delicate миссии, которые блестяще выполнялись благодаря таким качествам, как ум, ораторское искусство, организаторские способности, умение маневрировать. В 1960 г. была проведена реорганизация Армии национального освобождения, был создан Генеральный штаб, который возглавил Х. Бумедьен. Тогда же будущий президент Алжира А. Бутефлика начал представлять интересы Генштаба на различных мероприятиях вне Алжира [Chaliand 1976].

7 марта 1962 г. между Францией и Алжиром начались переговоры в городе Эвиане, которые завершились 18 марта подписанием целого комплекта различных документов, получивших впоследствии название «Эвианских соглашений». Длительный процесс переговоров между представителями французского правительства и Временным правительством Алжирской Республики завершился заключением соглашения о прекращении военных действий и согласованием текстов деклараций, предусматривающих достижение Алжиром независимости путем проведения референдума о самоопределении. В 1962 г. армия поддерживает кандидатуру Бен Беллы на пост первого президента Алжира.

Бутефлика избирает политическую карьеру и становится представителем города Тлемсен в Учредительном собрании и одновременно министром молодежи, спорта и туризма, самым молодым членом правительства Бен Беллы. Одновременно он входил в состав ЦК и с 1964 по 1981 гг. был членом Политбюро правящей партии Фронт национального освобождения; неоднократно избирался депутатом законодательного собрания. После убийства главы алжирской дипломатии Мохаммеда Кхемисти А. Бутефлика становится министром иностранных дел АНДР (когда он занял этот пост, ему было всего 25 лет). На посту главы внешнеполитического ведомства он работает с 1963 по 1979 гг., способствуя в немалой степени укреплению международного авторитета Алжира в сложный для него период становления политической и экономической самостоятельности.

К 1965 г. в результате обострения внутривластной борьбы осложнились отношения между партийным и армейским руководством, а армия была реальной политической силой, с которой нельзя было не считаться. 19 июня 1965 г. армия отстранила Бен Беллу от власти, а ее руководство образовало Революционный совет и взяло власть в свои руки, провозгласив своей целью «выправление линии революционного развития» [Комар 1985: 41]. В ходе этих событий А. Бутефлика занял сторону тех, кто отстранил от власти 18 июня Ахмеда Бен Беллу.

Во времена Х. Бумедьена А. Бутефлика был не просто министром иностранных дел, а его правой рукой, фактически вторым лицом в государстве. Он зарекомендовал себя не только как активный и действенный политик, но и как искусный дипломат. Уже в 1962 г. в самом начале своей политической карьеры он свободно и непринужденно стал появляться перед широкой публикой и средствами массовой информации. Он оттачивал свое ораторское мастерство, председательствуя на сессии совета министров ОАЕ в 1968 г., на саммите Движения неприсоединения в 1973 г., на посту председателя Генеральной ассамблеи ООН в 1974 г.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ПОСТУ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Для первого периода независимого развития Алжира основной задачей, как и для многих освободившихся стран, стало закрепление только что завоеванной политической независимости, укрепление суверенитета, противостояние натиску бывших колонизаторов в экономической и политической сфере, которые пытались восстановить свое влияние в бывших колониях и превратить их независимость в фикцию. Алжиру удалось добиться крупных успехов в области индустриализации и превращения своей промышленности в костяк национальной экономики [Ланда 1999: 167]. Многие в решении поставленных задач зависело от внешнеполитического курса молодого государства, от того, сумеет ли оно занять достойное место в мировой политике и международных отношениях.

Решением этой задачи и занялся молодой министр иностранных дел А. Бутефлика, который начал проводить активную внешнюю политику [Миронова 2004: 93—99]. Прежде всего, алжирская дипломатия начала проявлять свою активность в работе международных и региональных организаций. Уже в 1962 г. Алжир стал членом Организации Объединенных Наций (ООН), в 1963 г. — членом Органи-

зации Африканского Единства (ОАЕ), принимал активное участие в работе Организации Исламской Конференции (ОИК), играл важную роль в Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК). На XXIX сессии ГА ООН, председателем которой стал А. Бутефлика, Алжир добился принятия положительных решений по таким актуальным проблемам, как запрещение воздействия на окружающую среду и климат, созыв Всемирной конференции по разоружению (ВКР), определение агрессии и др.

Важным вектором внешнеполитической деятельности Алжира стало африканское направление, что определялось, прежде всего, потребностями национальной экономики и стремлением страны отойти от однобокой ориентации на нефтегазовый комплекс. В 1965 г. А. Бутефлика возглавил алжирскую делегацию на третьей конференции глав государств и правительств ОАЕ, состоявшейся в столице Ганы Аккре, участие в работе которой позволило А. Бутефлике укрепить и расширить связи с африканскими лидерами. В последующем А. Бутефлика широко использовал это событие, чтобы превратить Алжир в место объединения лидеров национально-освободительных движений Африки.

В 1974 г. А. Бутефлика был единогласно избран председателем Генеральной ассамблеи ООН. Его пребывание на этом посту ознаменовалось исключением из ООН ЮАР, где еще господствовал режим апартеида. Это событие вызвало бурю восторга среди африканских делегаций, которые устроили овацию Бутефлике, а представитель Сенегала в ООН кричал: «Бутефлика, хотя у тебя зеленые глаза, но ты самый черный из всех африканцев!» [Богучарский 2007: 271].

В эти годы советско-алжирское сотрудничество успешно развивалось во всех областях — в политике, экономике, науке и культуре. При содействии социалистических стран в Алжире было построено свыше 100 народно-хозяйственных объектов (более 80 с помощью СССР).

В период нахождения А. Бутефлики на посту министра иностранных дел Алжир стал лидером Движения неприсоединения (в кулуарах его часто называли «рупором» Движения неприсоединения). К концу председательства Алжира в Движении неприсоединения его престиж был в зените. Благодаря своей последовательной и твердой позиции Алжир занял значительное место в мировой политике³.

---

³ Свидетельством этого стали следующие факты: А. Бутефлика в 1974 г. стал председателем Генеральной ассамблеи ООН, исполнительным директором ЮНИДО стал алжирец, алжирский представитель возглавил «Комитет — 24», который был уполномочен «Группой — 77» заниматься валютными и финансовыми вопросами. Одновременно Алжир стал членом «Комитета — 20», созданного МВФ (11 промышленно развитых и 9 развивающихся государств) для изучения и определения целей реформирующейся международной валютной системы. За время нахождения А. Бутефлики на посту министра иностранных дел в Алжире были открыты посольства более чем 70 стран, информационный центр ООН, представительства специализированных учреждений ООН и международных организаций (Программы развития ООН, Мировой продовольственной программы, Всемирной организации здравоохранения, Детского фонда ООН, Международной организации гражданской авиации и др.), а также более 20 представительств национально-освободительных движений Африки, Азии и Латинской Америки. Недаром А. Бутефлику за его деятельность на своем посту стали называть «лучшим дипломатом Африки».

Визит А. Бутефлики в июле 1973 г. в Париж положил начало политическому диалогу с бывшей метрополией на новой основе. Эту поездку инициировала алжирская сторона, а французское правительство уделило исключительное внимание министру Алжира и активно подчеркивало свою заинтересованность в улучшении франко-алжирских отношений.

В декабре 1978 г. неожиданно скончался президент Хуари Бумедьен, и это событие усилило внутривластную поляризацию сил внутри ФНО. Одна группировка выступила за либерализацию общественно-политической системы Алжира. Другое направление было представлено сторонниками укрепления курса социалистической ориентации. В сложной обстановке внутривластной борьбы решение приняла армия, которая выдвинула и поддержала кандидатуру Шадли Бенджедида «как старейшего офицера, имеющего самое высокое звание», которое в то время присваивалось в алжирской армии. Для А. Бутефлики начинается сложный период. Чтобы упрочить свою власть, Ш. Бенджедид проводит политику «демумедьенизации» государственного аппарата. В 1979 г. А. Бутефлика был назначен министром — советником при президенте, однако в 1980 г. он был отстранен от работы в правительстве, в 1981 г. исключен из членов ЦК ФНО, а затем вынужден был эмигрировать за границу.

В 1987 г. А. Бутефлика вернулся в Алжир, однако долгое время он не занимался никакой политической деятельностью. В январе 1992 г. после снятия президента Шадли Бенджедида со своего поста, А. Бутефлике было предложено руководить страной в течение переходного периода — периода возвращения к избирательному процессу. Однако, полагая, что условия для этого пока не созрели, он отклонил данное предложение.

Пытаясь не допустить дальнейшего продвижения исламской партии к власти, военные объявили в стране чрезвычайное положение и создали переходный внеконституционный орган государственной власти — Высший государственный совет (ВГС) [Сапронова 1999: 43—77]. Эти события повлекли за собой противостояние исламских партий военному режиму, переросшему со временем в полномасштабную гражданскую войну, массовый террор и акты насилия, продолжавшиеся в Алжире в 1990-е гг.

ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА: ВЫХОД ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

В 1998 г., когда президент Ламин Зеруаль заявил о досрочном проведении президентских выборов, политическая ситуация в стране была совершенно иной. А. Бутефлику поддерживала правящая элита, с ним связывали надежды на примирение и умеренные исламисты, и модернисты. В отличие от большинства ведущих алжирских государственных деятелей, он имел имидж порядочного политика. В своей предвыборной программе А. Бутефлика заявил, что является сторонником политики «объединения всех алжирцев с целью спасения Алжира» и установления подлинной демократии.

Выступая в качестве независимого кандидата, он одержал убедительную победу на президентских выборах 15 апреля 1999 г. Его кандидатуру поддержали

входящие в правительственную коалицию партии Национальное демократическое объединение (НДО), Фронт национального освобождения (ФНО) и исламское Движение общества за мир (ДОМ), а также алжирское профсоюзное объединение — Всеобщий союз алжирских трудящихся (ВСАТ).

Многие западные специалисты по странам Магриба полагали, что именно А. Бутефлика пользовался особой поддержкой военной элиты и силовых структур. С этим мнением согласны и российские исследователи [Долгов 2004: 170], особенно с учетом того, что предвыборным штабом А. Бутефлики руководил генерал Ларби Бельхейр, которого пресса называла одним из самых влиятельных офицеров в алжирской армии. В то же время в ближайшее окружение Бутефлики входили видные военные и бывшие руководители службы безопасности, с которыми его связывали давние служебные и личные отношения. Взаимоотношения руководителя страны с военной элитой являлись одним из наиболее важных факторов, определявших до известной степени социально-политическое развитие независимого Алжира. Армия была реальной и основной политической силой в стране, и ее поддержка становилась главным условием нахождения у власти того или иного руководителя.

В первом публичном заявлении после избрания на пост президента А. Бутефлика сказал, что своей приоритетной задачей он считает прекращение кровопролития. Он стал первым алжирским руководителем, который признал, что одной из причин, способствовавших началу вооруженного противостояния, было прерывание избирательного процесса в январе 1992 г.

Одним из главных направлений деятельности нового президента стала политика в направлении стабилизации финансово-экономического положения страны. В 1994 г. Алжир находился на грани финансового краха и был вынужден временно прекратить внешние платежи. Его выплаты по обслуживанию долга сравнялись с экспортными поступлениями и составили соответственно 9 млрд долларов и 8,4 млрд долларов. А уже в 2000 г. Алжиру удалось сократить внешнюю задолженность на 3 млрд долларов с 28,31 до 25,26 млрд долларов — это был самый низкий уровень задолженности за последние десять лет [Миронова 2004: 82].

Став президентом страны, А. Бутефлика проявил себя активным государственным деятелем, интересовавшимся всеми сторонами деятельности государства, стремящимся вникнуть во все детали актуальных проблем. Одним из первых шагов нового президента стало официальное признание достигнутого между руководством алжирской армии и Исламской армии спасения (вооруженного крыла партии Исламский фронт спасения) перемирия, а также обнародование проекта закона «О восстановлении гражданского согласия», который включал положение об амнистии всех участников исламистского движения, «чьи руки не запятнаны кровью». Данный закон стал одним из главных элементов президентской программы, направленной на прекращение длительного вооруженного противостояния. Согласно этому закону, лицам, выразившим «чистосердечное раскаяние» и желание прекратить «преступную террористическую деятельность», гарантировалась возможность реадaptироваться в «гражданское общество»⁴.

---

⁴ Projet de loi sur le retablissement de la concorde civil. El-Moudjahid. Alger, 2 aout 1999.

Важнейшим шагом на пути национального примирения стал проведенный 16 сентября 1999 г. общенациональный референдум в поддержку президентской программы. Принятие закона «О восстановлении гражданского согласия», одобренного алжирским парламентом, и предпринятые в дальнейшем на его основе меры привели к существенному ослаблению вооруженного противостояния исламистской оппозиции с властями. Довольно значительное число боевиков из различных экстремистских группировок, воспользовавшись законом об амнистии, начали сдаваться властям: к январю 2000 г. сдалось около 1800 боевиков из общего числа, оцениваемого в 3 тыс. [Долгов 2004: 172]

Став инициатором важнейшей кампании по национальному примирению и проведению широкомасштабных социально-экономических реформ в стране, Бутефлика способствовал укреплению авторитета и веса Алжира на международной арене, его превращению в одного из региональных лидеров. Алжирский лидер заслужил похвалу со стороны Запада за поддержку войны с террором. Внутри страны многие алжирцы ставили в заслугу президенту то, что он сделал их жизнь более безопасной.

В 1990-е гг. в период разгула в стране экстремистских группировок и массовой гибели мирных жителей Алжир убеждал западные страны в необходимости принятия совместных мер по борьбе против терроризма. Подобные призывы долгое время оставались без ответа. Ситуация начала меняться только после террористических актов в США 11 сентября 2001 г. Как политическую победу расценили в Алжире подписание 19 декабря 2001 г. в Брюсселе соглашения об ассоциации между Европейским Союзом и АНДР [Khelladi 2004]. Сам этот акт означал, что европейцы после долгих колебаний согласились с алжирским тезисом о международном характере терроризма.

Стремясь всеми силами создать благоприятный внешний имидж, Алжир в период нахождения у власти Бутефлики провел ряд крупных международных форумов. Одним из них, в частности, стал проведенный в августе 2001 г. 15-й Всемирный фестиваль молодежи и студентов (подобный форум впервые проводился в африканской и арабской стране).

Избрание А. Бутефлики президентом республики в апреле 1999 г. совпало с подготовкой страны к проведению очередной конференции глав государств и правительств стран — членов Организации Африканского Единства (ОАЕ). Безусловно, само проведение конференции и последующее пребывание в течение года на посту председателя этой авторитетной региональной организации открывало перед А. Бутефликой двери столиц многих стран мира и международных организаций, давало ему возможность проявить себя в качестве активного государственного деятеля, видного дипломата, имеющего богатый опыт работы на международной арене. Возглавив ОАЕ (в настоящее время Африканский Союз), он начал свою миссию с борьбы за урегулирование многих конфликтов, раздирающих африканский континент, чем способствовал серьезному снижению напряженности в этом регионе. Так, несомненным успехом Алжира стала сыгранная им посредническая роль в урегулировании конфликта между Эритреей и Эфио-

пией. 12 декабря 2000 г. эти страны подписали в Алжире всеобъемлющее мирное соглашение, прекратившее двухлетний кровавый вооруженный конфликт на Африканском Роге.

Направляя усилия на укрепление международного авторитета Алжира, А. Бутефлика продолжил активную деятельность по урегулированию отношений с Францией, Марокко, Израилем. В 2004 г. совместно с президентом Туниса Зин аль-Абидином Бен Али он предпринимал попытки по возобновлению деятельности региональной организации Союз арабского Магриба (САМ), руководил подготовкой и проведением XVII саммита ЛАГ, состоявшегося в Алжире 22—23 марта 2005 г.

Сохраняя в целом приоритетное направление на сотрудничество с Западом, Алжир в то же время был заинтересован в восстановлении связей со своими «традиционными» партнерами, и, прежде всего с Россией, что связано с соображениями прагматического характера, в частности, со стремлением уменьшить зависимость от опеки Запада. Россия, в свою очередь, также имеет в Алжире свои экономические и политические интересы, поэтому после довольно длительного перерыва в отношениях, связи России и Алжира при А. Бутефлике начали довольно быстро активизироваться.

В 2001 г. отчетливо проявилась тенденция к увеличению боевого потенциала Национальной народной армии (ННА) Алжира. В этом отразилось намерение А. Бутефлики вернуть Алжиру статус признанной региональной державы, каким он был в эпоху Хуари Бумедьена, посредством целенаправленного перевооружения армии. Эта тенденция нашла отражение в серии контактов, проведенных представителями Алжира со своими традиционными поставщиками оружия: было подписано соглашение с Россией, были проведены переговоры с Китаем и ЮАР, заключены контракты с Катаром.

В апреле 2001 г. А. Бутефлика находился с официальным визитом в Российской Федерации. В ходе этого визита президент Алжира продемонстрировал свой искренний интерес к историко-культурному наследию России, показав свое хорошее знание русской литературы, в частности произведений А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. Российско-алжирские соглашения о сотрудничестве в области обороны, в целом, возобновили традиционное военное сотрудничество между странами. Новый импульс развитию экономических, политических, военных, научно-технических и культурных связей между Алжиром и Россией дал обмен официальными визитами руководителей двух стран в 2006 и 2007 гг.

Таким образом, под руководством А. Бутефлики Алжир быстро начал восстанавливать свое влияние и престиж как в арабском мире, так и на международной арене в целом.

В период нахождения у власти А. Бутефлики Алжир добился существенных успехов, прежде всего в борьбе с терроризмом. В 2000-е гг. властям удалось резко снизить уровень насилия, практически подавить радикальное исламское движение и начать процесс восстановления гражданского согласия в обществе.

Этому в немалой степени способствовали и существенные положительные сдвиги в экономической сфере, прежде всего в нефтегазовом секторе, жилищном строительстве, реализации социальных проектов.

Переизбрание Бутефлики на четвертый президентский срок подтвердило, что значительная часть алжирцев продолжает поддерживать политический курс президента и воспринимает его в качестве общенационального лидера.

После возвращения в 1999 г. во власть А. Бутефлика, несмотря на критику со стороны своих оппонентов, сыграл ключевую роль в возрождении Алжира после десяти лет гражданской войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Богучарский Е.М.* Дипломатия и дипломатическая служба Алжира (1962—2006 гг.). М.: МГИМО, 2007.
- Долгов Б.В.* Исламистский вызов и алжирское общество (1970—2004). М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004.
- Комар В.И.* Идеино-политическое развитие ФНО Алжира (1954—1984). М.: Наука, 1985.
- Ланда Р.Г.* История Алжира. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 1999.
- Миронова Е.И.* Алжир: смена приоритетов развития. М.: Институт Африки РАН, 2004.
- Сапронова М.А.* Политика и конституционный процесс в Алжире (1989—1999). М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999.
- Chaliand J.* “Mythes revolutionnaires” du Tiers-Monde. Paris: Le Seuil, 1976.
- Khelladi A.* Democratie a l'algerienne. Les lecons d'une election. Alger: Marsa, 2004.

Дата поступления статьи: 19.08.2016

Для цитирования: Сапронова М.А. Роль Абдель Азиза Бутефлики в урегулировании внутриалжирского конфликта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 567—577.

ABDELAZIZ BOUTEFLIKA'S ROLE IN THE SETTLEMENT OF THE INTERNAL ALGERIAN CONFLICT

M.A. Sapronova

Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

This article presents political activity of the Algerian president Abdelaziz Bouteflika who has been holding this office since 1999. During this period Algeria has undergone serious political transformations, ended civil war, restored its positions in the international arena, made a step forward in the economic sphere. The personality of the president — consummate politician and diplomat contributed to this success. He has managed to draw the Algerian society together in tough times and suggested the ways towards the exit from the crisis. Under the direction of Abdelaziz Bouteflika Algeria have had great success particularly in fighting against terrorism. During the 2000s the authorities have made to reduce drastically the level of violence, practically suppress the radical Islamic

movement and initiate process of social harmony recovery in the society. Bouteflika's holdover for 4th period have proved that significant part of the Algerians keeps supporting the president's policy and considers him as a national leader. Carrying out the political reforms in 2011 initiated by the president let Algeria avoid some new revolutionary disturbances that conflagrated other Arab countries.

Key words: Algeria, settlement, political history, reforms, economic crisis, Abdelaziz Bouteflika.

REFERENCES

Bogutharskiy, E.M. (2007). *Diplomatiya I diplomaticheskaya sluzhba Algira (1962—2006)* [Diplomacy and diplomatic service of Algeria]. Moscow: MGIMO.

Dolgov, B.V. (2004). *Islamistskii vizov i algirskoe obshchestvo (1970—2004)*. [Islamist issue and Algerian society]. Moscow, Institut izuzheniya Izrailia I Blignego Vostoka.

Komar, V.I. (1985). *Ideino-politicheskoe razvitiye FNO Algira (1954—1984)*. [Ideological and political development of Algerian National Liberation Front]. Moscow: Nauka.

Landa, R.G. (1999). *Istoriya Algira. XX vek*. [Algerian History. XX century]. Moscow: Institut Vostokovedeniya RAN.

Mironova, E.I. (2004). *Algir: smena prioritetov razvitiya*. [Algeria: shift in development priorities]. Moscow: Institut Afriki RAN.

Sapronova, M.A. (1999). *Politika I konstitutsionnij protsess v Algire*. [Politics and constitutional process in Algeria]. Moscow, Institut izuzheniya Izrailia I Blignego Vostoka.

Chaliand, J. (1976). "Mythes revolutionnaires" du Tiers-Monde. Paris: Le Seuil.

Khelladi, Aissa. (2004). *Democratie a l'algerienne*. Les lecons d'une election. Alger: Marsa.

Received: 19.08.2016

For citations: Sapronova, M.A. (2016). Abdelaziz Bouteflika's role in the settlement of the internal Algerian conflict. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (3), pp. 567—577.

РЕЦЕНЗИИ

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
Курылев К.П. Внешняя политика Украины
в контексте формирования региональной
системы безопасности в Европе / К.П. Курылев. —
М.: Российский университет дружбы народов,
2014. — 530 с.**

В.Г. Джангирян, Д.В. Станис, Н.Г. Смолик

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Трагические события, которые произошли в соседнем и близком для нас украинском государстве в 2013—2014 гг., и начавшаяся в нем гражданская война серьезно осложнили международную ситуацию в Европе и мире, отрицательно сказались на процессе формирования системы европейской безопасности. Украинский кризис отрицательно сказался на международном положении и нашего государства, осложнил внутреннюю ситуацию в нем, в первую очередь, экономическое развитие.

Поэтому желание К.П. Курылева исследовать процесс формирования и развития внешнеполитической концепции украинского государства и ее осуществление, выявить и проанализировать последствия этого для развития общеевропейской безопасности и международных отношений в Европе и обеспечения безопасности России заслуживает одобрения и поддержки.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в отечественной и зарубежной исторической науке на основе проведенного комплексного изучения широкого круга разнообразных источников глубоко исследован процесс развития внешнеполитической концепции Украины от ее зарождения до наших дней и, что очень важно, раскрыты результаты ее осуществления. В научный оборот введен весьма обширный комплекс разнообразных источников на четырех языках: русском, украинском, английском и польском. Это дало возможность исследователю объективно, всесторонне и достаточно глубоко решить поставленные задачи.

Научная новизна монографии К.П. Курылева заключается и в том, что процесс формирования и осуществления внешней политики украинского государства в контексте развития общеевропейской системы безопасности и его влияние на международное положение Российской Федерации ранее не изучался как отдельное явление.

Результаты проведенного исследования и авторские выводы, которые вытекают из этого, расширяют общее понимание внешней политики Украины и ЕС, влияние этого на развитие безопасности не только России и стран Европы, но и на международную ситуацию во всем мире.

Использование в монографии различных современных методологических подходов и методов исторического анализа основных проблем изучаемой темы способствовало достижению поставленной научной цели и наиболее полному решению конкретных научно-исследовательских задач, а следовательно, и получению достоверных результатов.

Книга состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографического списка.

В первой главе «Украина в системе европейской безопасности», в ее первом разделе, анализируется европейская безопасность как система региональной безопасности. Заслугой исследователя является то, что ему удалось достаточно глубоко и основательно раскрыть содержание, специфику и особенности современной европейской безопасности, обратить внимание на возникновение новых угроз для нее. В разделе дается достаточно взвешенная характеристика деятельности таких европейских структур, как НАТО, ЕС и ОБСЕ и их роли для развития современной Европы.

Но особый интерес, исходя из темы исследования, представляет содержание второго раздела этой главы. В нем обстоятельно и глубоко раскрываются основные факторы, влияющие на роль, место и значимость украинского государства для Европы. К ним автор относит территориально-географический, демографический, транзитный, экономический, научно-образовательный и другие факторы, которые, по мнению автора, потенциально превращают Украину в одно из важнейших государств в Европе. А недостатком геополитического развития Украины, по мнению исследователя, и здесь с ним можно согласиться, является сложное этноконфессиональное разнообразие украинского народа. Последнее постоянно провоцирует, как об этом свидетельствует исторический опыт, политическую нестабильность и ведет к росту межнациональной розни, что в итоге расшатывает украинское государство.

Большой интерес представляет и третий раздел этой главы. В нем достаточно обстоятельно и на должном аналитическом уровне анализируются и даются оценки геополитических концепций отечественных, украинских и западных историков, политологов и других обществоведов о месте и роли Украины для развития Европы и Российской Федерации.

Вторая глава монографии «Концептуальные основы современной внешней политики Украины» посвящена изучению и анализу концептуального базиса становления и развития украинского государства с момента провозглашения его независимости и до наших дней.

В первом разделе второй главы раскрывается авторское понимание содержания и значимости национальных интересов в целом и в частности конкретно для Украины. Кратко описывается взаимосвязь и взаимовлияние внешнего фактора на внутреннее развитие страны. На наш взгляд, на примере Украины можно было бы дать более обстоятельный анализ этого взаимовлияния. Так, если анализировать

взаимосвязь внешней и внутренней политики Украины, то окажется, что последняя была подчинена первой. Ошибочная внешняя ориентация украинского государства, направленная на укрепление связей с Европой, а позже с США, и разрыв связей с Россией привели к плачевным результатам в экономической, научной, образовательной, культурной и других сферах. Украина, имевшая в советское время значительные достижения в этих областях, за годы независимости много утратила и переживает упадок и деградацию.

В этом же разделе автор детально и глубоко изучил и проанализировал нормативно-правовые источники: законы, концепции, утвержденные парламентом или президентом страны, другие документы, в которых определялись стратегия и основные направления внешней политики и укрепления национальной безопасности украинского государства на разных этапах его существования. Исследуя их содержание, автор констатирует, что они в основном имели декларативный характер. В них отсутствовали четкие планы проведения внешней политики, которые могли бы содействовать эффективному развитию экономики, образования, науки на Украине. По мнению К.П. Курылева, которое мы разделяем, Украина за годы суверенного развития так и не выработала целостную систему национальных интересов. Результатом этого стали глубочайшие кризисы украинской государственности, которые уже несколько раз переживала эта страна.

Во втором разделе главы глубоко и с учетом новых методологических подходов изучены и проанализированы как традиционные, так и нетрадиционные угрозы, некоторые из них носят трансграничный характер и серьезно осложняют проведение независимой внешней политики на современном этапе и требуют широкого международного сотрудничества в разных сферах и формах. В этой связи автор утверждает, и с этим можно и надо согласиться, что Украина оказалась не готова к тому, чтобы самостоятельно и в своих национальных интересах проводить независимую внешнюю политику и обеспечивать свою национальную безопасность.

В третьем разделе этой главы К.П. Курылевым сделан основательный анализ приоритетов Украины в проведении ее внешней политики. Исследователь убедительно на основе обстоятельного анализа ключевых документов, определявших проведение внешней политики Украины за весь период ее суверенного существования, показывает, что приоритетными для ее международной деятельности, особенно в первые годы после провозглашения независимости, были связи с Российской Федерацией. Но постепенно в ее правящих политических кругах все больше внимания стало уделяться укреплению связей Украины с западными странами и евроатлантическими институтами. Это во многом объясняет нежелание украинских правящих элит активно участвовать в формировании интеграционных структур, которые начали создаваться на постсоветском пространстве по инициативе и под руководством России.

Третья глава «Украинско-российские отношения в контексте обеспечения безопасности в Европе» посвящена изучению и анализу развития двусторонних отношений между Украиной и Россией в сфере энергетики, в обеспечении безопасности в Черноморье и в приднестровском урегулировании.

Обстоятельно изучив и проанализировав энергетическую безопасность Европейского союза, сквозь призму отношений Украины и России, автор в первом раз-

деле главы убедительно показал значимость энергетической безопасности для наших двух государств и стран, входящих в Европейский союз. Глубоко исследовав энергетическую политику наших двух государств и Европейского союза, К.П. Курылев убедительно доказал, что стремление украинских правящих элит и Европейского союза направлено, и особенно это проявляется в последние годы, на повышение своей энергетической безопасности. Одновременно проявляется желание минимизировать в рамках общеевропейской системы энергобезопасности роль Российской Федерации. С чем наша страна не может согласиться.

Нам представляется, что правильным является вывод автора, что эффективная система обеспечения энергобезопасности Украины и других европейских стран может быть реализована только тогда, когда это не будет наносить ущерба России.

Исследуя во втором разделе главы российско-украинские отношения в Черноморском регионе, К.П. Курылев убедительно показал повышение его роли в международных отношениях. По его мнению, это объясняется тем, что Черноморье, находясь между Россией, Южной Европой и Ближним Востоком, имея выход к Средиземноморью, Северной Африке и Центральной Европе, давно превратилось в зону геополитического противоборства, военных игр и экономических интересов разных государств. Многие из них хотели бы вытеснить или, в крайнем случае, уменьшить роль Российской Федерации в этом регионе.

Анализ двустороннего сотрудничества Украины и России по обеспечению безопасности в Черноморском регионе, проведенный автором, свидетельствует о том, что оно развивалось в контексте проблем базирования Черноморского флота Российской Федерации в Крыму. Конфликты, возникшие между двумя нашими странами, связанные с базированием Черноморского флота РФ в портах Крымского полуострова, сводились к вопросу, удастся ли России укрепить свою роль в Черноморье, или наоборот ее влияние снизится. Результатом этого более чем двадцатилетнего противостояния Украины и России, иногда достаточно напряженного, явилось то, что нашей стране удалось не только сохранить присутствие РФ, но и в результате свободного волеизъявления народов Крыма вернуть полуостров в свой состав. Это значительно укрепило роль Российской Федерации в Черноморье.

В завершающем разделе этой главы проведен достаточно глубокий и обстоятельный анализ всех проблем, связанных с возникновением приднестровского конфликта и отношения к ней как со стороны России, так и Украины. Удачное и справедливое его разрешение могло бы продемонстрировать эффективность сотрудничества по этому вопросу наших двух стран. К сожалению, как это показано автором, на ситуацию вокруг этого конфликта повлияло ухудшение общего характера отношений между двумя нашими государствами, что отрицательно повлияло и на процесс урегулирования приднестровского конфликта.

В четвертой главе книги «Взаимодействие Украины и НАТО в деле обеспечения безопасности» обстоятельно исследуется комплекс проблем, связанных с процессом развития отношений Украины и НАТО.

В первом разделе этой главы раскрывается процесс постепенного формирования политико-правовой базы отношений Украины с этим военным альянсом. Автор обстоятельно, на основе изучения многих источников, проанализировал аргументы

как сторонников, так и противников вступления Украины в НАТО. Раскрыты причины, по которым против этого резко возражает Российская Федерация. К.П. Курылеву удалось обстоятельно показать, как постепенно в правящих элитах, включая и президентов Украины, все больше активно вызревало стремление за счет развития контактов с НАТО обеспечить себе свободу рук в отношениях с Российской Федерацией и тем самым помочь США уменьшить ее влияние в Европе и мире за счет растущей роли НАТО в международных отношениях.

В связи с этим очень интересным является содержание второго раздела этой главы. В нем обстоятельно изучены и проанализированы основные направления взаимодействия Украины и Североатлантического альянса в сфере укрепления обороны и безопасности в Европе и за ее пределами: в Афганистане, Ираке, на Балканах, Африке и других военных конфликтах.

Значительный интерес представляют сюжеты этого раздела, в которых исследуется оборонно-техническое сотрудничество Украины с НАТО в экономической, научной, военно-технической, информационной и др. сферах. Причем, как это отмечает исследователь, сотрудничество украинского государства с НАТО имеет тенденцию к укреплению при всех его президентах, удобных и не удобных для Российской Федерации.

В пятой главе «Европейская безопасность в контексте отношений Украины и ЕС» глубоко и основательно исследуется комплекс проблем, благодаря решению которых происходит процесс укрепления связей украинского государства с Европейским союзом. В ее первом разделе изучается процесс формирования политико-правовой базы отношений Украины и ЕС. Автор на основе широкого круга различных источников показал, что на протяжении всего постсоветского периода существования украинского государства главным стремлением для всех правящих в нем элит было укрепление связей с Европейским союзом. Как уместно подчеркивает автор, это было приоритетной задачей и для всех пяти президентов Украины.

К.П. Курылев взвешенно проанализировал мотивы, которыми руководствовались в этом деле все правящие элиты Украины. Действительно страны, входящие в Европейский союз, хотя и не все, добились значительных успехов в развитии экономики, демократии и стабильности, и благодаря этому создали благоприятные условия для жизни людей. Украинские элиты и население, особенно западноукраинских регионов, воодушевлялись желанием получить безвизовый режим для посещения стран, входящих в ЕС, а в дальнейшем переехать на жительство в них. Украинская олигархократия воодушевлялась желанием и возможностью получить финансовую помощь и опиралась на поддержку ЕС добиться от России снижения цен на энергоносители и другое сырье. В этом же разделе автор обстоятельно проанализировал процесс создания и содержание нормативно-правовой базы и организации необходимых институтов для вхождения Украины в Евросоюз.

Второй раздел этой главы посвящен изучению и анализу целей и задач созданной в ЕС программы под названием Восточное партнерство. Она рассчитана на отрыв от России и вовлечение в орбиту ЕС постсоветских государств Европы и Кавказа. С учетом исследуемой темы К.П. Курылев достаточно обстоятельно

проанализировал место и роль Украины в реализации вышеназванной программы и результаты этой деятельности.

В заключении подведены итоги проведенного исследования. Сделанные автором глубокие, обстоятельные и содержательные выводы отличаются взвешенностью и аргументированностью. Авторский анализ, выводы и достоверность результатов проведенного исследования обеспечиваются обстоятельным изучением широкого круга привлеченной автором отечественной, украинской и западной литературы, квалифицированным и комплексным использованием общенаучных и специально-исторических методов, междисциплинарным и современным методологическим подходами, глубокой разработкой необходимого научно-понятийного аппарата, привлечением большого числа разнообразных источников, в первую очередь украинских.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Курылев К.П. Внешняя политика Украины в контексте формирования региональной системы безопасности в Европе. М.: Российский университет дружбы народов, 2014.

Дата поступления статьи: 08.07.2016

Для цитирования: *Джангирян В.Г., Станис Д.В., Смолик Н.Г.* Рецензия на монографию: Курылев К.П. «Внешняя политика Украины в контексте формирования региональной системы безопасности в Европе» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 578—583.

REVIEW OF THE BOOK:

Kurilev, K.P., 2014. Ukraine's foreign policy in the context of a regional security system in Europe. Moscow: RUDN University, 530 p. (in Russian)

V.G. Jhangiryan, D.V. Stanis, N.G. Smolik

RUDN University, Moscow, Russia

REFERENCES

Kurilev, K.P. (2014). Vneshnjaja politika Ukrainy v kontekste formirovaniya regional'noj sistemy bezopasnosti v Evrope [Ukraine's foreign policy in the context of a regional security system in Europe]. Moscow: RUDN University.

Received: 08.07.2016

For citations: Jhangiryan, V.G., Stanis, D.V., Smolik, N.G. (2016). Review of the book: Kurilev, K.P. Ukraine's foreign policy in the context of a regional security system in Europe. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16(3), pp. 578—583.

НАШИ АВТОРЫ

Базылева Сабрина Павловна — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032146163@pfur.ru)

Вахим Джамаль — профессор Бейрутского арабского университета (e-mail: jamalwakim1@gmail.com)

Громогласова Елизавета Сергеевна — канд. пед. наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН (e-mail: e_gromoglasova@imemo.ru)

Джангирян Владимир Гургенович — канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: dzhangiryan_vg@pfur.ru)

Идахоса Стефен Осахерумвен — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032094415@pfur.ru)

Караганов Сергей Александрович — д-р ист. наук, профессор, декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (e-mail: skaraganov@hse.ru)

Косов Александр Петрович — канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Белоруссия) (e-mail: alekos1979@mail.ru)

Кузнецов Александр Андреевич — канд. полит. наук, доцент факультета экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы (e-mail: samarkand4@yandex.ru)

Курьев Константин Петрович — д-р ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: kurylev_kp@yandex.ru)

Максимова Анастасия Викторовна — аспирант факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: nastjamaksimova@gmail.com)

Нгоян Артем Леонович — выпускник кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: nago@mail.ru)

Паласиос Кабрера Эдуардо — выпускник кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: epalacioscabrera@gmail.com)

Пейч Индиана — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 1042145085@pfur.ru)

Савичева Елена Михайловна — канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: savicheva@mail.ru)

Сапронова Марина Анатольевна — д-р ист. наук, профессор кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений (e-mail: m.sapronova@inno.mgimo.ru)

Скудина Ольга Вячеславовна — выпускник кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: olga.skudina@me.com)

Смолик Надежда Григорьевна — старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: smolik_ng@pfur.ru)

Станис Дарья Владимировна — канд. экон. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (e-mail: dariona@mail.ru)

Тафотье Джерри Роулингс — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: jerryrowllings@yahoo.fr)

Трунов Филипп Олегович — канд. полит. наук, преподаватель кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, научный сотрудник отдела Европы и Америки ИНИОН РАН (e-mail: ltrunov@mail.ru)

Хачатурян Давид Анатольевич — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 1042145106@pfur.ru)

Худайкулова Александра Викторовна — канд. полит. наук, советник ректора, доцент кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений МИД России (e-mail: khudaykulova@mgimo.ru)

Черненко Елена Федоровна — канд. экон. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: chernenko_ef@pfur.ru)

Чикризова Ольга Сергеевна — канд. ист. наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: chikrizova_os@pfur.ru)

OUR AUTHORS

Bazyleva Sabrina Pavlovna — graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: 1032146163@pfur.ru)

Chernenko Elena Fedorovna — PhD in Economics, Associate Professor of the Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: chernenko_ef@pfur.ru)

Chikrizova Olga Sergeevna — PhD in History, assistant of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: chikrizova_os@pfur.ru)

Dzhangiryan Vladimir Gurgenovich — PhD in History, Associate Professor of the Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: dzhangiryan_vg@pfur.ru)

Gromoglasova Elizaveta Sergeevna — PhD in Political Sciences, Leading Researcher at Primakov Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences (e-mail: e_gromoglasova@imemo.ru).

Idahosa Stefan Osaherumven — graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: 1032094415@pfur.ru)

Karaganov Sergey Aleksandrovich — Doctor of History, Professor, Dean of the Faculty of World Economy and World Politics of HSE (e-mail: skaraganov@hse.ru)

Khachaturian David Anatolievich — post-graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: 1042145106@pfur.ru)

Khudaykulova Alexandra Victorovna — PhD in Political Sciences, Counselor of Rector of MGIMO, Assistant Professor of the Department of Global political processes of Moscow State Institute of International Relations, MFA of Russia (e-mail: khudaykulova@mgimo.ru)

Kosov Aleksandr Petrovich — PhD in History, Associate Professor of the Department of World History and World Culture of Vitebsk State University named of Masherov (Belarus). (e-mail: alekos1979@mail.ru)

Kurylev Constantine Petrovich — Doctor of History, Associate Professor of the Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: kurylev_kp@yandex.ru)

Kuznetsov Alexander Andreevich — PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Faculty of Economics of the Russian Academy of National Economy and Public Administration. (e-mail: samarkand4@yandex.ru)

Maksimova Anastasiya Viktorovna — post-graduate student of the Faculty of World Economy and International Affairs of the National Research University Higher School of Economics (e-mail: nastjamaksimova@gmail.com)

Ngoyan Artem Levonovich — graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: nago@mail.ru)

Palacios Eduardo Cabrera — graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: epalacioscabrera@gmail.com)

Pejic Jndiana — post-graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: 1042145085@pfur.ru)

Sapronova Marina Anatolyevna — Doctor of History, Professor of the Department of World Politics of the Moscow State Institute of International Relations, MFA of Russia (e-mail: m.sapronova@inno.mgimo.ru)

Savicheva Elena Mikhailovna — PhD in History, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: savicheva@mail.ru)

Skudina Olga Vaycheslavovna — graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: olga.skudina@me.com)

Smolik Nadezhda Grigoryevna — Senior Lecturer of the Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: smolik_ng@pfur.ru)

Stanis Darya Vladimirovna — PhD in Economics, Associate Professor of the State and Municipal Government of RUDN University (e-mail: dariona@mail.ru)

Tafotie Jerry Rowlings — post-graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University (e-mail: jerryrowlings@yahoo.fr).

Trunov Philip Olegovich — PhD in Political Sciences, lecturer of the Department of international security of Lomonosov Moscow State University Faculty, researcher of the Department of Europe and America of INION of RAS (e-mail: ltrunov@mail.ru)

Vakim Jamal — Professor at the Beirut Arab University (e-mail: jamalwakim1@gmail.com)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ВЕСТНИКА РУДН. СЕРИЯ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Вестник РУДН, серия «Международные отношения» — ведущий российский научный журнал РУДН по международным отношениям, созданный в 2001 г. Журнал включен в перечень изданий, рекомендованных ВАК для опубликования результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный англоязычный дайджест журнала рассылается по ведущим аналитическим центрам мира по международным отношениям, входящим в рейтинг «Global Go To Think Tanks» Университета Пенсильвании.

Редакция журнала принимает к печати ранее не публиковавшиеся работы, при этом приоритет отдается следующим материалам:

1) статьям, соответствующим тематической направленности номеров журнала. Тематический портфель на 2017 г. следующий:

№ 1	50 лет деятельности МВФ. Развивающиеся страны в международных организациях	Срок сдачи до 15 декабря 2016 г.
№ 2	Этическое измерение и мораль в МО	Срок сдачи до 15 марта 2017 г.
№ 3	50 лет АСЕАН. Региональное сотрудничество в ЮВА	Срок сдачи до 15 июня 2017 г.
№ 4	Терроризм как глобальный проект и угроза международной безопасности	Срок сдачи до 15 сентября 2017 г.

2) статьям на английском языке. Журнал является двуязычным, и редакция заинтересована в повышении доли статей на английском языке;

3) статьям с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений;

4) статьям, соответствующим постоянным рубрикам журнала: «Мир и безопасность», «Международные экономические отношения», «Двусторонние отношения», «Прикладной анализ», «История международных отношений», «Международное образовательное сотрудничество», «Политические портреты», «Рецензии».

Правила предоставления рукописей размещены на сайте journals.rudn.ru (в связи с переходом на редакционные стандарты, совместимые со Scopus, с ноября 2015 г. правила изменились).

При несоблюдении требований к правилам предоставления рукописей они возвращаются на доработку до прохождения процедуры рецензирования.

Каждая рукопись в обязательном порядке направляется редакцией на двойное «слепое» рецензирование, результаты которого пересылаются автору в течение 2—3 недель.

Рукописи принимаются только по электронной почте по адресу: interj@pfur.ru с пометкой «Для публикации» в теме письма на имя Константина Петровича Курьева.

Потенциальных авторов приглашаем направлять развернутые тезисы на 2—3 страницы с изложением цели, гипотезы и методологии исследования, представлением его будущей структуры, или полноценные, завершенные статьи.

Редакция

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS. AUTHOR GUIDELINES

RUDN University and Vestnik RUDN. International Relations. RUDN University (ex-Patrice Lumumba University) is one of the top Russian universities and the leader in terms of students body internationalization across the CIS and the BRICS countries (the students represent more than 150 countries of the world). Central IR scientific edition of the University — Vestnik RUDN. International Relations (published since 2001) — has also international dimension. What we focus most on are pressing global issues and the history of international relations, foreign policy and diplomacy, regional security in Asia, Africa and Latin America, the «North-South» relationship and cooperation within BRICS, SCO and CIS, as well as international academic cooperation.

Our authors. Our authors are known Russian scholars of international affairs who represent leading metropolitan and regional universities, as well as institutes of Russian Academy of Science, and also experts from foreign countries, including those from the top European and Asian universities. Many authors of the Vestnik RUDN — post-graduates and young researchers of RUDN University — have come from the CIS countries, Asia, Africa and Latin America, who explore foreign policy issues of their states and add their local/nationspecific perspective in addressing current global issues.

Thematic scope. Each issue of the Bulletin has specific thematic scope. Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2017 will deal with the following issues:

# 1 2017	50 years of the IMF. Developing countries in international organizations	till 15 December 2016
# 2 2017	The ethical and moral dimension in IR	till 15 March 2017
# 3 2017	50 years of ASEAN. Regional cooperation in South-East Asia	till 15 June 2017
# 4 2017	Terrorism as a global project and a threat to international security	till 15 September 2017

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Bulletin and on the rules of submitting manuscripts, visit **journals.rudn.ru**.

Manuscripts are to be submitted via e-mail: interj@pfur.ru to Konstantin Petrovich Kurylev marked “for publication” in the subject line.

Prospective authors are welcome to send detailed abstracts (2—3 pages) outlining the purpose, methodology and hypothesis of the study, his view of the future structure, or complete, finalized papers.

Editors of Vestnik RUDN. International Relations

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУДН

Кафедра теории и истории международных отношений (ТИМО) РУДН исследует международные конфликты в различных регионах мира и совершенствует методику прикладного анализа МО.

Преимущества:

- ◆ междисциплинарность (исторические, политические, экономические, юридические аспекты международных конфликтов);
- ◆ количественные методы анализа (компьютерные базы данных по международным конфликтам);
- ◆ активное привлечение представителей диаспоры из изучаемых стран и регионов (в РУДН обучаются студенты из более чем 150 стран мира);
- ◆ телемосты с ведущими научными центрами мира.

Научные мероприятия:

- ◆ ежегодное (апрель) мероприятие по теории и практике анализа международных конфликтов (e-mail: sitanalyzrudn@gmail.com);

Методика

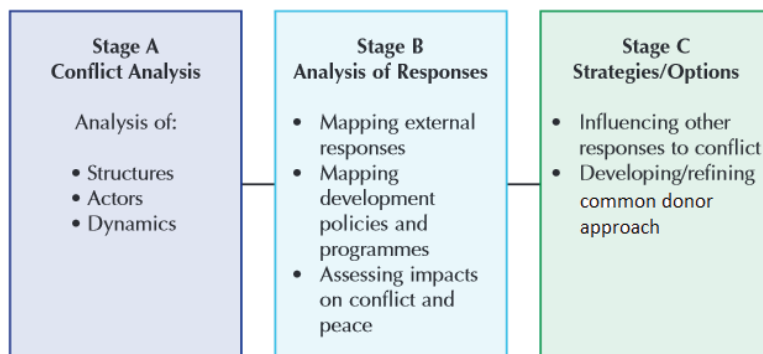

Год	Экспертный семинар (методика)	Ситуационный анализ РУДН (анализ конфликтов в одном из регионов)
2014	Теория и практика ситуационных анализов	Африка пост-Кадафи: новая дуга нестабильности
2015	Динамический хаос, механизмы глобального управления и международные конфликты	Большой Ближний Восток: двадцать лет спустя (1994—2014)
2016	Психологические аспекты МО, агентное моделирование, конструктивизм	Конфликтный потенциал постсоветского пространства
2017	Глобальное лидерство и комплексная взаимозависимость в мир-системе: сетевой анализ	Американская стратегия сдерживания КНР

- ◆ ежегодная (ноябрь) международная научная конференция по ситуации в Афганистане (e-mail: m.shpakovskaya@gmail.com).

Образовательная программа (магистратура)

Global Security and Development Cooperation (M.A. in IR. Totally Taught in English)

Научный журнал

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Серия
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Сентябрь 2016, том 16, № 3

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»
(ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198)

Редактор *Т.К. Будовская*
Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Адрес редакционной коллегии
серии «Международные отношения»:
ул. Миклухо-Маклая, д. 10а, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 433-03-98
e-mail: interjournalrudn@pfur.ru

Подписано в печать 19.09.2016. Выход в свет 30.09.2016. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 24,18. Тираж 500 экз. Заказ № 828

Цена свободная.

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
тел. (495) 952-04-41

Scientific journal

VESTNIK RUDN
International Relations

September 2016, Vol. 16, Number 3

Editor *T.K. Budovskaya*
Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Tel. +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board

Vestnik RUDN. International Relations:
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Tel. +7 (495) 433-03-98
e-mail: interjournalrudn@pfur.ru

Printing run 500 copies

Open price.

Address of PFUR publishing house

Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41